

ВОКРУГ СВЕТА

4 1985
АПРЕЛЬ

Михаил Сергеевич Г О Р Б А Ч Е В

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 го-

ду — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут парторгом Ставропольского территориально-производ-

ственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС, в 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР

8—11-го созывов, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мысли и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплываются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, чтобы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ **СВЕТА**

ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА

Журнал основан в 1861 году

№ 4

АПРЕЛЬ, 1985

- 2 Михаил БЕЛЯТ. Светофор над Пуэрто-Кабесасом
6 В. ЛЕБЕДЕВ. Горячие ветры Эфиопии
9 Е. КУНИЦЫН. Пассажир «Альтефера»
14 В. ГЛАДУНЕЦ. Дожди, несущие тревогу
17 В. ПРИВАЛОВ. Свидание в июле
20 А. ЗАБОТИН. В сезон большой воды
23 Григорий РЕЗНИЧЕНКО. Ордена Великой Отечественной
26 Андрей КУЧЕРОВ. Замок Илоны
30 Джон МАККИННОН. В лесах Борнео
36 Тамара БРЕУС. Рождение «Веги»
41 Загадки, проекты, открытия
42 Елизавета СУМЛЕНОВА. Пучок травы табьей
44 Владимир БЕЛЯКОВ, Игорь РОСТОВЦЕВ. Долина ада
50 В. НИКИТИН. Отчаянно вкусный иглобрюх
53 Вольфганг ШРАЙЕР. Неоконченный сценарий.
Роман
62 Пестрый мир
63 Листая старые страницы
64 Айзек АЗИМОВ. Они не прилетят. Фантастический рассказ
64 М. МАКСИМОВА. Араукарии помнят

На первой странице обложки: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Главный Кавказский хребет. Домбайская поляна, которую называют еще «полянкой альпинистов». Она находится на стыке трех ущелий, в окружении вершин Белалая, Софруджу и других. По склонам гор спускаются ледники...

Здесь расположена станция контрольно-спасательной службы. Опытные горноспасатели всегда готовы прийти на помощь тем, кто терпит бедствие в горах.

Фото нашего читателя А. Чупракова

Главный редактор А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная коллегия: В. И. АККУРАТОВ, А. С. БОЧУРОВ, Л. М. БРЕХОВСКИХ, Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ, Р. Ф. ИТС, А. П. КАЗАНЦЕВ, Ю. Б. КАШЛЕВ, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), В. И. НЕВОЛИН, В. А. ПРИВАЛОВ (ответственный секретарь), Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, А. В. ШУМИЛОВ

Оформление В. Неволина и Т. Гороховской
Технический редактор А. Бугрова

РЕПОРТАЖ

МИХАИЛ БЕЛЯТ,
соб. корр. АПН в Никарагуа —
специально для «Вокруг света»
Фото автора и Г. НАДЕЖДИНА

— **О** каком кооперативе говоришь, команданте? — Невысокий сухощавый старик исподлобья смотрит на Хосе Гонсалеса и тербит в руках выдавшую виды шапку с широким козырьком. — Какой может быть кооператив, когда на прошлой неделе из моей общины контраст опять угнали девять человек?!

Хосе Гонсалес — командующий войсками МВД Северной Селайи — задумчиво разглядывает старика с высоты своего роста и потом, словно отбросив последние сомнения, решительно говорит:

— Оружие дам. Пулеметов не обещаю, а карабины с патронами получите. Грузовик в общине есть? Вот и приезжайте завтра за оружием. А пока держи, это тебе мой подарок. — Хосе вынимает из кобуры и протягивает старику длинноствольный «магнум», поблескивающий вороненым металлом.

Старик испытующе смотрит на команданте, затем сует шапку за пазуху, долго вытирает ладони о линялые штаны и осторожно, обеими руками, будто боясь разбить, берет револьвер.

— Ну, команданте... ну, спасибо, — восхищенно бормочет он и с неожиданной для своего возраста живостью скатывается с крыльца штаба.

Хосе, улыбаясь, смотрит ему вслед.

— Эваристо Эрнандес Вильямсон, — поясняет команданте. — Вождь индейцев мискито. Их община называется Кумла. Я давно уговариваю мискито организовать рыболовческий кооператив, да они все не решались. Боятся. Совсем недавно большая группировка контрреволюционеров вновь перешла границу и бродит по сельве северо-западной Пуэрто-Кабесаса. Угоняют индейцев в Гондурас, жгут деревни, грабят, убивают... Вот мискито и боятся.

— А отчего старик так обрадовался револьверу? — спрашиваю я.

— Индейцы еще не привыкли к доверию, — хмурится Хосе. — Мы тут поначалу много ошибок наделали: всех мискито — что друзей, что врагов — одной меркой мерили... Впрочем, это тоже понять можно. Ты ведь представляешь себе, что такое Селайя?..

В Никарагуа департамент Селайя называют «Коста» — Побережье. Страна расположена между двумя океанами, но, как ни странно, Коста здесь одна. Когда говорят «Побережье», имеют в виду берег Атлантического океана. До революции граница Селайи, тянущаяся с севера на юг, была непреодолимой преградой между «испанской» и «английской» Никарагуа.

Западные области Никарагуа завоевывали в XVI веке испанцы, которые продвигались из Панамы и Коста-Рики вдоль Тихоокеанского побережья. Покоряя и истребляя индейские племена, закладывая города и крепости, конкистадоры уходили все дальше и дальше от Тихого океана. Устремляясь на восток, они оставляли позади обширные озера, плодородные равнины Чинандеги и Масаи, великопленные горные пастбища Матагальпы и Хинотеги. Когда одолели последние перевалы, с седловин открылась бесконечная сельва, уходящая за горизонт... Болота, растянувшиеся на десятки километров, реки с топкими берегами, мутные илестые потоки, кишасщие крокодилами и змеями, воздух, налитый мириадами насекомых... В этом краю их ждала смерть. Идти дальше испанцы не рискнули.

Спустя несколько десятилетий в лазурном мареве Атлантики показали белые паруса британских фрегатов. Англичане основали у самой кромки океана с полдюжины колоний, завезли с Ямайки негров-рабов и прочно, на века, обосновались на этой земле. Но идти в глубь джунглей

Светофор над Пуэрто-Кабесасом

не посмели и они. Правда, верные привычке таскать каштаны из огня чужими руками, сыны Альбиона нашли выход из положения. Северные районы будущего департамента Селайя населяло воинственное племя мискито. Обманом, подкупом вождя англичане сломали гордый дух индейцев и заставили их служить себе. Воины мискито, вооруженные английскими мушкетерами, справлялись с другими племенами, восставшими против чужеземцев, воевали с испанцами, охраняли поселения англичан... А чтобы окончательно подчинить индейцев, британцы насаждали на Косте свой язык, религию, свои нравы и порядки.

В 1821 году Никарагуа провозгласила независимость, а с 1838 года она стала самостоятельным государством. И тут же между США и Великобританией развернулась борьба за преобладающее влияние в Никарагуа. В Селайя было найдено золото и ценные породы деревьев, поэтому дядя Сэм не мог позволить Джону Булю в одиночку грабить эти богатства.

Шло время, но Коста по-прежнему оставалась изолированной от всей страны. Фактически это была все еще колония, которая лишь формально

считалась никарагуанской территорией. Ни англичане, ни американцы, высасывая соки из страны, и не думали заботиться о развитии края. Зачем? Капиталы вкладывались исключительно в то, что сулило быстрое приумножение прибылей. Школы, больницы, дороги, электростанции — все это расценивалось как ненужная и вредная роскошь.

До сих пор в Селайе нет асфальтированных дорог. До сих пор Селайя живет на привозимых с Запада продуктах: янки не утруждали себя развитием сельского хозяйства, не желали тратить силы и средства на борьбу с сельвой, и уж вовсе не входило в их планы приобщение индейцев к земледелию. Самых индейцев рассматривали исключительно как даровую рабочую силу. Селайя обладает богатейшими гидро-ресурсами, но до сих пор немногочисленные, с устаревшим, изношенным оборудованием электростанции работают на привозной нефти. В Селайе нет телевидения, типографий. В огромном департаменте, по площади превышающем Швейцарию, — всего три кинотеатра. Отсталость... Чудовищная отсталость — экономическая и культур-

ная... Таково наследие, полученное Никарагуа от империализма.

Сюда еще нужно добавить и отсталость политическую. Ведь вследствие изолированности, этнической, языковой и религиозной обособленности Селайя не переживала таких социальных бурь, как западные департаменты. До сандинистской революции все, чем жила Селайя, привозилось не из Никарагуа, а из Соединенных Штатов. Американские доллары, американские продукты, американское мировоззрение...

Сразу же после победы революции демократическое правительство национального возрождения решило сломать барьер, отделяющий Селайю от всей страны. Вот именно тогда и были совершены определенные ошибки, которыми воспользовались враги революции.

— Понимаешь, нашлись горячие головы, эдакие «ультрареволюционеры», — рассказывает Хосе. — Не узнав индейцев, не познакомившись толком с укладом жизни мискито, с их историей, с особенностями края, в обязательном порядке попытались всех сделать революционерами. А когда это не получилось, объявили индейцев —

К охране границы — готовы!

всех поголовно — врагами. Тут-то и повывезали из щелей настоящие контрабандисты — сомосовцы, агенты ЦРУ... Они стали забывать головы индейцам антикоммунистической пропагандой. Словом, дорого мы заплатили за «революционный угар» некоторых деятелей. Но сейчас ситуация в корне изменилась. Многие сделано для улучшения жизни мискито, вообще для Селайи. Потому большинство населения теперь с нами.

...Мы с Хосе Гонсалесом идем по Пуэрто-Кабесасу, главному городу Северной Селайи. Широкие, размытые дождями, никогда не знавшие асфальта улицы, дощатые дома на высоких сваях в окружении кокосовых пальм, неумолчный рев океана... Хосе с гордостью показывает мощную ромбовидными цементными кирпичами улицу — пока единственную в городе. Мы проходим мимо здания телеграфа. Телефонная связь в Пуэрто-Кабесасе появилась недавно. Целый год тянули ее из Манагуа, через горы,

болота и сельву. Телефонисты отбивались от банд, восстанавливали сотни метров проводов, поднимали столбы, подорванные контрреволюционерами.

Вот госпиталь, где работают кубинские медики-интернационалисты... Желтый домик радиостанции, над ним — паутина антенн. Передачи ведутся на трех языках — мискито, английском и испанском... Три новые школы... Отстраивающийся стадион... Когда я впервые попал сюда почти два года назад, всего этого еще не было.

Не было и светофора, одиноко висящего над перекрестком в центре города. Светофор пока, пожалуй, деталь из будущего. Ибо движение в Пуэрто-Кабесасе такое, что и обыкновенный регулировщик, приглашенный на полставки, пожалуй, засучает. Но для жителей светофор — символ будущих асфальтированных проспектов и бульваров, многоэтажных кварталов. Символ нового города. Поэтому водители так серьезно ждут зеленого света, хотя на милю в округе нет ни одной машины, грозящей столкновением. А ребята

тишки радостно визжат каждый раз, когда светофор мигает своими разноцветными глазами.

— Вот покончим с контрой, знаешь, что здесь понастроим? — мечтательно говорит Хосе, сдвигая фуражку на затылок. — Приезжай лет через десять-пятнадцать — сам увидишь...

Он говорит, подняв лицо к небу, чуть сощурился, словно вглядываясь во что-то дальше, и я вижу перед собой не сурового и строгого командира, а молодого улыбочивого парня, романтика и поэта. Да, да, поэта. Хосе пишет стихи — чистые, откровенные, хорошие стихи. Пока не публикует, не смотря на уговоры.

— Не до них сейчас, — смущается он. — Вот разобьем контру, тогда, может быть...

Команданте Хосе Гонсалесу двадцать четыре года, но за плечами у него подполье и сомосовские тюрьмы, партизанская война в горах и пять лет службы в войсках МВД: стычки с бандами, засады, рискованные операции...

— Как нам нужен мир, компаньеро! — вздыхает он. — Мир, чтобы

строить, мир, чтобы жить. Я вот, знаешь, часто смотрю на ребят, на солдат — и думаю: ведь каждый из них мог бы учиться, работать на фабрике, на стройке, в поле... А вместо этого — война, навязанная нам Вашингтоном. Вместо новых домов — пепелища деревень, разрушенные предприятия, разгромленные кооперативы. И ребята гибнут, гибнут ежедневно. Молодые, талантливые, полные сил... Но революцию надо защищать. Враг лезет нахрапом, нагло, не скрываясь...

В прошлом году американцы перебросили на сопредельную территорию отдельный батальон гондурасской армии «Кентавры». В ходе маневров «Биг-Пайн» гондурасцы построили сеть дорог в местах сосредоточения лагерей сомосовцев, взлетно-посадочные полосы, учебные полигоны. Словом, подготовили сомосовцам отличную оперативно-тактическую базу. Не говоря уже о том, что значительная часть вооружений, переданных США гондурасской армии после завершения маневров, тоже перекочевала к контрреволюционерам. И вот с мая 1984 года никарагуанскую границу в районе Селайе начали переходить обученные американскими советниками формированиями контрреволюционеров. Это — попытки реализовать план ЦРУ по отторжению департамента от Никарагуа и организации на территории Селайе «временного правительства», которое в дальнейшем могло бы обратиться за помощью к Вашингтону и тем самым дать повод для крупномасштабной интервенции.

— Диверсанты не останавливаются ни перед чем, — продолжает Хосе. — Кроме обычного для них террора против мирного населения, засад, стали прибегать и к химическому оружию. На нашем участке отмечено более десяти случаев применения контрреволюционерами гранат и снарядов с нервно-паралитическим газом. Но все равно у контрреволюции в Селайе ничего не выйдет. Теперь — не выйдут...

В общину Кумла мы поехали втроем: представитель министерства аграрной реформы Альваро Рамирес, 19-летний младший лейтенант госбезопасности Гильермо Обрегон и я. Утром на старом, обшарпанном грузовичке примчался Эваристо Эрнандес Вильямсон с двумя молчаливыми здоровенными сыновьями. Под наблюдением Гильермо парни быстро погрузили несколько ящиков, окрашенных в защитный цвет, и, не дожидаясь, пока наш шофер заведет «джип», грузовичок рванул со двора штаба. На что Гильермо, неодобрительно покачав головой, пробормотал:

— Да не отнимем, не бойтесь... Вот индейцы, понимаешь...

Песчаный проселок, петляя между болотами, бежит вдоль океанского бе-

рега. Ветер доносит соленые брызги прибоя, сечет песчинками лицо, свистит в ушах. Альваро улыбается и кричит, стараясь перекрыть рев прибоя:

— Не привык? Ничего. Лучше песок в лицо, чем пули сомосовцев. Тут есть и другая дорога, лесная, но там опасно — возможны засады...

Потом, когда мы уже приехали в Кумлу и остановились у церквушки, недавно выбеленной и сияющей под солнцем, как кусок рафинада, Альваро рассказал мне о задачах и целях аграрной реформы в Селайе.

— Сейчас мы закрепляем за индейцами право на владение землей. Американцы при Сомосе сгоняли их с общинных земель, забирая ее под лесозаготовки, под шахты. Поэтому индейцы, лишенные возможности заниматься своими традиционными промыслами — охотой и рыболовством, были вынуждены наниматься за гроши на поденную работу в компании, пополнять толпы безработных в городе, заниматься контрабандой...

Но вернуть индейцам землю — это только часть задачи, причем самая

легкая. Труднее — приучить их к сельскохозяйственному труду. Ведь земля здесь, в Селайе, богатая, а продукты приходится ввозить. Но дело потихоньку движется. В этом году, например, сняли отличный урожай риса, хватит всему району до следующего сезона. Думаем создать плантации овощей, разбить фруктовые сады.

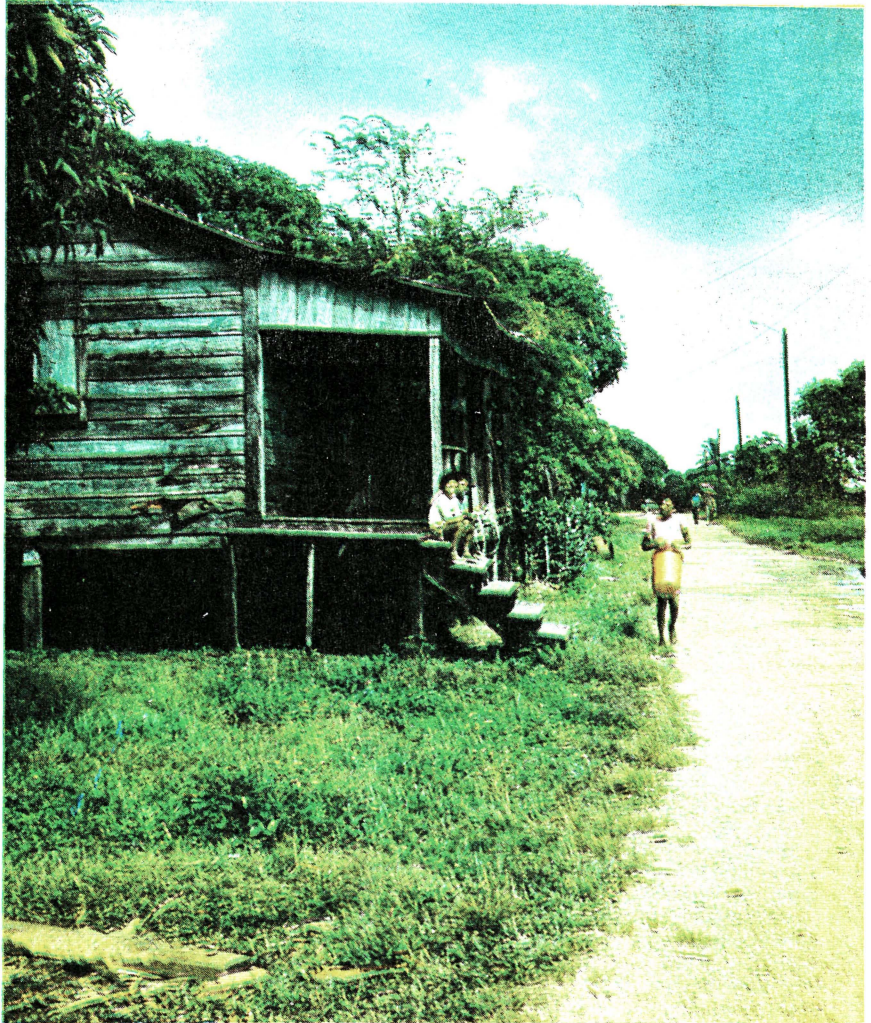
Министерство помогает индейцам создавать кооперативы, предоставляет долгосрочные кредиты для закупки техники, удобрений, направляет агрономов и механизаторов. Вот с контрой покончим, и лет через десять Селайе станет богатейшей аграрной зоной. Обещаю...

Я смотрю на залитую солнцем площадь, где Эваристо торжественно вручает индейцам карабины, а Гильермо записывает их номера и имена новых владельцев в замусоленную тетрадку.

Альваро Рамирес, словно угадав мои мысли, говорит:

— И здесь, в Кумле, будет кооператив. Обязательно будет...

Пуэрто-Кабесас —
Манагуа — Москва

Центральная улочка селения Кумла.

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.

ГОРЯЧИЕ ВЕТРЫ ЭФИОПИИ

Из центра Аддис-Абебы по улицам, осененным акациями, роняющими на асфальт сиреневые и алые лепестки, до этой окраины меня минут за пятнадцать довез Саша Тьквинский, один из специалистов-руководителей советского автоотряда. Наша машина развернулась на просторном поле, желтом от пожухлой травы.

На нем выстроились ровными рядами ЗИЛы — все триста с лишним машин, отмытые от пыли дальних дорог. На дверцах каждой кабины нарисована эмблема: скрещенные флажки двух государств и надписи на русском и амхарском языках «Помощь народу Эфиопии от Советского Союза». На другой стороне поля стояли десятки зеленых па-

латок. Успевшие уже выгореть под отвесными лучами тропического солнца, они основательно были поставлены на тугих растяжках, обложены у основания дерном. Как и положено, вокруг каждой палатки прорыты канавки.

— Надеетесь, что дождь пойдет? — спрашиваю у Тьквинского.

— А как же. И обязательно дождемся, — убежденно кивает тот. Свет низкого солнца пронизывает прямые дымки походных кухонь: от них доносится столь неожиданный здесь и очень аппетитный запах борща и каши.

— Свой хлебозавод, банно-прачечный комбинат — нормально устроились, — говорит Саша.

Потом он относит пластинки и диапо-

зитивы в клубную машину с радиорубкой, книги — в обширную палатку-библиотеку. Над лагерем понеслись знакомые мелодии молодежных песен. И пластинки и книги мы привезли с выставки «Советская молодежь». Она открылась в эти январские дни в здании городского муниципалитета, а затем организаторами большой выставки — ЦК ВЛКСМ и КМО СССР — передана в дар ЦК Ассоциации молодежи революционной Эфиопии вместе с подарками от белорусских ребят.

...Раннее утро. Жаркое солнце еще не успело растопить ночную прохладу высокогорья, когда автоколонна уже вытягивалась гигантской змеей на шоссе. Оно ведет в город Назрет.

Назрет вырос из захудалого поселка под горой Кеема в провинции Шоа. На окраине его раскинулся первенец эфиопского машиностроения — тракторосборочное предприятие, возведенное по советскому проекту эфиопскими и советскими строителями. Здесь собирают из деталей, поставляемых Советским Союзом, тракторы «Назрет». Сборкой их — близнецов «Беларуси» — руководят эфиопские инженеры, прошедшие практику на Минском тракторном заводе.

Здесь же, в Назрете, распределительный центр по оказанию помощи населению Эфиопии, пострадавшему от засухи. Там машины загружают мешками с зерном, и колонна отправляется на юг.

— Каждый рейс — больше тысячи тонн, — сообщает мне с гордостью один из шоферов.

..Наш «уазик» пылит по дороге. Жар хлещет в кабину вместе с пылью. Лихой шофер Володя Пройчев не без юмора называет это «сквознячком» и ездит с опущенными стеклами в дверцах машины. Рядом со мной — один из руководителей автоотряда, Дмитрий Андреевич Матюх. Я прошу его подробней рассказать о первых походах колонны по жаркой эфиопской земле.

..В красноморский порт Асэб белый красавец теплоход «Шота Руставели» с водителями и механиками на борту прибыл под вечер, когда еще грохотали порталные краны, тянувшие свои журавлиные шеи над багряной закатной полосой и прибрежными пальмами. Асэб — это главные морские ворота Социалистической Эфиопии. Через него идет три четверти международных перевозок. Здесь выгружают детали для тракторосборочного предприятия в Назрете, оборудование для совместных геологических разведочных экспедиций, работающих в Дире-Дауа и в золотосносном районе провинции Синдамо, для мелиораторов и топографов в Гамбеле, для строителей гидроэлектростанции в Мелка-Вакана, для нефтеперерабатывающего завода, построенного с помощью советских специалистов в самом Асэбе.

Едва рассвело, водители стали выводить машины прямо с кормы сухогрузов на причал. Один за другим выкатывались в улицы Асэба четырехтонные ЗИЛы и тут же шли под погрузку пшеницей и оборудованием. Перед отправкой колонны возник митинг, на котором жители Асэба с благодарностью говорили о вовремя послепевшей помощи советских друзей в тяжелое время засухи.

Первое испытание началось километром через сто, когда колонна втянулась в каньон. Дорогу сжали хаотические груды раскаленных камней.

— Жара была несусветная, — говорил Дмитрий Андреевич, — особенно во впадинах. Аж дух захватывало. Мы это место прозвали «каменным мешком».

Колонна растягивалась на километры — от гряды до гряды. Высота перевалов доходила до полутора километ-

ров, и тяжело нагруженные машины в разреженном воздухе с трудом вползали на подъем. Прошли подряд несколько перевалов, на один из них поднимались серпантином около сорока километров.

Дальше горы стали более пологими, их прорезали ущелья, расселины, зазмеились на обочинах узкие овраги. Незаметно прихлынули волны барханов. Началась пустыня — на сотни километров пустыня.

Перед усталыми, покрасневшими от солнца, запоросенными пылью глазами поплыли миражи. Метрах в пятидесяти от машины вдруг видишь: белеют дома, осененные зелеными кронами деревьев; бьют, искрятся хрустальные фонтаны; среди зыбкого озера остров, на нем качаются пальмы. Хотелось свернуть в их тень. Но под колесами машины — ясно видишь! — белеет, тает волна...

Потом и в самом деле вдоль дороги замелькали зонтичные акации, стали встречаться обезьяны; видели издала, как пробегали антилопы и страусы. И это было уже не видение.

То вдоль трассы, то пересекая ее, и по горам и по пескам, тянулись караванные тропы. Водителей поражала их чистота: словно камни специально были выбраны с тропы до последнего, до самого маленького. По тропам то близко, то вдаль, у горизонта, шли, покачиваясь, караваны верблюдов с грузами. Их сопровождали босые мужчины с длинными, загнутыми на конце кинжалами у пояса.

У селений вдоль дороги выстраивались жители, махали руками, а мальчишки громко читали — кто умел — лозунги на бортах машин и звонко кричали: «Русские едут!»

Выгоревшая земля простиралась вокруг, высохшая земля, пересекаемая узкими руслами безводных рек.

...В автоотряде у нас собрались водители и механики со всех концов Советского Союза, представители десятков национальностей. В основном бывалые ребята, знающие свое дело, поездившие по земле. Но тут все они впервые увидели лицо голода, лицо беды: брошенные дома, бурые иссохшие клочки полей, безутешное горе в печальных глазах людей.

Особенно тяжело было на стоянках: словно тени, из ниоткуда возникали люди. Рядом — ни жилища, ни воды. И вдруг на дымок походных кухонь приходили люди. Они очень хотели есть...

Не только Эфиопия страдает в Африке от засухи. Это стихийное бедствие, которое в начале 70-х годов поразило страны судано-сахельского региона, распространилось сейчас на многие государства континента. Для Эфиопии засуха тоже не является неожиданной и новой проблемой. Еще в IX веке в эфиопской летописи «Синаксариуме» был отмечен большой голод, травовавший как «божья кара». Многие века страна десятки раз подвергалась то жестоким засухам, то опустошительным нашествиям саранчи. Губительной по размаху и последствиям была засуха в

конце XIX века, получившая название «Кефу Кэнь».

Практически до революции с засухой не велось никакой планомерной борьбы. Разве что устраивали патриарший молеб. Император Хайле Селассие вообще решил обойти молчанием страшную засуху 1971—1973 годов, от которой погибло около четверти миллиона людей. Это бедствие, получившее название «тайный голод», оказало серьезное влияние на развитие революционного процесса в стране, приведшего в 1974 году к свержению монархии.

После революции была проведена земельная реформа, произошли коренные изменения в жизни и труде крестьян, в самосознании народа. Для борьбы с засухой была создана комиссия по оказанию помощи и восстановлению, которая занялась изучением причин стихийных бедствий, оказанием помощи пострадавшему населению.

Нынешняя засуха, оказавшаяся самой жестокой за последние двадцать лет, охватила наиболее важные в экономическом отношении районы страны, дающие три четверти сельскохозяйственной продукции. Правительство Социалистической Эфиопии для борьбы с засухой приняло долгосрочную программу по развитию системы ирригации, охране лесных и почвенных ресурсов. Оперативно организованы многочисленные пункты, лагеря для оказания срочной помощи пострадавшим, в десятки новых поселений доставляют жителей из районов бедствия.

Воспользовавшись драматической ситуацией, некоторые «доброхоты» пытаются грубо вмешаться в дела страны.

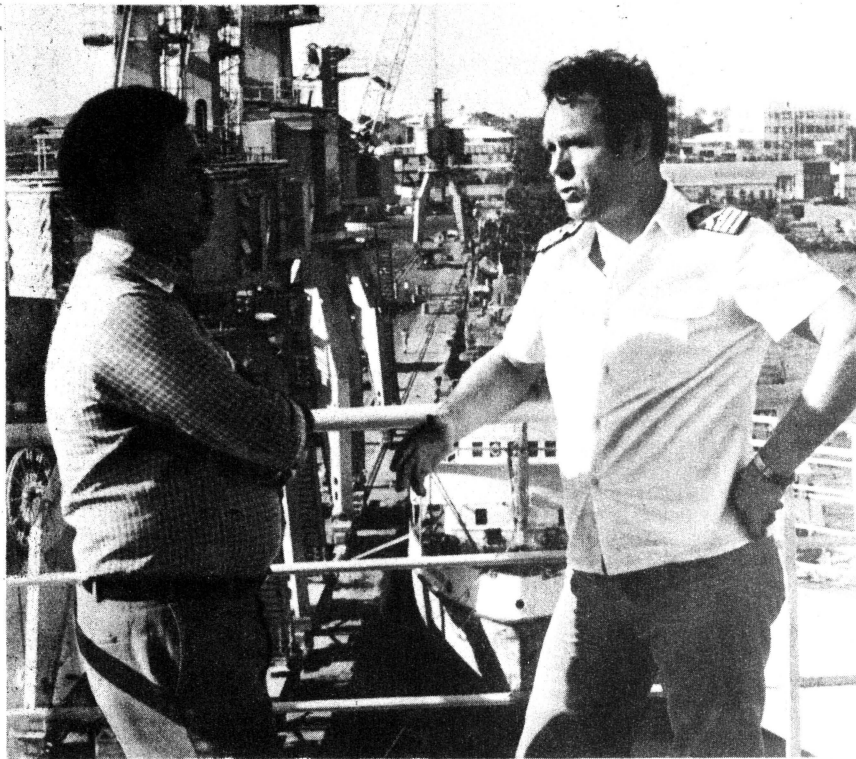
Засуха и голод выгнали из северо-западных районов фалашей, эфиопских граждан иудейского вероисповедания, которые переселились в находящиеся неподалеку приграничные районы Судана. Как пишет «Нью-Йорк таймс», эмиссары сионистских организаций Израиля, США, Канады силой принудили фалашей покинуть родные места, жить в лагерях и даже обманом склоняли их к переезду в Израиль. В суданских «малоприспособленных» лагерях около двух тысяч фалашей уже умерли от голода и болезней, а остальные находятся в угрожающем положении. Правительство Эфиопии заявило решительный протест по этому поводу.

...Когда везли зерно из Назрета на юг, в Робе, крепко запомнился нашим водителям один перевал высотой 3600 метров. Трудное это было испытание и для людей, и для техники. Наш шофер Володя Пройчев вспоминает:

— ЗИЛ — машина что надо, но ведь на такой высоте уши закладывало, людям дышать трудно было. И моторам не хватало кислорода, начинали захлебываться. Пришлось водителям на стоянках повозиться. Но ведь обкатались же машины.

Два раза преодолевали этот перевал, который ребята иначе как «чертовым» не называли.

Зато однажды колонну застал дождь,

Советский капитан В. М. Шилов обсуждает с помощником начальника асэбского порта Байю Менгисту срочные дела по приемке грузов для населения Эфиопии, пострадавшего от засухи.

правда, первый и единственный, но настоящий ливень — метрах в двадцати ничего не видно. В горах даже градом ударило. Но продолжалась эта благодать, к сожалению, всего полчаса.

...Дважды автоотряд ходил в рейсы с продовольствием на запад, в район города Матту. Опять дорога была высокогорная: серпантин, спуски, подъемы. Да там еще и не асфальт, а гравий. Пыль и песок забивали рот, дышали с трудом. Моторы перегревались так, что, когда колонна шла ущельем, рычали почище львов! Казалось, от их рева рухнут каменные стены.

Зато раем казался привал в районе Джиммы, на большой реке Гибэ. Не доезжая до города, колонна останавливалась, разворачивали кухню. Заядлые рыболовы успевали даже рыбки натаскать на уху; там, где буйная растительность немного отступала от берега, поражало всех изобилие гусей и уток. Тут как тут и орлы — стерегут добычу. У одного парня орел вырвал рыбку прямо из рук. А вдаль в реке резвились бегемоты: с шумом выныривали, блаженно плескались. У лагеря еще один парень поутру наткнулся на бегемота. Бегемот добродушно взглянул на него и неторопливо потопал в прибрежные кусты. И на морде его, казалось, было написано: «Ну чего, бегемота, что ли, не видел?»

Когда второй раз приехали в Матту, крестьяне с помощью государства воз-

вели там поселки для переселенцев. Дома под прочными крышами стояли в ряд, а не вразброс, как тукули — местные хижины. Правительство предоставило переселенцам землю, машины, семена. Сюда привезли жителей из засушливых районов. Когда те увидели наши ЗИЛы, очень обрадовались, как родным. Оказалось, что они видели нашу колонну раньше возле Асэба. И теперь знали: «Русские — хорошо». Так и говорили водителям.

По просьбе представителей провинциальных комитетов по борьбе с засухой на стоянках автоколонны показывали крестьянам фильмы.

— Мы подружились с товарищем Бэдру, секретарем районного комитета Рабочей партии Эфиопии и эфиопскими специалистами, учившимися в Советском Союзе, — рассказывает Матюх. — Они просили привозить фильмы о Ленине, и крестьяне действительно любили их смотреть...

В районах засухи эфиопские крестьяне знают «в лицо» не только наши ЗИЛы, но и советские вертолеты и самолеты. На них доставляют продовольствие и медикаменты, перевозят переселенцев в новые районы.

По несколько раз в день в самых неблагоприятных погодных условиях поднимают в воздух пилоты Аэрофлота свои машины.

Провинция Уолло — одна из самых

засушливых в Эфиопии... Здесь из города Комболча, в котором находится центр распределения чрезвычайной помощи, Ми-8 доставляют продовольствие в горы, в Лалибелу. Прежде чем вертолет сядет на площадку над обрывом, сверху можно увидеть древние храмы, вырубленные в скалах. Здесь когда-то было королевство Ласта, а сейчас Лалибела — центр области Ласта. На тесной площадке люди терпеливо ожидают вертолет, сидя на своих пожитках, уложенных в корзинки и джутовые мешки. Большинство жителей видели металлических летающих птиц издали, только в небе. Сейчас эти винтокрылые машины — надежда, спасение от гибели. Подсаживая друг друга, помогая слабым, люди впервые садятся в вертолет. Пилоты Аэрофлота навели постоянный воздушный мост между Комболчей и поселками Чет, Мэканэ-Селям, Огельбена. Улетая из родных, привычных мест, переселенцы бросают прощальный взгляд на пересохший ручей, на бесплодное теперь поле у брошенной хижины.

Такой же видел Эфиопию я, когда пролетал на Ан-22 над засушливыми районами.

— «Антей» открыл воздушный мост между нашими странами, — говорит командир корабля Валерий Воробьев. — Мы уже доставили в Аддис-Абебу вертолеты. На них перевозят грузы и людей в районах засухи. Теперь вот на борту целый госпиталь.

К нашему разговору прислушивается, склонившись над иллюминатором, Николай Владимирович Ярмоленко. Именно он, главный врач, будет руководить работой госпиталя.

За его спиной в грузовом отсеке «Антея» находятся санитарные палатки, электростанция, санитарная машина, медикаменты... Всего и не перечислишь — очень большое хозяйство у Ярмоленко. Он пылливо всматривается в прорезанные трещинами ущелий нагорья, ищет глазами сухие русла рек. Где-то раскинется его госпиталь?

— Наши врачи — хирурги, анестезиологи, терапевты, инфекционисты — специалисты опытные. Поедем туда, где людям больше всего нужна медицинская помощь, — Ярмоленко энергично рубит фразы. — Но госпиталю обязательно нужно место рядом с водой. В день потребуется нам огромное количество воды. И только отличного качества. Возьмем с собой водно-фильтровальную станцию. Тогда наша поликлиника сможет пропускать в день до пяти-сот больных...

...В аэропорту Аддис-Абебы Валерий Воробьев приземлил громадного «Антея» мягко и точно. Выгрузил госпиталь беспокойный Ярмоленко. И увез через несколько дней его на машинах в провинцию Уоллега. Госпиталь уже развернулся около поселка Асос, где живут десятки тысяч переселенцев.

Работы врачам хватит надолго...

Аддис-Абеба — Москва

ПАССАЖИР „АЛЬТЕФЕРА“

ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ ЭРЕСУНН

Шведский порт Гётеборг встречал пассажирский лайнер «Балтика» деловой «перекличкой» кранов, больших и малых катеров, суетой на пристанях и ослепительным солнцем, отражающимся в морской глади. Приход в порт — всегда волнующий момент.

Для меня сегодняшнее прибытие в Гётеборг имело свое особое значение. Я уже видел чинно стоявших на пристани, немного в стороне от пестрой толпы встречающих, небольшую группу людей во главе с Лассе Хансоном. С ним я познакомился две недели назад, когда наш пароход также пришвартовался к этому причалу, а спустя полчаса на палубу неожиданно поднялся молодой серьезный человек.

— Лассе Хансон, — отрекомендовался он, — председатель «Общества любителей старых пароходов».

Тогда такое заявление незнакомца вызвало на лице капитана, да и у меня тоже невольную улыбку. Однако через несколько минут я уже с любопытством присматривался к посетителю.

Швед обратился с просьбой разрешить членом их общества посетить наше судно, которое пользуется популярностью у многих зарубежных пассажиров.

— Дружба с Россией у нас давняя, — сказал он в заключение и задумчиво добавил: — Ведь еще в начале века господин Ленин плавал на наших пароходах, и мы бережем память об этих событиях...

Такое признание Хансона меня заинтересовало. Мне было известно, что Владимир Ильич Ленин в ноябре 1905 года страстно рвался в Россию. Скорее всего его путь лежал из Женевы через Германию до ее северного портового городка Засниц на острове Рюген. Очевидно, отсюда он плыл морем до Треллеборга, затем поездом в Стокгольм, а оттуда уже рукой подать до Петербурга.

Но если это так, как он переправлялся из Засница через Эресунн на шведский берег? Какие пароходы курсировали в то далекое время между этими портами?

Свои вопросы я выложил тогда Лассе Хансону.

— На каком именно пароходе переправлялся господин Ленин с германского берега на шведский, нам не известно, — подумав, ответил он. — Но узнать, что за суда в то время курсировали по этой линии, в наших силах...

Вот почему теперь я с таким нетерпением ждал встречи с председателем «Общества любителей старых пароходов».

Делегация шведов неторопливо поднялась на палубу нашего лайнера. Поздоровавшись, Лассе Хансон протянул мне небольшую брошюру, изданную, как оказалось, в 1972 году по случаю 75-летия открытия регулярного морского сообщения между Треллеборгом и Засницем. Из нее я узнал, что обслуживали эту линию с 1900 по 1909 год четыре почтово-пассажирских парохода, причем два из них, «Фрея» и «Свея», были колесными, а «Полярная звезда» и «Один» — винтовыми.

— Можно с уверенностью утверждать, — улыбнулся Хансон, — что осенью девятьсот пятого года господин Ленин пересек пролив Эресунн на одном из этих пароходов. Однако на каком именно, сказать трудно. Но вот вам подарок, — он протянул мне две фотографии парома «Дроттнинг Виктория» («Королева Виктория»). — На этом судне господин Ленин переправлялся с немецкого берега на шведский 30 марта семнадцатого года, возвращаясь из Швейцарии на родину.

Так разговор с Лассе Хансоном положил начало моим поискам малоизвестных фактов в коротких морских путешествиях Владимира Ильича Ленина.

НЕГОСТЕПРИИМНЫЕ ПРИЧАЛЫ

В Копенгагене есть длинная, около двух километров, набережная — причал Лангелини, куда издавна швартуются пассажирские пароходы. Это любимое место прогулок жителей города, как бы парадный въезд в датскую столицу.

Когда наша «Балтика» в очередной раз медленно и осторожно подходила к Лангелини, я невольно представил события давно минувших дней...

Что же представляла собой «Гавань купцов» — «Копенгаген» в начале 900-х годов нашего века?

Проживало здесь около 350 тысяч человек. По вероисповеданию большинство — лютеране. В городе имелось три театра, казино, грандиозный летний сад «Тиволи». Неторопливо цокали копытами по булыжным мостовым и асфальтированным улицам крутобокие датские тяжёловесы, развозившие по городу знаменитое пиво «Туборг» и

¹ Все даты даны по старому стилю. (Примеч. авт.)

«Карлсберг», столь любимое датчанами.

По центральным улицам бегали трамваи, изредка нарушая тишину трезвоном своих звонков. Автомобилей встречалось сравнительно мало, мода на конные экипажи еще не отошла...

В 1907 году Копенгаген был выбран местом проведения V съезда РСДРП. Владимир Ильич Ленин прибыл сюда из Стокгольма, проделав часть пути на пароме, когда почти все делегаты уже были в сборе.

Датское правительство дало указание внимательно следить за приезжающими русскими революционерами, и, как только большинство из них оказалось в Копенгагене, незамедлительно последовали жесткие акции. Проводить съезд датское правительство не разрешило. Министр юстиции господин Альберти передал через начальника полиции русским социал-демократам приказ о выезде за пределы страны в течение двенадцати часов, иначе все будут арестованы и высланы в Россию.

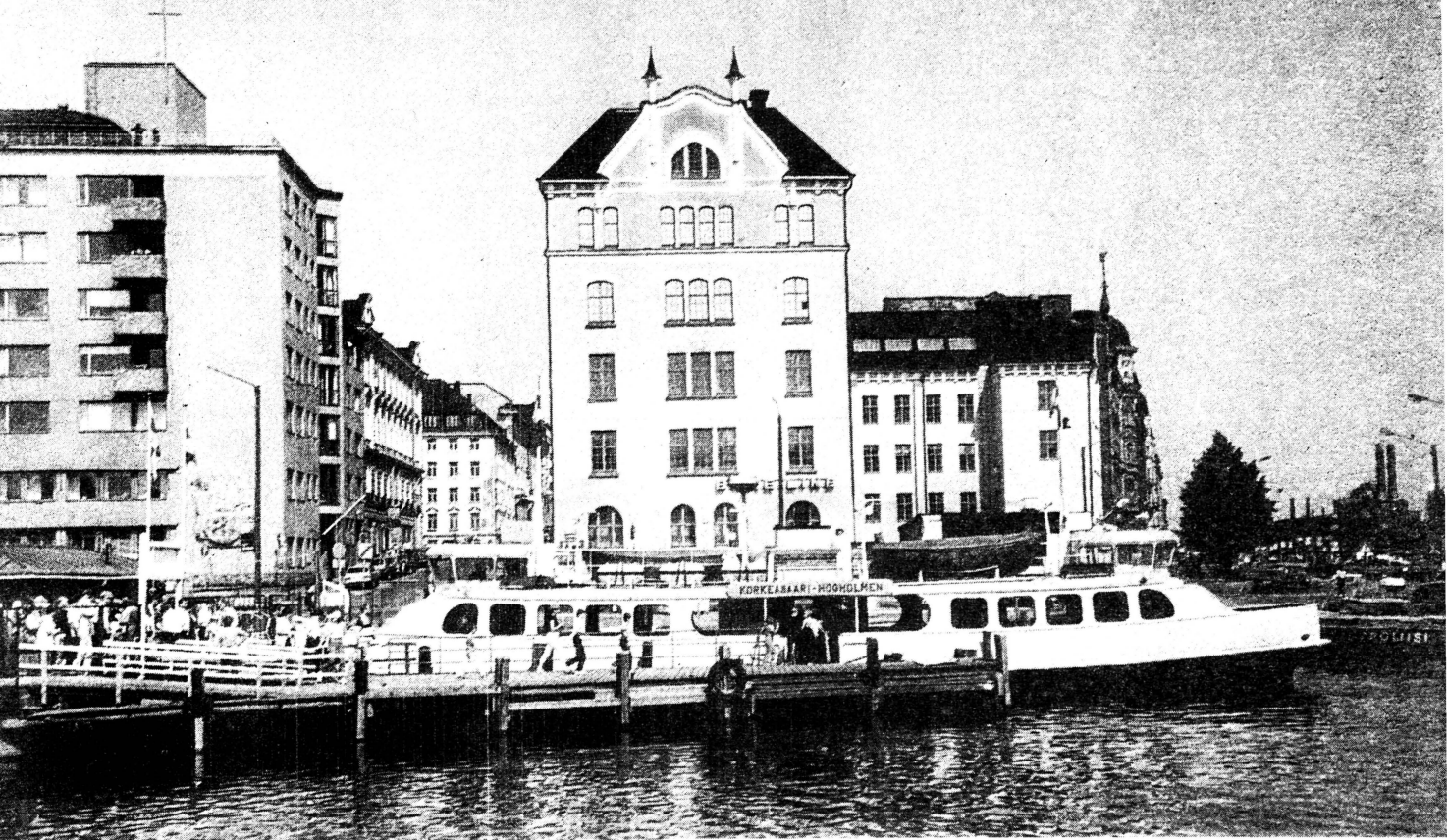
Позднее выяснилось, что такую неприемлемую позицию датское правительство заняло под давлением русского посла, заявившего, что съезд русских революционеров в датской столице будет рассматриваться как личное оскорбление вдовствующей русской императрицы Марии Федоровны, сестры датского короля.

Лидеры меньшинства ЦК хотели воспользоваться создавшейся обстановкой и предложили всем разъехаться по домам. Таким образом, съезд был бы просто-напросто сорван. Но на это капитулянтское предложение большинство делегатов не пошло.

Выход, хотя и временный, был найден. Связались со шведскими социал-демократами города Мальмё, что находится по другую сторону пролива Эресунн. Потом два с половиной часа хода на маленьком пароходике — и вот уже судно швартуется к причалу морского пассажирского вокзала в Мальмё.

По пустынным улицам сошедшие с палубы пароходика пассажиры в сопровождении встретивших их шведских социал-демократов и многочисленных джентльменов в котелках (это оказались сыщики) двинулись к Народному дому, площадь перед которым была оцеплена полицией.

И тут полицейский чин заявил, что ночевать в Народном доме он разрешить не может, но в его власти вызвать сюда хозяев отелей и заставить их при-

Хельсинки. В этом здании находится старинная пароходная компания «Боре-лайн». (Фото автора).

нять у себя гостей. За плату. Разумеется, ни о каких политических собраниях не может быть и речи.

«И вот началась забавная сцена,— пишет в своих воспоминаниях М. Лядов, делегат V съезда РСДРП, один из старейших большевиков.— Полицейские на велосипедах поехали по всем улицам тащить к нам владельцев гостиниц. Приехали они сильно перепуганные этой ночной тревогой. Полицейстер сказал им краткую, но, видно, очень вразумительную речь, после которой их лица прояснились».

Разместить по отелям почти триста приезжих иностранцев оказалось не так-то просто. Кое-кому пришлось переночевать в ближайших кафе.

На следующий день необходимо было что-то срочно решать, предпринимать самые энергичные меры, чтобы спасти съезд.

За подписью Ленина была послана телеграмма в Христианию, как называлась тогда столица Норвегии, председателю Норвежской рабочей партии Оскару Ниссену. Но правительство Норвегии, так же как и ее соседи Дания и Швеция, отказало в разрешении на проведение съезда. Тогда был послан телеграфный запрос в Англию представителю лейбористской партии в правительстве Бернсу.

«Наконец,— пишет М. Лядов,— после долгих ожиданий мы получили от него дипломатичный ответ, что английское правительство дает приют всем политическим эмигрантам и не интересуется тем, чем заняты эти эмигранты в Англии, если они не совершают ничего незаконного, запрещенного английским правительством. Приблизительно таков был смысл полученного нами из Англии ответа».

Теперь нужно было добираться из Мальмё в Лондон. Майским вечером на пароме «Эрсунн» вместе с другими делегатами В. И. Ленин пересек пролив и прибыл в Копенгаген.

Русским социал-демократам разрешили лишь транзитный проезд через Данию до порта Эсбьерг, определив для этого минимальный срок пребывания в стране. Билеты на паромод были уже заказаны, и они из Эсбьерга отплыли в Лондон.

Владимира Ильича среди них не было. Он уехал из Копенгагена в Берлин, а оттуда через несколько дней прибыл в английскую столицу...

— Чем могу быть полезен? — Директор датской фирмы «Христен Янсен» Петер Торсайгер прекрасно говорил по-русски.

— У меня к вам не совсем обычная просьба, господин Торсайгер,— довольно неуверенно начал я.— Мне необходимо узнать, существовала ли в девятьсот седьмом году регулярная пассажирская линия между Эсбьергом и Лондоном?

— Простите, в каком году, вы сказали? — растерянно переспросил директор.

— В девятьсот седьмом,— повторил я.— Видите ли, господин Торсайгер, именно тогда из порта Эсбьерг отправились в Лондон делегаты не состоявшегося в Копенгагене пятого съезда РСДРП, которых провожал Владимир Ильич Ленин. Также известно, что Владимир Ильич и в девятьсот десятом году вторично приезжал в Копенгаген...

— Так, так,— задумчиво проговорил Торсайгер.— Попытаюсь помочь вам.— Он тут же снял телефонную трубку и попросил соединить его с коллегами в порту Эсбьерг...

Через несколько дней мне любезно сообщили, что до 1910 года пассажирскую линию Эсбьерг — порты Англии обслуживали три парохода: «Фиорд», «Ла Кур» и «Примула». Расписание их рейсов за 1907 год, вероятно, имеется в городском архиве Эсбьерга. Подробнее ничего узнать не удалось.

«БОРЕ-1» ИДЕТ В СТОКГОЛЬМ

— Как! — воскликнула светловолосая и моложавая Улла Янсон, лет пятнадцать проработавшая в компании «Боре-лайн». — Господин Ленин, его мать и сестра были пассажирами парохода «Боре-1»? Вы точно это знаете?

— Надеюсь, что да,— улыбнулся я.— И если можете, то помогите мне раздобыть списки пассажиров «Боре-1»

тех далеких лет. Чтобы не возникало никаких сомнений.

— О, это большая честь для нас...

Насчет своих сомнений я преувеличил, но мне хотелось как можно больше знать о пароходах, связанных с биографией В. И. Ленина.

В Балтийском и Северном морях нередко можно встретить грузовые теплоходы под финским флагом с одним и тем же названием «Боре». Только после этого имени у них стоят римские цифры: V, VI... X... XI... XXI и т. д.

Таких судов-братьев насчитывается более тридцати. Традиционно их корпуса окрашены в желтый цвет, а надстройка — в белый, на трубе выведены две сине-белых полосы.

Владеет этими теплоходами старейшая в Финляндии судоходная компания «Боре-лайн», начавшая свою деятельность как акционерное общество, наладившее регулярное морское пассажирское сообщение между финским портом Турку (Або) и Стокгольмом.

Услугами «Боре-лайн» пользовался В. И. Ленин и его ближайшие родственники.

Перенесем мысленно в тревожный 1907 год. В стране свирепствовала реакция, беспощадно расправляясь с участниками революции. Охранка сбилась с ног, чтобы напасть на след Владимира Ульянова. Буквально из-под носа сыщиков ускользает он, спрыгнув ночью с поезда на глухой станции перед Турку¹. Пешком, проваливаясь в глубоком снегу, добрался он до явки в этом городе. Отсюда уходили в Стокгольм пароходы, но выехать легальным путем из Турку не представлялось возможным.

«Ильича полиция искала уже по всей Финляндии, надо было уезжать за границу...— вспоминает Н. К. Крупская.— ...Ильич чуть не погиб при переезде в Стокгольм. Дело в том, что его выслали так основательно, что ехать обычным путем, садясь в Або на пароход, значило наверняка быть арестованным. Бывали уже случаи арестов при посадке на пароход. Кто-то из финских товарищей посоветовал сесть на пароход на ближайшем острове. Это было безопасно в том отношении, что русская полиция не могла там заарестовать, но до острова надо было идти версты три по льду, а лед, несмотря на то, что был декабрь, не везде надежен».

Итак, в декабре 1907 года между Або (Турку) и Стокгольмом продолжал курсировать пароход «Боре-1».

На него и собирался сесть Владимир Ильич на одном из небольших островков, расположенных в финских шхерах.

Через два с половиной года, планируя встречу с матерью и сестрой в Стокгольме, он отправляет из Парижа в Москву письмо своей матери, в котором рекомендует воспользоваться

пароходом «Боре» для поездки из Або в Швецию.

«Насчет нашего свидания в августе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» — обставлен отлично, открытым морем идет 2—3 часа, в хорошую погоду езда как по реке. Есть обратные билеты из Питера».

Название парохода Ленин произносит на шведский манер, через «у».

Владимир Ильич счел нужным отметить чрезвычайно важную деталь, что в открытом море пароход находит лишь самую малую часть времени, успокаивая мать, ни разу не совершавшую подобные вожди и, конечно, опасавшуюся морской болезни.

Действительно, большая часть пути проходит шхерами — извилистыми узкими проливами между островами примерно около трех часов вблизи берегов Финляндии и пять часов в шведских водах. В шхерах даже в самую штормовую погоду не качает.

Как же выглядел пароход «Боре»? Когда он был построен?

Получить ответы на заданные вопросы было лучше всего в самой компании «Боре-лайн». Она размещалась в старинном пятиэтажном здании рядом с Хельсинкским портом.

— Наша компания организовалась, — рассказывала Улла Янсон, — как акционерное общество. Но пока еще не было собственного флота. Нужен был современный пассажирский пароход, обладавший высокой скоростью, способный легко маневрировать в шхерах.

На верфи в городе Хельсингере ком-

пания заказала пароход на 123 спальных места в каютах первого и туристского классов. Также он мог брать 292 палубных пассажира. Судно нарекли «Боре» в честь храброго воина и мореплавателя, короля викингов Боре. Первым капитаном был назначен Арвид Руска. Он и открывал новую пассажирскую линию Або — Стокгольм. Судьба судна оказалась несчастливой. В ночь на 1 января 1900 года пароход сел на грунт в финских шхерах. Потерпевший аварию «Боре» отремонтировали, и в следующем году он вновь встал в строй. Правда, к старому названию добавили римскую цифру I.

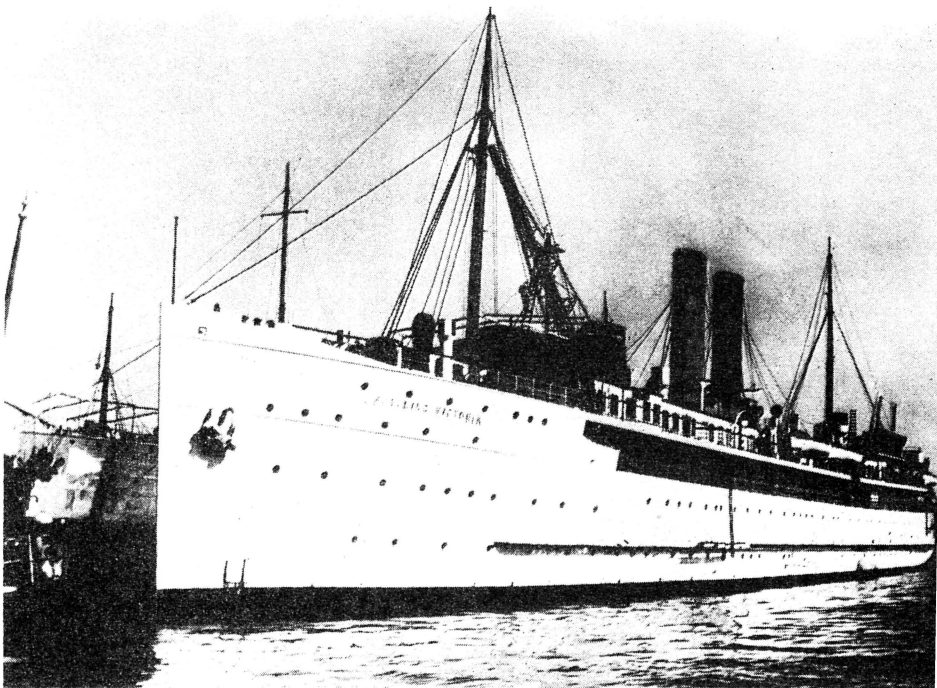
Так на линии появился новый пароход «Боре-1».

С тех пор и пошла традиция каждому новому пароходу, плавающему под флагом компании, присваивать лишь порядковый номер, а само имя не изменять. «Боре-1» успешно совершал рейсы между финским и шведским берегами вплоть до 1918 года.

Я слушал Уллу Янсон, сожалел, что в архивах музея не сохранилось списков пассажиров тех давних лет, когда на «Боре-1» путешествовал Владимир Ильич Ленин.

Улла Янсон сказала, что в их музей часто заходят деловые люди, гости и клиенты фирмы. А потому теперь она всегда будет рассказывать им про исторические рейсы самого первого парохода компании «Боре-1», когда его пассажирами были Владимир Ильич Ленин, его мать и сестра.

Шведский паром «Королева Виктория», на котором Владимир Ильич Ленин переправился из Засница в Треллеборг, возвращаясь из эмиграции в Россию. (Фото из Морского музея г. Гётеборга)

¹ См. очерк Юрия Дашкова «Гость пансионата «Гердобакка». — «Вокруг света», 1984, № 4.

НА БОРТУ «ГЕФИОНА»

Вторично Владимир Ильич приехал в Копенгаген в конце августа 1910 года. Здесь открывался VIII конгресс II Интернационала, и Ленин вошел в состав делегации РСДРП.

Для участников крупнейшего международного форума, а в Копенгаген съехалось почти 900 делегатов из 23 стран Европы, Северной и Южной Америки, Австралии и Африканского континента, иногда после занятий устраивались экскурсии по городу, посещение музея Торвальдсена, и, выражаясь современным языком, была организована небольшая прогулка на пароходах «Гефион» и «Хольгер Данске» в курортное местечко Скюдсборг, что в восьми морских милях к северу от Копенгагена.

Небезынтересно узнать отношение В. И. Ленина к редким минутам отдыха во время работы конгресса и морскому путешествию.

«...Один из русских товарищей, с явной целью завоевать расположение Ленина, заметил, что не к чему тратить драгоценное время конгресса на подобную прогулку. Ленин внимательно на него посмотрел и ответил, что он не может понять, что в этом плохого: если люди поработали, они имеют право иногда и поспрабдновать», — вспоминает старый большевик М. В. Кобецкий.

Пароход «Боре-1», на котором в 1907 году путешествовал В. И. Ленин, а в 1910 году его мать и младшая сестра М. И. Ульянова. (Фото из архива музея «Боре-лайн»).

По возвращении из Скюдсборга делегаты увидели на рейде копенгагенской гавани белую царскую яхту «Полярная звезда». Ее пассажирам было выражено пролетарское приветствие: с борта «Гефиона» и «Хольгер Данске» раздавалось могучее пение «Интернационала». В этом мощном хоре звучал и голос Владимира Ильича...

Что же представляли собой эти пароходы-трудяги, перевезшие на своем веку тысячи пассажиров, а среди них Владимира Ильича Ленина и его соратников по партии большевиков?

Я вновь обратился за помощью к представителям датской фирмы «Христен Янсен» в Копенгагене.

— Трудная задача, — с сомнением покачал головой Генрик Мартенсен. — Однако попробуем...

В свою очередь, я решил и сам попытаться счастья и отправился на Вестерброгаде, 59, в музей истории Копенгагена. Но в его залах ни картин, ни фотографий «Гефиона» и «Холгер Данске» не обнаружил. Служащий музея посоветовал съездить в Хельсингер. Но и там меня постигло разочарование. В залах морского музея было множество моделей парусников, пароходов, старинных якорей, пушек, картин всевозможных военных и торговых кораблей, но нужных пароходов не оказалось.

Расстроил меня и Генрик Мартенсен, служащий «Христен Янсен», который вызвался разыскать интересующие материалы. В один из приходов нашего лайнера в Копенгаген он с сожалением сказал, что обзвонил и обошел многие морские агентства в Копенгагене, но,

к сожалению, ни у кого не оказалось фотографий или открыток с изображением этих пароходов.

Прошло целых три месяца, когда при очередном звонке я вдруг услышал в телефонной трубке торжественно-взволнованный голос Генрика Мартенсена, который все же продолжал заниматься розысками:

— Немедленно приезжайте, есть хорошие новости...

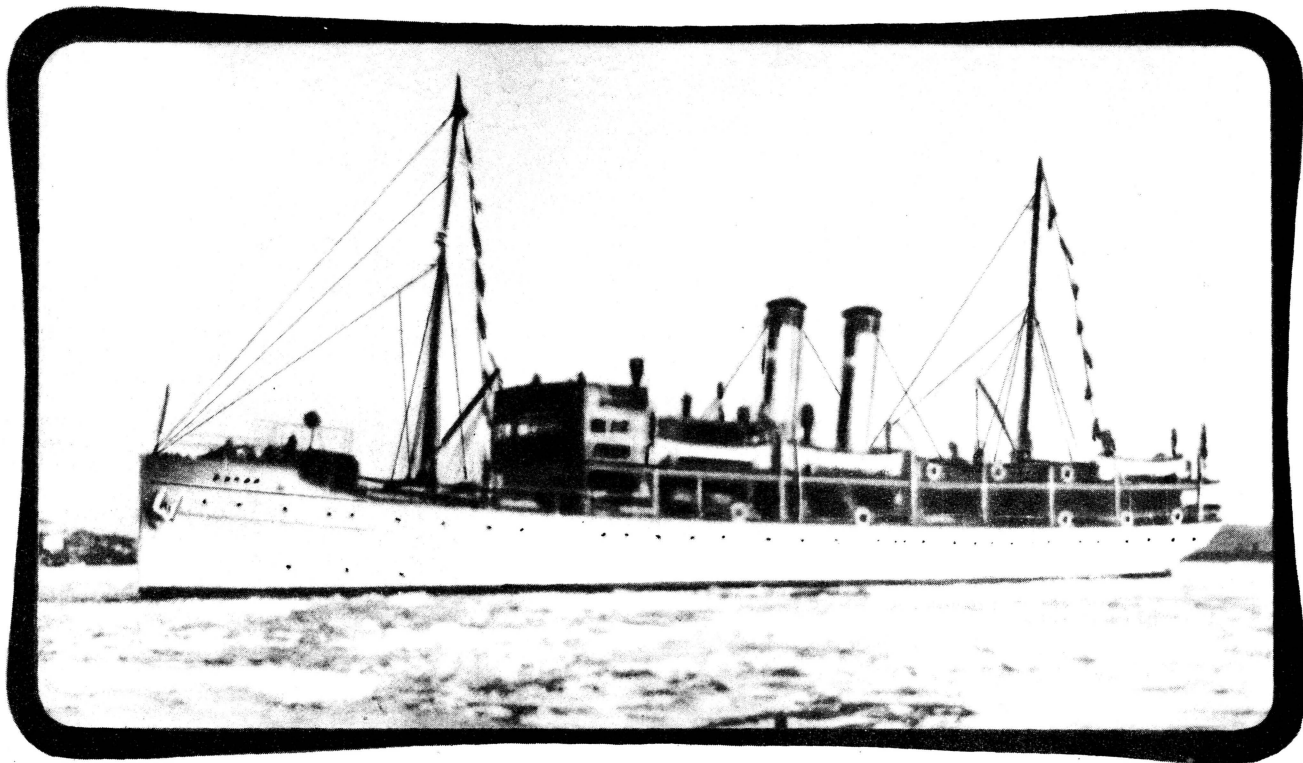
Через полчаса, улыбаясь, он уже вручал мне фотокопии нескольких страничек «Алфавитного регистра» датских военных и торговых судов за 1909 и 1911 годы.

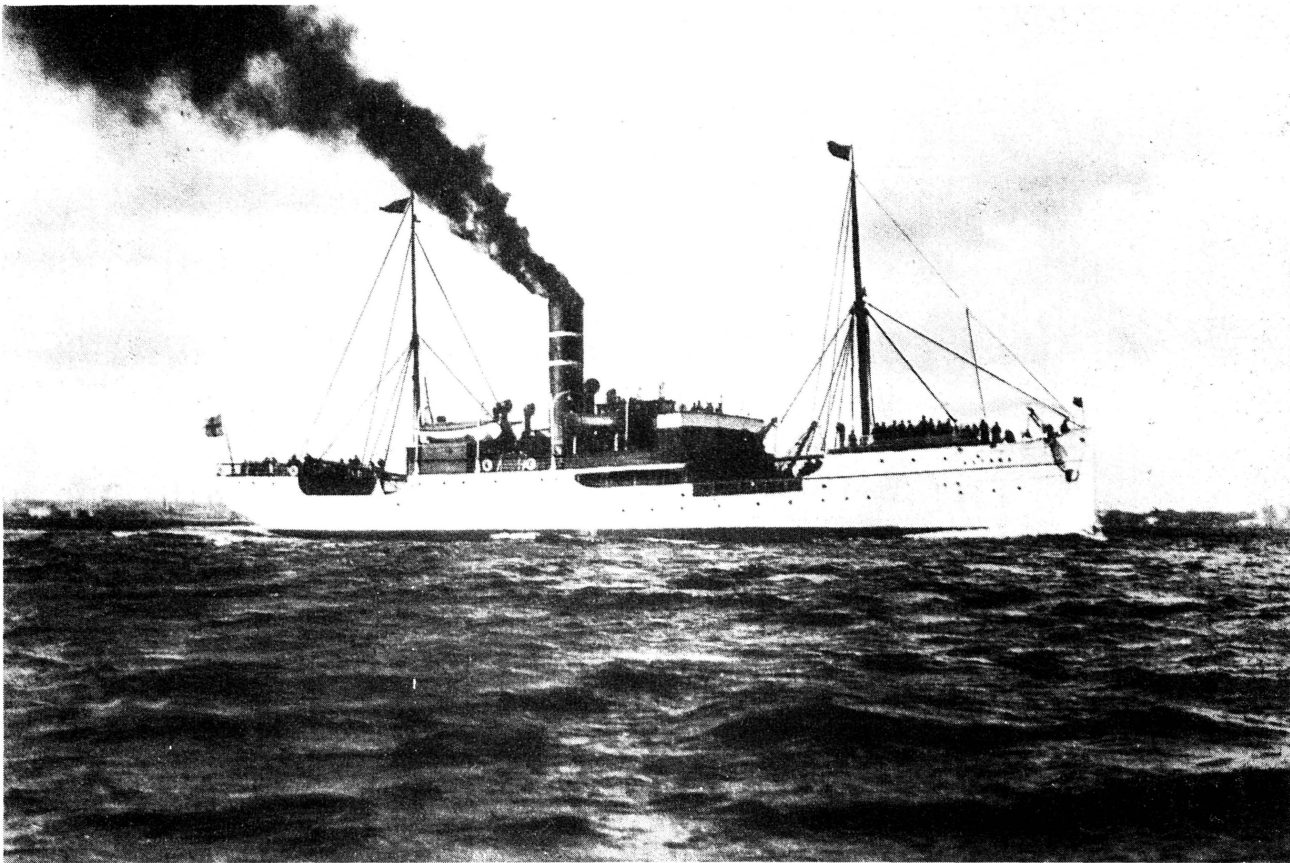
— Думаю, что вам повезло, — сказал Мартенсен. — Оба судна построены на верфи «Бурмайстер ог Вайн» в Копенгагене. А эта фирма существует и поныне...

Оказывается, оба судна вступили в строй в 1874 году. Значит, в 1910 году, когда пароходы перевозили делегатов копенгагенского конгресса, им было по тридцать шесть лет! Возраст солидный для пассажирских судов. Курсировали эти пароходы между близлежащими портами Швеции и Дании.

«Гефион» был колесным пароходом, а «Хольгер Данске» имел винт.

В «Алфавитном регистре» не указывалась скорость судна. Возможно, это было военной тайной. Но можно легко предположить, что делали пароходы не больше 8—10 узлов. Значит, от Копенгагена до Скюдсборга эти тихоходные по сегодняшним понятиям пароходики самое быстрое могли добраться за час.

Финский пароход «Астрея», на котором в начале мая 1907 года делегаты V съезда РСДРП прибыли из Ханко в Копенгаген.

В Скодсборг мы отправились на машине нашего морского представителя. Дорога почти все время шла у кромки моря. Стоял конец августа, однако ласковое солнце грело по-летнему. Видимо, такая же теплая погода была и в то время, когда для делегатов конгресса организовали морскую прогулку в эти места.

Но вот машина затормозила у дощечки с надписью «Скодсборг». Почти у самого моря виднелись небольшие одноэтажные таверны «Кро» (так податски называются деревенские кабачки).

У самой воды — причалы, к которым могут пристать катера и лодки. Рядом с глазами старинные дома с соломенными крышами. Они стояли здесь во время приезда Ленина. Некоторым из них более двухсот лет.

РАБОТАЕТ ПО СЕЙ ДЕНЬ

До сих пор почти неизвестны детали самого короткого ленинского маршрута в его двух путешествиях 1905 и 1917 годов при возвращении из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию.

Ведь последней железнодорожной станцией на материковой части Германии был Штральзунд. На вокзале в год столетия со дня рождения вождя социалистической революции установлена мемориальная доска с надписью, что здесь 12 апреля 1917 года проездом был В. И. Ленин. Сейчас Штральзунд и остров Рюген соединены авто- и железнодорожным мостом.

Заместитель директора Ростокского интерклуба Юрген Гегланд, организовавший для нас экскурсию по ленинским местам, сказал, что мост этот построен в 1936 году. Весной 1945 года немецкие антифашисты помешали нацистам полностью разрушить его. Сейчас мост заново реконструирован.

Сразу же напрашивался вопрос, как В. И. Ленин перебрался на другую сторону Штральзундского пролива и затем проехал по острову Рюген до германского пограничного порта Засниц, откуда уходили паромы на Швецию?

В 1984 году мне удалось вторично побывать в Заснице и еще раз посетить интереснейший музей — вагон-мемориал В. И. Ленина. Точно в таком же вагоне возвращался В. И. Ленин весной 1917 года из Швейцарии с группой товарищей-политэмигрантов через кайзеровскую Германию в Швецию и затем домой в бурлящую революционную Россию.

Музей открыт 25 октября 1977 года.

Ответ на свой вопрос я получил у директора музея, энтузиаста и исследователя биографии В. И. Ленина Ганса Альбера. Он попросил обратить внимание на две фотографии того времени, выставленные в вагоне-музее. На одном снимке был изображен небольшой паром «Альтефер» с четырьмя железнодорожными вагонами на палубе, на другом — причал в местечке такого же названия на противоположном берегу Штральзундского пролива. Вот на этом-то пароме и переправился через неширокий, всего около одной морской мили, пролив Владимир Ильич и его спутники. О самом пароме Ганс Альбер сообщил, что «Альтефер» курсировал с 1896 года, пока не был построен мост, то есть сорок лет! И более того, древний паром пережил вторую мировую войну и работает по сей день между портом Волгаст и островом Узедом.

Таким образом, из всех известных зарубежных пароходов и паромов, имеющих отношение к В. И. Ленину, «Альтефер», пожалуй, единственный, доживший до наших дней.

Люди всегда будут искать новые факты жизни и деятельности В. И. Ленина, даже если они касаются лишь его коротких вынужденных морских путешествий. Потому что память о великом вожде революции дорога всему человечеству.

ДОЖДИ, НЕСУЩИЕ ТРЕВОГУ

Дождь может быть обложным и ливневым... Может быть грибным, звонкоголосым, бойким, слепым... Морозящим, секущим, студеным и теплым... Безотрадный, противный, скучный — так характеризовали дождь, идущий долго и не вовремя. Но чаще дождь называли благодатным, долгожданным, добрым, животворным.

Полторы сотни определений к слову «дождь» нашел я в словаре эпитетов русского языка. В последние годы к этому списку прибавилось еще одно определение — «кислотный».

Оно пришло из английского языка. А из шведского уже стучится в дверь новорожденный эпитет к слову «озеро» — «прокисшее».

Проблемы, породившие новые термины, были главной темой моей беседы с участниками третьей Конференции молодежи балтийских стран: биологом из

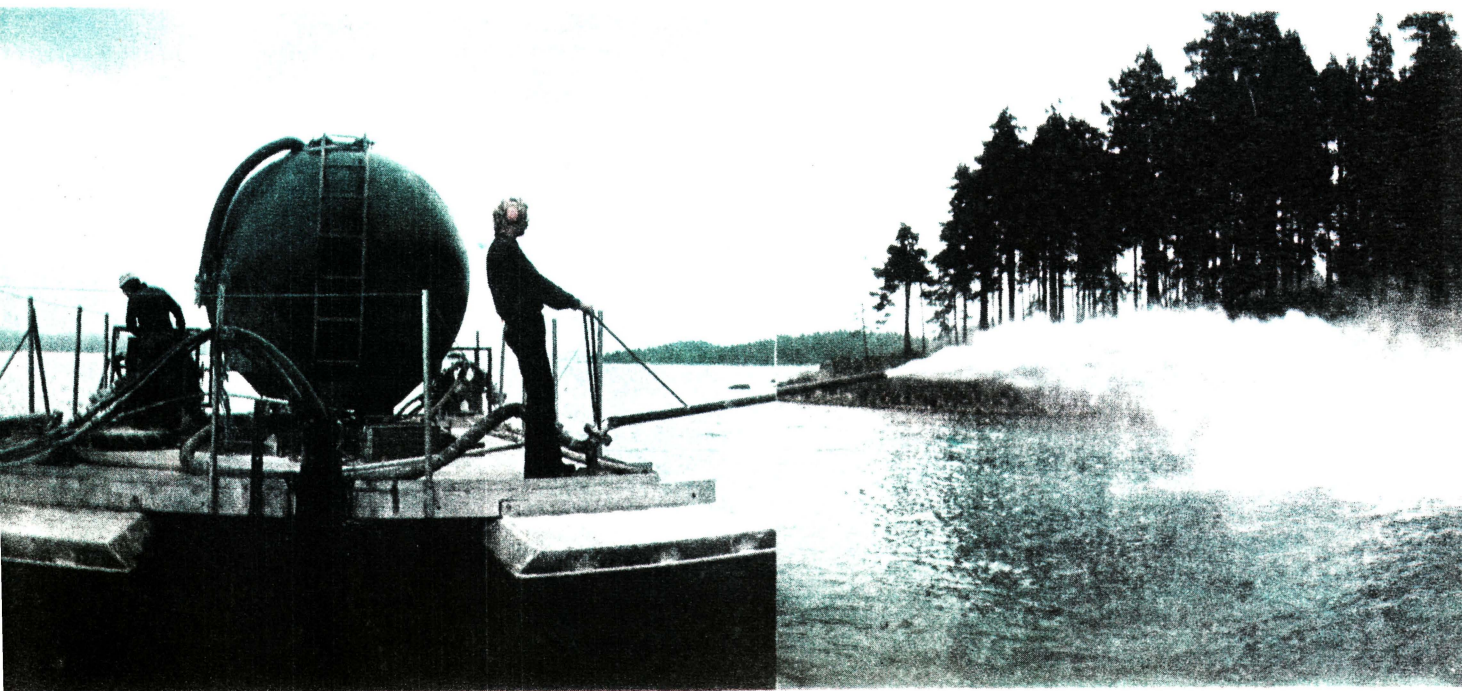
Швеции Марией Гардфельль, ее соотечественницей токсикологом Анной-Корин Олин и студентом-экономистом из ФРГ Иоганном Фласбартом.

Мы беседовали в номере юрмальской гостиницы. Поначалу казалось, что разговор не сложится: уж очень туго было со временем на конференции. «Круглые столы», дебаты, встречи с советскими молодыми учеными, заседания по комиссиям... И все же минута выкроилась...

— Три года назад, — рассказывает Анна-Корин, — я была в гостях у Сверре, приятеля-биолога. Летом он работает на одном небольшом озере, очень красивом. В домике на берегу — полевая станция экологов. Плыдем мы со Сверре в лодке, я люблюсь желтыми листьями: ковер их, устилающий дно на небольшой глубине, словно дрожит от легкой ряби на поверхности воды. Я и говорю: «Как красиво!» — «Эта красота, — сухо отве-

чает Сверре, — нисколько не изменилась за те пять лет, что прошли со дня моего приезда сюда. Листья и тогда уже лежали на дне нетронутыми. Кислота препятствует нормальному процессу разложения». Я прикусила язык. Но потом не удержалась: «Какая прозрачная вода! Нигде, пожалуй, такой не видела!» — «Да, — отвечает Сверре, — фитопланктон погиб полностью, поэтому свет проникает глубже, чем обычно. Все умершие от кислотных дождей озера — так сказать, «прокисшие» — поразительно прозрачные и необычно голубые...»

В комнате домика экологов висел немелкий рисунок, изображающий форель. Я усмехнулась — не столько неуклюжести рисунка, сколько размерам рыбины. «Напрасно улыбаешься, — сказал Сверре, — именно такие форели водились здесь лет пятьдесят назад. А последнюю рыбку выловили из этого озе-

ра прежде, чем твои родители познакомились друг с другом».

Вечер был прохладный, мы грелись у камина. Сверре листал свои записи. Грустный был вечер. Пятьдесят миль до моря, не менее двухсот миль до ближайших заводов и крупных городских агломераций — а поди ж ты, озеро погибло. Раз пять в него запускали мальков — из многих тысяч не выжил ни один. Только в шестидесятые годы догадались, что причина — кислотные дожди. Владельцы участка отчаялись и отдали домик на берегу озера в распоряжение исследователей...

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

За сутки человек съедает примерно килограмм твердой пищи, выпивает около двух литров воды и пропускает через легкие до десяти тысяч литров воздуха. Соотношение говорит само за себя. И всем без пояснений понятно, что дышать нужно чистым воздухом. Но именно атмосфера наиболее уязвима. Люди строят плотины, шахты, осушают болота, вырубают леса... — ощутимые результаты этого воздействия на природу носят до поры до времени локальный характер и проявляются через годы, а то и через десятилетия. В атмосфере же любые отрицательные последствия человеческой деятельности отзываются очень быстро. Вред, нанесенный в одной точке планеты, оборачивается несчастьем за тысячи километров. Кислотные дожди относятся именно к такого рода вредным явлениям. Что же они собой представляют? Когда впервые возникли? Насколько опасны?

По мнению большинства ученых, кислотные дожди возникают вследствие сжигания во все возрастающих масштабах угля, нефти и природного газа. Теплоэлектростанции, металлургические заводы выбрасывают в атмосферу тонны сажи, пыли, насыщенной токсичными металлами — например, свинцом и кадмием. Но главными виновниками кислотных дождей признаны оксид азота и диоксид серы — сернистый ангидрид.

И в странах Европы, и в Канаде, и в США существуют предельные нормы выброса в атмосферу вредных веществ. Однако даже если они соблюдаются, в небо попадает достаточно продуктов горения. Часть вредных веществ вместе с сажей висит над городом или заводом — образуется смог. Часть уносят ветры...

Кислотные дожди шли еще до появления человека. Извержения вулканов, лесные пожары и даже медленное разложение бактериями органических остатков приводили и приводят к тому, что в воздух попадают соединения серы

и азота с кислородом. Но вулкан при самом крупном извержении не так загрязняет атмосферу, как один завод за год. А «вулкан» мировой индустрии ежегодно извергает сто миллионов тонн диоксида серы. И еще сколько-то миллионов тонн оксидов азота!..

В середине прошлого века английский химик Роберт Смит заметил, что растущая загрязненность неба над Манчестером, который уже тогда был крупным промышленным центром, прямо связана с кислотностью выпадающих осадков. Двадцать лет он писал толстенную книгу, в ней впервые мелькнул термин «кислотный дождь» — мелькнул и... затерялся на шестистах страницах. А книге выпала печальная участь — пылиться на полках.

Сто лет спустя за проблему — опять с нуля — взялись канадские ученые. Их сообщение также никого не взволновало и быстро забылось.

В 1967 году шведский почвовед Сванте Оден опубликовал данные о «необычном и ранее неизвестном явлении». К тому времени «явление» приняло такой масштаб, что работу Одена заметили. Кислотные дожди попали в центр общественного внимания: «Химическая война против природы!»

Не следует преувеличивать: концентрированная серная кислота с неба не льется, и зонтики от дождя не расползаются. Купаясь в прокисшем озере, человек не обуглится. Даже очень загрязненный дождь не кислее столового уксуса. А самый-пресамый — не кислее лимонного сока. Но ни почвы, ни растения, ни живые организмы, ни стены старинных зданий, ни металлические конструкции мостов не способны переносить частое орошение даже «лимонным соком».

Еще лет двадцать назад загрязнение воздуха считалось в Европе чисто городской проблемой. Сельская местность казалась заповедным краем, где чистый воздух можно было вдыхать полной грудью... Увы. Технический прогресс потребовал сжигания топлива в возрастающих масштабах — и нет уже больше сельских идиллий.

Но как доказать, что такой-то завод — причина гибели форели в озере за сотни километров? Как проследить путь диоксида серы в заоблачных высях? Какой детектив может поймать с поличным конкретную молекулу?

Экологи становятся Шерлоками Холмсами и гоняются за преступными молекулами высоко в небе. В воздух ежедневно взлетают десятки воздушных шаров. Они двигаются вслед за выбросами из высоких заводских труб. За полетом шаров следят радары. В воздух поднимаются небольшие самолеты с научной аппаратурой. Наземные станции наблюдения дополняют данные, полученные в полетах, — ученые составляют карты движения загрязненных потоков.

Эти потоки не признают границ департаментов, штатов, государств. Кто мог ждать кислотные дожди на Бермуд-

В воде этого озера на юге Швеции — в избытке и сера, и сажа, и тяжелые металлы. Но органическая жизнь здесь невозможна.

ских островах, где и в помине нет индустриальных скоплений? Однако они там зафиксированы. Группа ученых попала под кислотный дождь на вершине бездействующего вулкана на Гавайях — тоже никакой промышленности поблизости. В южном полушарии, где промышленности меньше, случаи кислотных осадков учащаются. Ученые спорят: что это? Признак индустриализации? Результат еще не объясненных биологических процессов в океане? Или же просто незваные гости из Северной Америки и Европы?

Кто виноват в кислотных дождях? Канада обвиняет США, внутри США штаты судятся друг с другом, Сканди-

Распыление извести, может быть, спасет это шведское озеро. Но лишь на пять-шесть лет...

навские страны предъявляют претензии иным европейским государствам. Справедливости ради отметим: уже заключен ряд международных договоров, которые регулируют споры и определяют взаимные усилия по сохранению чистоты атмосферы.

УМОЛКШИЕ ЛЕСА

— У нас в Швеции — двадцать тысяч «прокисших» озер, — говорит Мария Гардфельд. — Всего озер в стране — около ста тысяч. Значит, каждое пятое озеро или пруд — мертвы. Озерам нужны зонтики — чтобы можно было спрятаться от осадков, убивающих все живое. Но таких зонтиков пока не изобрели...

Самое стремительное и жестокое убийство рыбы происходит ранней весной. Всю зиму кислота накапливается в снегу: его слой — словно гигантская губка. С потеплением эта губка как бы выжимается — озера получают кислотный шок, который приводит к крутым переменам в составе воды. Рыба всплывает вверх брюхом, а в озерах плодятся и множатся только водяные клопы, которым кислота нипочем. Остальная водная фауна гибнет частично или полностью.

Норвежские и шведские биологи пытались вывести форель, которая прижилась бы в пораженной воде. Вводили в рацион мальков добавки кислоты, причучали к новой среде обитания. Кое-какие успехи были. Но весенний шок при таянии снега убивал даже специально выведенную рыбу.

Из двух соседних озер, попавших под кислотный дождь, одно может погибнуть, другое — остаться нормальным. Это зависит от геологической структуры дна озера и от почв водораздела. Есть структуры, которые отфильтровывают вредные вещества, есть почвы, которые нейтрализуют кислоты.

В Центральной Европе такие почвы преобладают — и до определенного момента они нейтрализовали избыток кислоты, выпадавшей с осадками. Вот почему Центральная Европа долго оставалась равнодушной к сигналам тревоги со Скандинавского полуострова, где почвы менее щелочные. Но наступил час, и хвойные леса Франции, Англии, ФРГ стали стремительно хиреть. Сейчас сотни тысяч гектаров леса утрачены безвозвратно, миллионы — пострадали. В некоторых местах новые насаждения невозможны — саженцы не выживают на отравленной почве.

На юге Скандинавии уже давно можно видеть множество умолкших лесов, и всегда они располагаются на пути ветров, дующих со стороны промышленных, транспортных центров, городских агломераций.

— У нас в Швеции ежегодно расходуют миллионы долларов на восстановление «прокисших» озер, — сетует токсиколог Анна-Корин Олин. — С понтонов и катеров, оборудованных насоса-

ми и распылителями, в озера сбрасывают известь, чтобы нейтрализовать кислоту. Тысячи озер и прудов подверглись такой дорогостоящей обработке. Но это позволяет разводить рыбу лишь в течение пяти лет — а потом новые катера, снова известь, снова миллионы в трубу... А как быть с погибшими лесами? Во сколько обойдется их восстановление?

Датские ученые шесть лет наблюдали за соснами на пораженных участках и решили, что... кислотные дожди идут им на пользу: деревья от них только лучше растут. Но положительный эффект «удобрений с неба» сводится на нет: ведь кислоты вымывают из почвы металлы, идут химические реакции, образуются новые токсичные соединения, которые отравляют грунтовые воды и водоемы, и в конечном счете леса достигают смерти. Недавно западногерманские ученые обнаружили, что у внешне здоровых деревьев, за судьбу которых никто не беспокоился, отмирают корни! Пройдет год-другой — и они погибнут разом, сотни тысяч стволов!

— Потребуется еще по меньшей мере четверть века, чтобы изучить все нюансы воздействия кислот на лес, — поясняет Иоганн Фласбарт и не без горечи добавляет: — Но время-то идет. У нас в ФРГ первые признаки близкой гибели появились у девяти из каждых десяти деревьев.

ЗАЩИТИТЬ... ЭКОЛОГИЮ!

— И в Швеции, и в других странах Запада, — рассказывает Анна-Корин Олин, — много и шумно обсуждают проблему кислотных дождей. Но полезных выводов сделано пока мало.

Анна-Корин говорит со знанием дела — она заместитель председателя Международной молодежной федерации по изучению и защите природы, и потому к ней стекается масса свежей информации.

— Наши молодежные организации, — говорит она, — фиксируют источники загрязнения, с научными фактами в руках облачают тех, кто рассматривает окружающую среду как большое мусорное ведро. Мы стремимся раскрыть глаза соотечественникам на то, как важно безотлагательное решение экологических проблем. В крайних случаях мы идем даже на пикетирование предприятий, которые нарушают сегодняшние допустимые нормы загрязнения воздуха. А таких заводов еще очень много.

Нам очень непросто пробиться на телевидение или на радио с конкретными материалами, разоблачающими гигантские концерны, которые издалека отравляют наши озера и губят наши леса. На службе у капитала целая армия ученых, которые искусно отводят любые аргументы против своих нанимателей.

— Отношение к проблеме большинства промышленников, — добавляет Иоганн Фласбарт, — лаконично сформулировал директор одной энергетической корпорации. «Мы готовы снизить

уровень загрязнения от наших теплостанций, — сказал он. — Но только в том случае, если нам докажут, что уменьшение выброса в воздух диоксида серы в штате Огайо снизит кислотные дожди на востоке США на 20 процентов и, скажем, на 10 процентов в Канаде. Пока нам не доказали это фактически, мы не намерены ухлопать на очистку миллионы долларов».

Мария, Анна-Корин и тысячи скандинавских юношей и девушек, участвующих в экологическом движении, всячески стараются раздобыть подобные факты.

— Традиционными становятся круизы молодых экологов по Балтийскому морю, — рассказывает Анна-Корин. — Несколько кораблей с представителями различных стран Балтики заходят в десятки портов, где участники экспедиции собирают информацию о состоянии охраны природы, о наличии загрязнений. Они же ведут пропагандистскую работу: читают населению лекции по экологии, показывают слайды, фильмы, устраивают дискуссии, пресс-конференции, даже театральные представления об ответственности человека перед природой. И нередко ловишь себя на мысли: как мало люди знают о горестной судьбе лесов и рек, моря, рядом с которыми они живут. Поэтому приходится подходить с колокольчиком буквально к каждому человеку: не спи, не спи, проснись, пока не поздно!

Чтобы молодежь разных стран обменивалась информацией, вырабатывала правильный подход к проблемам, Международная молодежная федерация по изучению и защите природы собирает летние молодежные лагеря. В палаточных городках спорят до самого утра.

— Многого предстоит сделать, — запальчиво продолжает Анна-Корин. — Гибельных дождей, мертвого моря, мертвых лесов быть не должно. Ведь человек может написать вторую «Илиаду» или создать полотно, равное Рафаэлевскому, но вот возродить живое, истребленное как вид... Если мы можем обойтись, например, без крика диких гусей над лесами и озерами, то почему бы нам не обойтись без звезд, без закатов? Ответ очень простой. Обойтись можно. Только зачем жить так глупо?

Беда в том, что западные средства массовой информации в погоне за «горяченьким» превратили тему экологии в общее место, в игрушку. Например, во время избирательных кампаний мэры и губернаторы, префекты и президенты наживают моральный капитал, разглагольствуя о том, сколько лесов они спасут, придя к власти. Говорить о защите природы и просто, и выигрышно. А потом, придя к власти, они находят «веские» отговорки. Сама экология нуждается у нас в защите — от среды равнодушия. Молодежным организациям Скандинавии приходится проявлять не только искреннюю любовь к природе, но и бойцовские качества. Чтобы отстоять нашу общую Землю.

В. ПРИВАЛОВ,
наш спец. корр.

СВИДАНИЕ В ИЮЛЕ

Днем на темно-синих склонах Витоши четко видны длинные серо-белые языки — зима упрямо держалась в ущельях горного массива. Но у подножия уже дерзко распускаясь зелень лип и тополей, торопливые ручьи с шумом неслись по оврагам, заросшим орешником.

Захватывает дух, когда город — весь! — открывается с высоты Витоши. Я пытался охватить его взглядом, но края панорамы терялись в легкой дымке, висевшей над застывшим морем крыш.

В час сумерек София всякий раз заново примеряет тысячи святающихся ожерелий, составленных из разноцветных огней. Я всегда хотел

уловить момент, когда электрическое убранство почти одновременно вспыхнет на всем видимом пространстве города.

Не торопясь поднимался я по вымощенной булыжником круче к гостинице. В вечернем воздухе очертания людей и домов казались размытыми. Чуть внятно шелестела молодая листва под легким ветром, и в этой живой тишине неожиданно прокатил над улицей свое первое серебряное кольцо соловей... Запоздалая весна добралась наконец и до Софии.

...А всего каких-нибудь полчаса назад мы с болгарскими друзьями говорили о событиях сорокалетней давности. Вспоминали о Маршале Советского Союза Федоре Ивановиче Толбухине, который командовал войсками 3-го Украинского фронта, освобождавшими Болгарию, говорили о том, что именно в Болгарии получил он известие о присвоении ему звания маршала. Никто из нас, си-

девших за уютно освещенным столом с накрахмаленной скатертью, — ни уже посевший доктор Светослав Славчев, известный писатель, ни более молодые сотрудники популярного в Болгарии журнала «Космос» — ясноглазый, с аккуратной бородкой, подчеркнуто вежливый Александр Пеев и милая серьезная Магдалена Исаева, — никто из нас, к счастью, не знал войны, но беда эта затронула семью каждого.

Несломленным прошел тюрьмы и фашистские концлагеря поэт Младен Исаев, отец Магды... Погиб дед Александра Пеева — болгарский антифашист, расстрелянный в 1944 году...

Болгарские друзья припомнили известное высказывание: «Поскольку войны зарождаются в умах людей, то именно в умах людей должна начинаться борьба за мир».

И тут же последовал чей-то вопрос:

— Неужели можно излечить те умы, где рождаются и вырастают ненависть и предрассудки?

Не успели эти слова растаять в воздухе, как мы услышали:

— О, подождите! Без меня этот спор не решить... — возникший рядом незнакомый мне человек, опершись одною рукою на спинку незанятого стула и жестикулируя другою, принялся читать стихи:

Этот быстро несущийся век
будет нам
драгоценнейшим даром,
ненавистна нам смерть,
и навек
жизнь
мы любим

с невиданным жаром!

Все заплодировали, а Магда Исаева рассмеялась и представила мне незнакомца:

— Это Иво Сергиев, сотрудник Государственного комитета по научно-техническому прогрессу...

Седовласый Иво, сверкая молодыми глазами, подсел к нам и, обращаясь ко мне, произнес:

— Эти строки написал Младен Исаев, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Димитровской премии.

Впервые увидев и услышав Иво Сергиева, я сразу потянулся к нему и — бывает же такое — почувствовал, будто знаю его давным-давно...

— Я думаю, — продолжал Сергиев, — за мир нужно бороться только действием: прекрасными стихами, хорошей работой — но обязательно действием. Я до сих пор помню акции в защиту мира на нашем Софийском фестивале молодежи и студентов. Кстати, вот вам один из ответов на вопрос, как можно излечить умы, в которых посеяны зерна ненависти. Этот ответ — фестиваль...

Я попросил Иво припомнить в деталях, как проходил IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии.

— Во всех деталях не вспомню, честное слово, — сказал он. — Хотя я и организовал на фестивале несколько мероприятий, а потом шефствовал над одной из зарубежных делегаций. Свободного времени было совсем мало. Ведь всего десять дней шел форум молодежи, так что я, естественно, много интересного упустил. А с другой стороны — как было поспеть на все встречи, все концерты, все соревнования?! Ведь одних политических мероприятий было больше полусотни. На них выступили чуть ли не полторы тысячи человек! Я уж не говорю о дискуссиях, которые шли вне фестивальной программы и подчас длились ночь напролет...

Как-то сразу наступили жаркие дни, и горожане, не успев распрощаться с зимой, стали незаметно за-

бывать и о весне: оставляли дома плащи, одевались по-летнему.

И может быть, не случайно мы оказались у озера в парке, где когда-то проходил фестиваль. Под ивами, пронизанными светом солнца, смеясь, бегали дети, прогуливались парочки. Несколько девушек подошли к самому берегу, и в озеро полетели венки, сплетенные из роз...

— Враги фестиваля очень надеялись, что праздник молодежи не состоится, — говорил Славчев. — Явно поторопившись, они даже начали писать об «отмирании» фестивального движения. А потом, осознав несбыточность своих мечтаний, приступили к серии провокаций. Так, в наших вузах, где обучались и иностранцы, стали в изобилии появляться рекламные брошюры зарубежных религиозных центров, приглашавшие студентов уехать из страны на время фестиваля. Делалась ставка также на раскольническую деятельность троцкистов, маоистов и прочих «ультрареволюционеров». Но очернить идею фестиваля врагам не удалось...

Мы пересекли шумный перекресток. Шагаем по теплой брусчатке, отполированной миллионами подошв. Русский бульвар. Историческое место в центре болгарской столицы. Более ста лет назад по этой улице шли русские освободители — «братушки», гренадеры генерала Гурко. Здесь стоит здание первого болгарского университета.

Небольшой мост с бронзовыми фигурами раскинувших крылья орлов.

— В дни фестиваля здесь всегда толпился народ, — вспоминает Магда. — Сюда изо дня в день приходил молодой музыкант из Франции. Он становился у перил моста и, повернувшись лицом к бульвару, доставал из футляра скрипку. В небо уплывала нежная мелодия. Подходили молодые и немолодые люди, продавцы на время закрывали свои киоски и тоже шли послушать скрипача. Музыка, считал француз, должна способствовать добру...

Во время этой прогулки с нами не было Иво Сергиева, и его отсутствие оказалось мне на руку: Магдалена и Светослав рассказали такие детали биографии Иво, о которых он сам из скромности никогда бы и не упомянул. Оказалось, что в определенном смысле фестиваль начался для Сергиева еще в... 1960 году, за восемь лет до официального открытия.

Тогда в Кузнецкий научно-исследовательский угольный институт пришло письмо из Болгарии, адресованное секретарю комсомольской организации. Им был старший научный сотрудник Вячеслав Орлов. И письмо инженера Иво Сергиева, который интересовался некоторыми аспектами разработки угольных пластов, передал Орлову.

Вскоре в Болгарию прибыл, по словам Магды, «целый сундук столь нужной Сергиеву литературы, подобранной очень тщательно и с большим знанием дела»...

Так началось заочное знакомство двух горных инженеров. А вскоре они и встретились: Иво приехал в научную командировку в Кузбасс. В 1968 году Сергиев, который уже работал в Государственном комитете молодежи и спорта, прислал супругам Орловым приглашение в Болгарию...

К 28 июля в Софию прибыли двадцать тысяч делегатов, представлявших более пятисот национальных, региональных и международных молодежных и студенческих организаций. Сто тридцать восемь стран отправили своих посланцев на фестиваль, проходивший под лозунгом «За солидарность, мир и дружбу!». Молодежь социалистической страны в седьмой раз стала хозяйкой фестиваля. Можно было с уверенностью говорить, что всемирное фестивальное движение набрало уже хороший темп, но из этого вовсе не вытекало, что данный фестиваль должен обязательно пройти легко и просто. На возможные осложнения указывал уже состав делегатов, прибывших на фестиваль из капиталистических стран. Спектр их был самый широкий — от так называемых «новых левых» до традиционных правых.

Иво тогда очень устал, ведь хлопот у него было более чем предостаточно. К тому же он из тех людей, которые работают как одержимые и ничего не умеют делать наполовину.

Второй день фестиваля проходил под девизом солидарности молодежи с борьбой геронического вьетнамского народа против агрессии американского империализма. Тогда на площади перед зданием «Универсиада» состоялся многотысячный митинг. На нем делегаты разных стран горячо приветствовали посланцев борющегося Вьетнама и поклялись сделать все возможное для укрепления солидарности, усиления политической и материальной помощи Вьетнаму. В дни работы фестиваля из Варны в Хайфон отплыл корабль с грузами, направленными вьетнамским друзьям посланцами молодежи мира.

Все десять дней работал в Софии Центр солидарности с Вьетнамом. Он располагался в здании гимназии на улице Славкова. У входа в центр на камне высечены слова Христо Ботева. Вот как они звучат в переводе А. Суркова: «Кто в грозной битве пал за свободу — не умирает». Рядом продавали маленькие цветные керамические плитки: покупатели должны были собрать из них мозаичное панно, изображавшее вьетнамского парня с автоматом в руках и его невесту с пулеметной лентой через плечо. После окончания фестива-

Митинг на стадионе имени Васила Левского.

Фестивальная София встречает молодежь Вьетнама.

ля это панно отправили в Будапешт, где оно украсило здание ВФДМ.

— Скажи, Иво,— спросил я потом,— что ты запомнил из тех дней как самое-самое яркое?

— Первый день фестиваля,— отозвался Сергиев.— Все волновались, и это волнение достигло апогея, когда наконец колонны выстроились и прошли по улицам города к стадиону. Каждый дом был убран флагами, каждая квартира выставила цветы, на всех балконах висели ковры.

Мы шли и пели. Старые песни, широко известные, и новые, написанные к этому случаю. А на стадионе толпы молодежи скандировали: «Хо Ши Мин!» Мужество и героизм, боль и скорбь Вьетнама разделяли все. Стадион был набит до отказа. Пройти просто так невозможно, но невозможно и достать приглашения, билеты. Тогда в стране еще не было цветного телевидения, а увидеть красочный фестиваль хотелось всем. Пролетали самолеты, в воздухе кружили десятки вертолетов. Все школьники вышли на улицы с флагами, многие с фотоаппаратами: снимали, пока хватало пленки. Парад физкультурников, фольклорные выступления, танцы, национальные игры.

А потом огромный хоровод — в нем участвовали пять тысяч человек, сто музыкантов играли на гайдах... Мы были готовы смотреть и слушать еще и еще... Июль. Солнце. Счастливое фестивальное лето.

На этом месте можно было бы поставить точку. Но рано. Слово декану заочного факультета Кузбасского политехнического института Вячеславу Прохоровичу Орлову. Это строки из его письма.

«У меня есть памятная фотография. Мы вдвоем с Иво. В обнимку, как братья. Да он и есть мой брат. Я вырос один с матерью. Отец погиб на фронте в 1942 году. И теперь я рад, что у меня такой большой друг, будто кровный брат. Когда мы были в Болгарии, то нам часто задавали вопрос: братья ли мы? Мы отвечали — да. И оба радовались этому. За это время мы лучше узнали друг друга, еще больше подружились.

Многое изменилось со времени нашего знакомства, но не изменились наши отношения. С годами дружба стала крепче, а что может быть дороже проверенной десятилетиями дружбы?»

София — Москва

Тихо плещет вода в бревна плота. Мы медленно плывем по реке. Берег близко, и хорошо видны плетни огородов, серые прокопченные баньки, крепкие избы. С мостков старушка полощет белье. Заметив нас, крикнула:

— Откуда плот-от гонитё?

— Из Варнавино в Козьму, на Волгу! — отвечает ей наш бригадир.

И снова тихо, будто никто не спрашивал и никто не отвечал. Только плещется вода.

Ветлуга «кормится» лесом. Издавна. В очерке «С Ветлуги» беллетрист А. А. Потехин сто двадцать лет назад писал:

«Весной, как только открывается лед и разливается полая вода, вся Ветлуга покрывается почти сплошь плотами однорядными, двурядными, грузовыми, из которых последние доходят длиной до 120 сажень. В то же время спускаются и громадные суда-беляны, похожие больше на плавучие острова, нежели на суда».

И теперь лес рубят всю зиму, а вывозят практически за один месяц весной, в период «большой воды». В дальние рейсы — на устье Волги, на Дон лес везут самоходные баржи. А вот в края поближе до сих пор сплавляют плоты.

Выгодно. Пять-шесть тысяч кубометров леса, на перевозку которого потребовалось бы не меньше трех сухогрузов, тащит один буксировщик.

Наш плот начали готовить еще осенью. Длинные хлысты деревьев, которые привозили с лесосеки, кряжевали на берегу реки — разрезали на бревна нужной длины и связывали проволокой в пучки. Весной горы этих пучков подняла вода. Их буксировали катерами и привязывали к длинным тросам, которые идут от самой главной части плота — небольшой, но прочной площадки из бревен, называемой «маткой». Здесь находятся палатка сплавщиков, два якоря по полторы тонны и три лота — тяжеленные железные чушки. Они нужны для того, чтобы притормаживать плот, не давая течению занести его на мель или ударить в высокий яр. А чтобы поднимать лоты и якоря, ставят трактор с лебедкой. С оружием такой площадки особо ответственное дело. Обычно ее строят еще на льду, но в тот раз неожиданно ранняя весна и начавшийся ледоход сломали все планы. Вода буквально за несколько часов поднялась почти на метр, и недостроенную площадку чуть было не унесло. Пришлось буксировать ее на прежнее место катерами и достраивать уже на воде.

А. ЗАБОТИН

В СЕЗОН БОЛЬШОЙ ВОДЫ

Потом мы получили на дорогу тушенку, макароны, чай и перебрались на плот. Буксировщик «Плотовод-688» натянул трос, наш длинный трехсотметровый, плот дрогнул, закрипел и медленно, словно нехотя, тронулся с места. А леспромхозовский «маломерный флот» — три рабочих катера, окутываясь сизым дымом, упираясь обшарпанными носами в правый борт плота, начали выталкивать его на стрежень...

Мы плывем. Насыпали припасенной заранее земли на железный лист, брошенный ближе к борту. Это «очаг». Володя Зубарев отрывает от старого ватника лоскут и, окунув его в ведро с соляркой, разводит в «очаге» огонь для чая. Славшиков на плоту трое: бригадир Иван Васильевич Чернигин, Александр Чернышев и Владимир Зубарев. Володя идет на плоту впервые. Он — тракторист и должен по команде вытаскивать лебедку из воды лоты и якоря.

Пока идем на одном, самом тяжелом «коновом» лоте. Якорная цепь косо уходит в воду, и, когда лот попадает в яму или цепляет за топляк, плот резко дергается.

— Сомы клюют, — говорит при этом Чернышев. Он человек разговорчивый и веселый. — А ведь хорошо дойдем до Волги, — повернулся он к бригадиру.

Но Иван Васильевич будто ничего не слышит. Он сидит на бруствере — толстом, в два обхвата, поперечном бревне и молчит. Потом тяжело вздыхает и словно самому себе говорит:

— Я вот младшего в армию проводил... Три ночи не спал. Думается...

В леспромхозе Васильич работает на трелевочном тракторе и раньше на плоту плавал трактористом. Мужик он немногословный, уверенный в себе. Когда-то, в конце сороковых годов, прошел срочную службу. Был сержантом, командиром взвода. Бригадирствовать на плоту у него получается легко, без натуги.

— Бакен зацепило. Во-он справа. Давай-ка, Вовка, дуй туда с багром, — говорит вдруг Васильич ровным голосом. И Вовка, прыгая с пучка на пучок, бежит снимать бакен, который наш плот сбил на одном из поворотов.

И снова несет нас Ветлуга. Река она капризная, сегодня здесь мель, завтра быстрина, а петляет от одного яра к другому так, будто хочет кого-то сбить со следа. Наш тяжелый трехсотметровый плот пока еще в эти петли вписывается. Но с трудом... А тальник за плотом расправляет ослепительно белые, словно специально приготовленные для плетения корзины, ветви.

На обрывистых кручах — темно-зеленые огромные ели, выше которых только косяки гусей... Слышим чуждым голосом тетерева в прибрежной чаще. Кусты около берега отливают красной медью, а березки с молодой листвой будто окутаны зеленой прозрачной кисеей. С кручи кричит какая-то пичуга.

— Это хорошо, — говорит Васильич. — Слышишь, «Плыви, плыви!» кри-

чит. А бывает, скажет: «Беги дальше, беги дальше!» Значит, предупреждает. Смотри тогда в оба, не прихватить бы мели...

Мы проходим мост у поселка Ветлужского. Володька хоть и завел на всякий случай трактор, готовый в любую минуту вытаскивать плот, но обошлось без этого. Перед самым мостом подошли два катера и, упираясь носами, помогли направить плот в пролет между быками. Но едва мы спокойно вздохнули, как случилось то, чего ожидать на этом участке реки никак не приходилось.

Плот вдруг стал забираться в сторону. Моторист катера бросился было снимать цепь, которая служила чаклой, да куда там: катер уже цеплял за дно. Цепь натянулась, бревно, за которое она была закреплена на плоту, противно закрипело. Катер, сев на мель, невольно подтянул к ней весь плот. Левые пучки уже волочились почти по сухому, воды под ними — сантиметров тридцать.

Затрещала обвязка пучков, толстый трос, на который они были нанизаны, натянулся и задымился, испаряя воду, оставшуюся между жилами. Володька, который стоял к нему ближе всех, закричал: «Убегай!» и бросился на правый борт. Но трос выдержал.

Несколько пучков вылезли из своего ряда в сторону и на следующей мели наверняка бы рассыпались. Васильич, схватив багор и несколько коротких цепей-оплотов, чтобы крепить пучки, прыгая через разводья, побежал к ним. Вслед — Володька и Саня. Они выравнивали пучки, ту же крепили их к тросу и вернулись назад, только убедившись, что пучки крепко привязаны и не будут «рыскать в стороны». Саня, хоть и устал смертельно, все же начал дожимать Владимира:

— Как это ты крикнул: «Убегай!» Откуда у тебя только прыти столько взялось?

Владимир отвечал сквозь зубы:

— У меня двое детей, их еще растить надо. Тросом-то двинет...

— И правильно, — поддержал его Иван. — Подальше в таком случае надо. Прошлым годом так-то вот дернуло, так бруствер — бревно было, не обхватишь — лопнул... Не знаю, куда и обломки улетели.

Тем временем подоспел новый поворот, гораздо круче первого. Плотовод пошел как-то хитро, дергая плот то в одну, то в другую сторону. За кормой судна поднимались белые буруны, видно было, что оно упирается изо всех сил.

— Не смогает, — обронил Иван, — шестьсот сил. Прошлым годом тысяча двести было. Тот вот тащил.

— Видать, сам капитан повел. — Володя смотрел на плотовод, — а даве-то штурмана, наверно, шли...

Плотовод изгибал плот в дугу. Иван, который мрачно предсказал: «Сейчас два пучка в яру будут» — и ругнул было капитана, теперь повеселел:

— Давай, давай, родной! Заламывай!

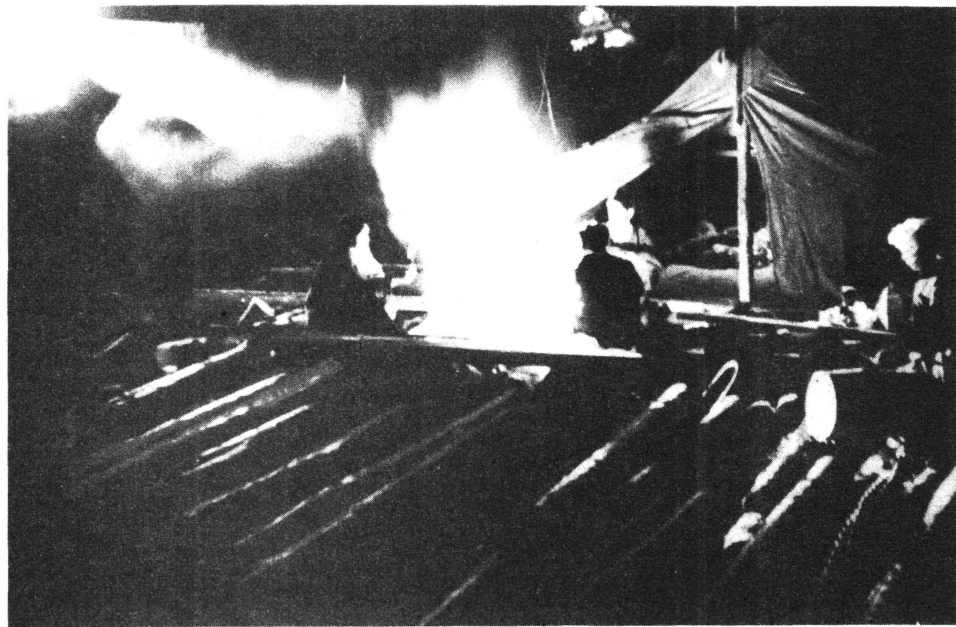
Судна за деревьями теперь совсем не было видно, и только его мачта пыла над лесом.

— Заломал-таки! Во-он как заломал! — с облегчением произнес Васильич, показывая на плот, который теперь подковой охватывал узкий мыс — его гибала река. Пучки буквально в нескольких сантиметрах прошли от берега.

Темнело. Капитан протяжно прокричал в микрофон:

— Иван Васильич, бросай луговой лот! От! Бросай луговой лот! Ночевать будем.

Опустили один лот, второй. И —

якорь. Стемнело быстро. Холод пробирал до костей, и если удавалось заснуть, то минут на двадцать. Рано, еще в полумраке, раздался голос капитана с судна: «Выбирай якоря, выбирай якоря! Дальше пойдем!»

...Трос, накручиваясь на барабан, выбрал слабинку, но дальше цепь не пошла. Видимо, крепко зацепился якорь. Трактор окутывался клубами дыма, пускал снопы искр, но... только затащил сам себя на бруствер. Тогда Володя опустил щит и газанул так, что трактор повис в воздухе, опираясь почти что на один щит. Но от троса только брызнули искры, и его концы разлетелись в разные стороны. Трос лопнул. Пришлось прилаживать еще один, и снова трактор подпрыгивает, бревна под ним ходят ходуном, а палатку, которая была привязана к трактору, разорвало на куски, и край ее медленно затягивало под гусеницу. Я бросился вытаскивать из палатки тушенку, хлеб и рюкзак с фотоаппаратами — трактор размолотил бы все это в порошок.

Отлетела в сторону кастрюля с остатками супа, и макароны растекались по бревнам, медленно уползая между ними в черную воду. Самодельный черпак-кружку, привязанную к палке, зажал бревном, и сколько я его ни дергал — бесполезно. Попробовал выбить ломом, но понял, что только пробью в кружке дыру. И тут лопнул второй трос.

Только с третьего раза якорь удалось «выходить».

Васильич вытер мокрое от пота лицо, неуверенно улыбнулся:

— Когда второй трос оборвало, я растерялся. Чем, думаю, якорь выхаживать будем? Только вот на обрывочке и выходили.

Напряжение спадало, и сразу почувствовали холод. Оранжевый, словно очерченный циркулем круг солнца хоть и поднимался над горизонтом, но плотные ключья тумана не исчезали. Слева туман как бы отсекал деревья у корней, и казалось, что стволы висят в воздухе.

Володька плеснул на очаг солярки. Копоть оставляет на лицах жирные черные полосы, но этого никто не замечает — мы радуемся теплу, пьем пахнущий дымом и соляркой чай.

Наконец солнце берет свое, воздух становится суше. На плоту запахло смолой. И снова в небе закувыркались утки, с высокого яра падают и стремглав проносятся над водой стрижи, а пичуга говорит из кустов: «Пльви, пльви». Будто и не было бешеного утра, если, конечно, не думать, что палатка изорвана, контрольный бруствер держится подозрительно слабо, а бревна местами «гуляют»...

Эту ночь капитан решил не вставать на ночлег. Мы вывесили по обе стороны плота сигнальные фонари и разожгли на плоту костер, спасаясь от холода и сырости. Под утро всех поднял крик Саши Чернышева:

— На Волгу, смотри, на Волгу выходим!

Действительно, воды кругом было очень много, и, если забраться на крышу трактора, казалось, впереди можно увидеть светлую полосу Волги.

В высокой воде стояли черные, уже мертвые, деревья. Вода от плотины Чебоксарской ГЭС подошла сюда, видимо, еще в прошлом году, а лес не смогли или не успели вырубить. Птиц почти не слышно. Только ворона, гнездо которой темнело на одной из берез, долго прыгала по плоту, кося глазом на консервную банку. Но и она улетела.

Взгляд уже останавливался не на причудливом изломе берега, не на тихих заводях, а невольно фиксировал то, что раньше опускал: нефтяные радужные пятна на воде, кучи удобрений на полях рядом с рекой. У деревянных мостиков рыбак вычерпывает из лодки воду, порядком разбавленную бензином и маслом.

Течение становится все медленнее, и кажется, что плот не движется. Скорость едва доходит до двух километров в час. Но вот на высоких кручах снова показались ели и березы, и сразу стало веселей. Чтобы не тормозить плот, подняли последний лот. А Саня Чернышев спал, положив под голову фуражку. После двух трудных ночей не смог побороть сон.

К Козьмодемьянску, на Волгу, хоть и чудилась она нам за каждым поворотом, вышли только глубокой ночью...

ОРДЕНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

В июне сорок третьего года нарком Военно-Морского Флота адмирал Николай Герасимович Кузнецов докладывал в Кремле о положении на флотах. Закончив доклад, адмирал с некоторым колебанием в голосе сказал:

— У русского флота славные и богатые боевые традиции. Морякам хотелось бы, товарищ Сталин, тоже иметь свои ордена. Есть знаменитые флотоводцы, достойные имена.

Внимательно выслушав, Верховный Главнокомандующий своего отношения к предложению наркома не высказал, но и отказа не последовало.

Лишь в начале 1944 года удалось осуществить эту идею наркома. Правда, уже в сорок третьем году велись подготовительные работы — подбирались материалы, готовились проекты, эскизы.

В наркоматах того времени работали допоздна, бывало, и до утра. Слишком много проблем приходилось решать в военное время.

В один из таких поздних вечеров Николай Герасимович и пригласил к себе в кабинет капитана 1-го ранга Бориса Михайловича Хомича, занимавшегося в наркомате формой одежды, знаками различия и другими вопросами устройства службы на флоте. Моряки были знакомы больше двадцати лет, еще с Ленинградского военно-морского училища имени Фрунзе. Кузнецов учился на последнем курсе, когда по комсомольскому набору пришел Борис Хомич. Целый год Хомич был в отделении, которым командовал курсант старшего курса Кузнецов.

Здесь, в военно-морском училище, на досуге Борис занимался живописью. Три года руководил кружком. К живописи он был неравнодушен с раннего детства. Начал учиться рисованию еще

в 1915 году в Таганроге. В начале войны Хомич разработал знак морской гвардии и знак подводника, и они широко использовались на флоте.

— Думаю над созданием наших орденов, Борис Михайлович, — заключил беседу нарком. — Морю ты отдал двадцать лет жизни. Хорошо знаешь не только современный флот, но и его богатую историю. И красками, можно сказать, владеешь профессионально. В помощники возьми кого сам захочешь.

Получив такое необычное и в то же время ответственное задание, Хомич тут же, как только закрыл дверь кабинета Кузнецова, стал перебирать в памяти знакомых ему людей.

Не раз замечал он, что выходящая в комендатуре наркомата стенная газета «Краснофлотец» оформлялась броскими рисунками, писалась стройным каллиграфическим шрифтом. Во всем чувствовалась рука опытного графика.

В комендатуре, куда позвонил Борис Михайлович, ему ответили:

— Газету делает наш Аркадий Диодоров.

— Сколько ему лет? В каком звании? — уточнял Хомич. — Москвич?

— А вы что, хотите его у нас забрать? — был встречный вопрос.

— Еще не знаю...

И Борис Михайлович вкратце рассказал своему коллеге по наркомату об идее адмирала Кузнецова.

Днем позже Хомич привлек к работе капитана 2-го ранга Н. Волкова и архитектора М. Шепилевского. Все трудились не покладая рук. Прошло вроде бы немного времени, а на столах и в книжных шкафах Бориса Михайловича накопилась целая кипа материалов, литературы о русском флоте и его традициях. Сам Хомич сделал не один десяток эскизов морских орденов, разработывал положения и статуты. Николай Волков приводил его эскизы в соответствующие пропорции и формы...

Наступил новый, 1944 год. На счету советских моряков было уже много героических подвигов, боевых заслуг в борьбе с фашизмом. В середине января Наркомат Военно-Морского Флота внес в правительственные органы предложение об учреждении орденов и медалей Ушакова и Нахимова. Из представленных проектов следовало, что орден Ушакова по положению более значимый в сравнении с орденом Нахимова. Для доклада в правительстве адмирал Кузнецов вооружился историческими документами. На заседании его слова звучали четко и спокойно.

— Мы предлагаем увековечить память двух выдающихся флотовод-

цев, — говорил Николай Герасимович. — С именем Ушакова связано возрождение русского флота. На его счету много знаменательных побед и ни одного поражения. Он ввел новые тактические приемы боя и был новатором в военно-морском искусстве своего времени. Он строил корабли на Черном море, утверждал мощь русского флота. Его высокие флотоводческие качества блистательно проявились в годы русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Он одерживал тогда одну победу за другой над численно превосходящим врагом. Он был стратегом. Одно из сражений — у мыса Калиакра 31 июля 1791 года, в котором Ушаков наголову разбил турецкий флот, — вошло в историю как сражение, утвердившее Россию на южных морях и закрепившее ее политический и дипломатический престиж в мире. Ушаков был «Суворовым на море». Так нередко его называли еще при жизни.

Нарком передохнул и продолжил:

— Не менее известно и имя адмирала Нахимова. Перед Синопским сражением в 1853 году он отдал приказ: «...в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело». Имя защитника Севастополя, героя боя у Синопа, прекрасно знают в народе. Крымская война принесла ему мировую славу, воинская доблесть флотоводца широко отражена в литературе и искусстве.

На первом обсуждении новых орденов собравшимся не понравились предлагаемые эскизы. Хомич со своей небольшой группой все эскизы предложил в темной гамме. Металл выбрал недорогой, мотивируя это строгостью быта на флоте и суровостью морской службы.

Проходящая вдоль стола заседания, Сталин остановился возле Кузнецова и, медленно чеканя слова, произнес:

— Нам это не подойдет. Все варианты орденов сделаны в черных тонах, а у нас впереди светлая жизнь. Фашистов скоро разобьем. Предлагаю создать комиссию во главе с товарищем Щербаковым. И пусть она сначала во всем разберется.

Все началось действительно почти сначала. Переделывались по несколько раз эскизы и рисунки будущих орденов и медалей. Аркадий Диодоров, не разгибая спины, перерисовывал эскизы начисто.

Б. М. Хомичу почему-то казалось, что орден Нахимова у них получился. А с Ушаковым что-то не клеилось, не знали, как лучше расположить морскую символику. У Кузнецова же возникли сомнения и в отношении эскиза ордена Нахимова. Долго рассматривал он проект ордена, вертел рисунки так и эдак, смотрел вблизи и издали и вдруг сказал:

— Не нравится. Опять традиционные адмиралтейские якоря...

— Ну а если их убрать,— засомневался Хомич,— то получится просто одна звезда да изображение Нахимова. Ничего морского не останется.

— Думайте. Даю вам два дня. Комиссия ждать не будет,— заключил нарком.

Через два дня у Кузнецова на столе лежали все рисунки и документы, относящиеся к вновь создаваемым морским орденам. Хомич изменил рисунок ордена Нахимова, и Николай Герасимович похвалил:

— Вот теперь хорошо!

В Кремль Кузнецова вызвали в последние числа февраля. Сталин был в

кабинете один. Долго внимательно рассматривал он проекты орденов, сочетание цветов. Рисунок ордена Ушакова I и II степени одобрил и передал наркому. А эскиз ордена Нахимова оставил на длинном столе заседаний и молча направился почти через весь кабинет к своему столу. «В чем дело?» — с тревогой подумал Кузнецов.

Открыв ящик письменного стола, Верховный извлек оттуда орден «Победа», украшенный бриллиантами, и, приподняв его на уровень груди, показал адмиралу. В лучах пятиконечной звезды сверкали пять рубинов.

— А что, если звезду на ордене Нахимова украсить рубинами? — спросил он.

Новый вариант ордена Нахимова получился красивым. Пятиконечная рубиновая звезда, окантованная черным оксидированным металлом, концы лучей переходят в лапы якорей. В середине звезды на золотом круге, покрытом голубой эмалью, помещено золотое профильное изображение адмирала Нахимова. Вдоль верхнего края круга надпись: «Адмирал Нахимов». Под изображением Нахимова помещены две лавровые ветви, на соединении которых — серп и молот, а по краю круга — выпуклые точки. Между концами рубиновой звезды изображены звенья якорной цепи, из-под которых выступают пучки золотых расходящихся лучей.

Орден Ушакова I степени изготавливался из платины, II степени — из золота. Он имеет вид выпуклой пятико-

нечной звезды, лицевая сторона которой выполнена в виде расходящихся лучей. В середине лицевой стороны помещен золотой круг, покрытый голубой эмалью, с золотым полированным погрудным изображением адмирала Ушакова. В верхней части круга по окружности сделана надпись золотыми буквами: «Адмирал Ушаков». Круг обрамлен ободком, выполненный в виде каната. Из-под круга выступает изображение якоря с якорной цепью. В нижней части на якорь и якорную цепь наложено изображение лавровой и дубовой ветвей, на соединении которых помещены серп и молот. Якорь и якорная цепь черные, оксидированные, а изображения лавровой и дубовой ветвей, серпа и молота — золотые.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении орденов Ушакова и Нахимова I и II степени и медалей их имени вышел 3 марта 1944 года.

Орденами Ушакова и Нахимова награждались адмиралы, генералы и офицеры за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину. Рядовой состав награждался медалями имени великих флотоводцев.

Орденом Ушакова I степени всего за годы войны было произведено 47 награждений, орденом II степени — около 200 награждений.

Орденом Нахимова I степени было произведено 80 награждений, а II степени — более 460 награждений.

ГЕНЕРАЛ МОРГУНОВ

В середине апреля 1944 года подвижные воинские части вышли к внешнему обводу укреплений Севастополя. На Херсонесе установилась тишина. Лишь изредка ее нарушали ружейные выстрелы да отдельные пулеметные очереди. Генерал Моргунов не отрываясь смотрел в стереотрубу. Вот бухта, вот Малахов курган, а там, на Херсонесском мысу,— башенная батарея, дальше на северной стороне — вторая, ББ-30. Обе взорваны...

Сколько лет жил в Севастополе Моргунов, столько и строил укрепления в Крыму, в самом городе. Сюда приехал сразу после окончания командных курсов артиллерии в Одессе. Ему присвоили звание красного командира и определили на береговую оборону Черноморского флота. Перед войной назначили командантом береговой обороны Крыма, начальником гарнизона Севастополя. Стал генерал-майором.

Все это молниеносно вспомнилось Моргунову, пока он водил перекрестием стереотрубы по развалинам разбитого города. Когда-то в такое время все цвело в белом порту у моря...

Артиллерия генерала Моргунова занимала боевые порядки. Предстояло

освободить город. Выбить немцев из Севастополя. Трудно приходилось генералу в эти дни. Лучше, чем он, вряд ли кто знал укрепленный район Севастополя. Петр Алексеевич то ехал в штаб фронта по вызову командующего, то отправлялся на рекогносцировку местности, то принимал решения по размещению, расположению артчастей. 20 апреля он приказал начать пристрелку целей.

Директивой Ставки наступление армии развивалось в двух направлениях — на Симферополь и на Севастополь одновременно. День штурма Севастополя определял Военный совет фронта. В штабе находился представитель Ставки маршал Василевский.

...Моргунов перевел стереотрубу снова на город, он кишел вражескими вой-

сками, потом на Сапун-гору. Там шли какие-то приготовления. Посмотрел на северную сторону и увидел груду камней, развороченный железобетон с арматурой, то место, где два года назад возвышалась мощная башенная батарея ББ-30, что строилась не без его участия. Таких, как она, на Военно-Морском Флоте было немного. Командир батареи Александр взорвал ее, когда вышел весь боезапас. Это он тоже хорошо помнил.

...29 декабря 1941 года был одним из тяжелейших дней в жизни батареи. Тогда фашисты вплотную приблизились к ней. Майор Александр срочно связался по телефону с Моргуновым.

— Враг прорвал оборону в районе городка,— докладывал он,— на стыке стрелкового полка и первого батальона морской пехоты, охраняющих подступы к батарее.

— Люди на батарее у тебя есть, чтобы отразить атаку?

— Найдутся...

— Тогда срочно выделяй подразделение из артиллеристов,— приказал генерал, но тут же спросил: — Может это спасти положение?

— Нет, товарищ генерал. У против-

ника много танков, батальоны пехоты. Он движется по направлению к командному пункту.

— Часа три продержитесь?

— Думаю, немного больше.

Моргунов немедленно доложил обстановку вице-адмиралу Октябрьскому, командующему флотом и Севастопольским оборонительным районом и командующему армией Петрову. Положение было критическим: все резервы находились на пределе. Как спасти ББ-30?

— А если авиацию и собственную артиллерию пустить в дело? — спросил разгоряченный генерал Моргунов командующего армией.

— А что? — поднял голову генерал Петров. — Моргунов дело говорит. — Задумался на мгновение. — Только дело это очень тонкое, надо приложить много мастерства, чтобы бомбить своих и вреда им не принести.

Но Моргунов настаивал:

— Я сам все обеспечу, товарищ командующий. Нельзя эту батарею отдавать немцу. Она новая, считайте, самая современная.

Петров молчал. На несколько минут в кабинете установилась напряженная тишина.

— Давай, Петр Алексеевич, — наконец решился он. — Поручаю тебе эту операцию. Но осторожность прежде всего.

Телефонисты срочно связали Моргунова с батареей ББ-30.

— У телефона полковник Вильшанский, — послышался в трубке сипловатый голос.

Это был командир бригады морской пехоты, прикрывшей батарею.

— Ну как? Держитесь?

— С трудом, но духом не падаем. Правда, фашисты свежие силы подтягивают.

— Внимательно слушайте мой приказ. За точность выполнения отвечаете лично вы и Александр. — Моргунов чеканил слова. — К тринадцати ноль-ноль весь личный состав убрать в казематы. Несколько пулеметов оставьте для прикрытия подходов к башням. Александру приказываю развернуть башни в сторону противника для стрель-

бы по врагу. По дальним позициям. В 13.30 мы откроем по фашистам, которые лезут к вам, огонь из других береговых батарей. А потом будет налет штурмовой авиации... Вопросы есть?

— Нет, товарищ генерал. Все ясно!

План был выполнен точно. Фашисты откатились и полгода не предпринимали серьезных атак против этой башенной батареи. Но в июне 1942 года обстановка изменилась. Пришлось оставить город, а ББ-30 взорвать...

«Теперь надо восстановить все батареи. И город поднять из руин», — думал Моргунов.

...Через неделю после взятия Севастополя вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Петра Алексеевича Моргунова орденом Нахимова I степени. Он первым в стране среди военачальников удостоился этой награды за освобождение Крыма от немецко-фашистских захватчиков, за стойкую и продолжительную оборону Севастополя, морской крепости на Черном море.

— Похоже, что так, — согласился Трибуц. Резко вскинув голову, он поднялся со стула, подошел к карте. — Тогда нам следует поторопиться, Иван Георгиевич. Десант надо высадить немедленно. Сегодня. И ни днем позже.

Через час идея комфлота обрела силу приказа. Выбор пал на дивизион капитана Осецкого. В считанные часы в движение были приведены сотни людей, техника. В состав десанта вошли стрелки Эстонского корпуса, которым командовал генерал Пэрн. Весь день в гавани Виртсу, напротив острова, шла подготовка. Генерал Стариков сообщил, что он может выделить до сотни амфибий и второй эшелон десанта можно отправить на них.

Накануне погрузки десанта усилился ветер. Чтобы убедиться в надежности амфибий, решили пустить в пробное плавание одну из них. Минут через двадцать ее захлестнуло водой, и водитель еле спас машину. От амфибий пришлось временно отказаться.

Стемнело. Началась посадка на катера. За ходом погрузки людей и техники наблюдали Трибуц, Пэрн и Святос. С наступлением полной темноты заурчали десятки двигателей, катера стали покидать пирс. План был такой: под прикрытием сильного артогня и темноты с учетом большой скорости катеров десант должен стремительно пересечь пролив и внезапно высадиться на пристань Куйвасту, важнейшую во всем архипелаге.

Расчеты оправдались. Оставшиеся в Виртсу слышали, как смолкла наша артиллерия. Потом до них доносились пулеметная дробь с Муху. Небосклон над островом перерезали десятки огненных трасс.

Наступление Красной Армии продолжалось. 22 сентября 1944 года войска освободили Таллин. А на второй день после его взятия туда прибыл с группой офицеров штаба адмирал Трибуц. С волнением вошел командующий Балтфлотом в кабинет, где он провел напряженные дни и ночи в сорок первом году, перед тем как покинуть город. За плечами были три долгих года войны. Не забыть адмиралу, всем причастным к прорыву блокады Ленинграда морякам дней и ночей с ноября сорок второго по январь сорок третьего. За два с половиной месяца Краснознаменный Балтийский флот, в командование которых Трибуц вступил в 1939 году, переезжал на пятачок — в Ораниенбаум — 52 тысячи солдат и офицеров, 187 танков, 780 орудий и минометов, 2200 автомобилей, 30 тысяч тонн боезапасов. И все это в непосредственной зоне наблюдения врага. Теперь же задачи стояли иные...

Не успел Трибуц сесть за письменный стол, как позвонил нарком Кузнецов.

— С прибытием!

— Ваш звонок сюда первый, Николай Герасимович. Считаю, это хорошая примета, — сказал Владимир Филиппович.

— Как обстановка?

— Собираюсь выехать в Хаапсалу. Пора выгонять фашистов с Моонзундского архипелага. Есть задумка поскорее выбить их с островов...

— Действуйте. Информировать о дальнейших планах, — закончил разговор Кузнецов.

Положив телефонную трубку, Трибуц позвал своего помощника и приказал срочно готовить машину к отъезду в Хаапсалу.

БИТВА ЗА ОСТРОВА

В пути он еще и еще раз перебирал в памяти данные разведки, обдумывал тактику врага. Ясно было, что, потерпев поражение на Гогланде, потеряв Финляндию и многие базы на ее побережье, острова в Выборгском заливе, враг зубами и когтями будет держаться за Моонзундский архипелаг. Владимир Филиппович оказался провидцем, хотя и не ведал о совещании, которое проводил Гитлер в последних числах июля. «Любыми средствами приказываю задержать выход русских в Балтийское море! — кричал фюрер. — Даже если «Север» (группа гитлеровских войск) будет отступать, флот русских нужно запереть в заливе...»

Прошла ровно неделя, как Трибуц переехал из Ленинграда в Таллин. Еще шла перебазировка штаба флота, боевых частей, подразделений тыла, а адмирал полным ходом проводил операцию по освобождению островов. Остров Вормси был уже отвоеван. В ночь на 29 сентября высадилась усиленная разведка. Когда на рассвете Владимир Филиппович снова прибыл на командный пункт в Хаапсалу, начальник разведки доложил:

— Товарищ адмирал! На островах находится множество вражеских солдат и офицеров. Есть отряд саперов.

— Возможно, они готовятся взорвать дамбу между Муху и Сааремаа? — высказал догадку контр-адмирал Святос.

Фашисты оказали десанту ожесточенное сопротивление. Десант продвигался, но Осецкому казалось, что медленно. Тогда он передал: «Прошу береговую артиллерию открыть огонь по острову. Координаты...» Наблюдатели, высадившиеся вместе с десантом, корректировали стрельбу...

Удар по острову оказался стремительным и внезапным. Враг даже не успел взорвать пристань Куйвасту. Десантники захватили плацдарм. Теперь главная задача — наращивать силы. По пятнадцать-двадцать рейсов сделали катера. Сотни пулевых пробоя на катере Осецкого. Серьезные повреждения у других катеров. Но это не мешало морякам неустанно перебрасывать новые и новые подкрепления. Теперь в ход пошли амфибии. Несмотря на свежий ветер, за один рейс они переправили семьсот пятьдесят человек. Предвидя, что напряжение по переброске войск увеличится, Трибуц еще ночью отдал приказ: «Срочно перебазировать два дивизиона торпедных катеров». Они прибыли на рассвете и перевезли на остров остатки 249-й стрелковой дивизии Эстонского корпуса.

Утром на рассвете прогремело несколько взрывов и наступила тишина. Остатки фашистского гарнизона, взорвав в трех местах дамбу, укрылись на острове Сааремаа.

Предстояли бои за два последних острова — Хийумаа и Сааремаа. Трибуц и Святов допросили пленных связистов, которые были свидетелями переговоров между комендантами островов Муху и Сааремаа.

Из Муху вечером передали на Сааремаа: «К Виртсу пришли советские катера. Утром возможен десант».

С Сааремаа спустя час последовала команда: «Усилить наблюдение. Через полтора-два часа вышлем подмогу. К утру подготовимся отразить десант».

И вдруг минут через пять панический ответ с Муху: «Поздно! Десант высадился...»

Победа на острове Муху вдохновила солдат и моряков. Командование использовало эту тактику и при освобождении очередного острова. Десант внезапно высадился на Хийумаа и через два дня освободил его от гитлеровцев. Это позволило советским морякам контролировать входы и выходы из Моонзунда в Финский залив. Теперь все фашистские силы архипелага сосредоточились на острове Сааремаа... Остров был освобожден 24 ноября. И с этого дня Балтфлот стал хозяином Балтийского моря.

За успешное и умелое боевое руководство Краснознаменным Балтийским флотом при разгроме фашистов под Ленинградом и на Балтике Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года Владимир Филиппович Трибуц был отмечен высшим морским военным орденом — орденом Ушакова I степени. Ему был вручен орден под номером 1.

ГРИГОРИЙ РЕЗНИЧЕНКО

АНДРЕЙ КУЧЕРОВ

ЗАМОК ИЛОНЫ

Ясное утро висело над Секешфехерваром.

Как и всегда, звенели птицы, а солнечные блики, пробиваясь сквозь ветки деревьев, лежали на стенах домов, на траве, отсвечивали в окнах.

На улице появился высокий молодой человек. Он шел неторопливо, рассеянно поглядывая по сторонам и насвистывая какую-то мелодию. Жители улицы рассказали на основе реальных событий.

цы, услышав этот веселый свист, бросили неотложные дела и со вниманием проследили за молодым человеком — всем было интересно, куда он может идти в таком прекрасном расположении духа.

Молодой человек был архитектором, звали его Ене Бори.

Он дошел до дома Илоны в тот момент, когда она откинула занавески и распахнула окно.

Бори остановился, и, когда их глаза встретились, Илона неторопливо попра-

Рисунки ВИТАЛИЯ ПОПОВА

вила волосы, рассыпавшиеся по плечам.
...Свадьба состоялась через месяц, как того хотел Бори. И день свадьбы стал событием всей улицы. Веселье продолжалось до глубокой ночи, а гости много говорили о том, что молодые рождены друг для друга, как сами жители рождены для своего города.

Она открыла глаза, увидела мужа. Он стоял в дверях спальни с перепачканными глиной руками, в синей рубашке, покрытой пятнами белой пыли, и с улыбкой смотрел на нее:

— Илона, я жду тебя в мастерской...

— Но ты же говорил, что я тебе больше не понадобится, — сонно пролетела Илона. — Ты говорил, что вчера был последний день.

Ей совершенно не хотелось вставать, тем более она отлично понимала, что ожидает ее сидение на одном месте в течение нескольких часов.

Муж ушел, оставив дверь открытой.

Так было каждый год, начиная с их свадьбы, уже восемнадцать лет. Каждую весну Бори делал новую скульптуру жены, стараясь приурочить окончание работы ко дню ее рождения.

Восемнадцать скульптур из белого камня стояли в саду, в комнатах недостроенного замка, на лестницах. А самая первая, та, что изображала восемнадцатилетнюю Илону, находилась здесь, в их спальне, и была, по мнению Илоны, самой лучшей.

Она посмотрела на эту скульптуру, застывшую у зеркала, и — в который раз — удивилась плавности линий поднятых рук, гибкости камня, который передавал гибкость ее тела.

И снова Илона подумала, что любит мужа так, как может любить только счастливая женщина.

Она встала и подошла к зеркалу, но опять увидела отразившуюся в зеркале скульптуру. На камне косо лежал луч солнца. Илона оглянулась, ее увлекла игра света и тени на белом мраморе. Улыбнувшись, она перевела взгляд на собственное отражение.

У припухших глаз — резкие, не расправившиеся после сна морщинки, из-за которых глаза выглядели потускневшими и усталыми. Губы показались ей сухими и неподвижными, а их строгая очерченность словно иссушала контуры лица. «Боже, я начинаю стареть!» — она услышала свой голос. И снова посмотрела на скульптуру.

Она вдруг с необъяснимой ясностью вспомнила день, который начался восемнадцать лет назад. Фаэтон катился по желтой дороге, и ноздри лошадей вздрагивали от быстрого бега. Илона будто слышала поскрипывание колес фаэтона и видела неподвижную спину молчаливого кучера, так и не обронившего за всю поездку ни слова.

Тогда еще не было замка и недостроенных стен. Не было строительных лесов, не было статуй.

Илона видела лицо Ене, который поворачивался к ней и спрашивал: «А хо-

чешь, я построю для тебя замок? И назову его замком Илоны... Хочешь?»

В том, что муж говорил о замке всерьез, она убедилась буквально через неделю, когда Бори начал узнавать цены на материалы и подыскивать место для строительства. И когда на огненной горе, куда начали свозить камни, архитектор соорудил небольшой домик, чтобы здесь же жить и строить, Илона с восторгом переехала туда и принялась за обустройство их нового, временного жилища.

И Бори приступил к строительству замка по своему проекту.

— Прошло восемнадцать лет с тех пор... Неужели восемнадцать?! — прошептала Илона и взглянула на открытую дверь комнаты. Она почувствовала себя усталой. Посмотрела на скульптуру, но теперь уже с чувством глухого, сильного раздражения: «Зачем он их делает? Зачем...»

В коридоре слышались твердые шаги Бори.

— Я не буду позировать, Ене, — тихо сказала Илона.

Бори молчал. В глазах его появилось напряжение. Он как можно мягче спросил:

— Что случилось, Илона?

Она глубоко вздохнула и, подавляя желание разрыдаться, ответила почти шепотом:

— Я стала старой и некрасивой, Ене.

Он хотел что-то сказать, но она заговорила снова:

— Почему тебе нравится делать эти скульптуры? Ты разминаешь пальцы?

— Послушай меня. — Бори заговорил медленно, раздумывая над каждой фразой. — Красота, твоя красота, остается для меня прежней. Но особенно прекрасна красота в движении... полуденное небо ничуть не хуже утреннего, а лето не хуже весны. И все это движение красоты, Илона.

Через час она сидела в мастерской, и глаза ее восторженно блестели, когда Бори всматривался в нее перед тем, как нанести на камень очередной резкий штрих.

...Желтые грязные листья понеслись по земле. Илона видела, как листья прилипали к лужам, к стволам деревьев. Статуя вдруг покачнулась и рухнула на землю. Отломилась белая мраморная кисть, отлетела в сторону, перевернулась, как бы цепляясь за жухлую траву, и застыла вверх ладонью. Все стихло. Белые неподвижные глаза статуи уставились в небо, а к каменной щеке прилип желтый листок.

Илона вздрогнула и проснулась.

За окнами лил дождь, посвистывал ветер. Распахнулись ставни и с глухими ударами бились о стену.

...Бори вернулся из города в полдень. Едва он вошел в дом, сказал:

— Беда, Илона. Началась война.

Немцы обосновались в Секешфехерваре крепко, город сдавать не собирались.

Однажды Илона, услышав гул моторов, подошла к окну. Она увидела, как в сад входят немецкие солдаты, а несколько офицеров в темных плащах, остановившись у большой гранитной вазы, о чем-то громко разговаривают.

— Ене! Ене! — она вышла в коридор и торопливо пошла к мастерской, в которой с раннего утра находился муж. — Ене, солдаты!

Бори подошел к окну на секунду: — Пойду вниз, узнаю, что они хотят... — Только... — Она умоляюще посмотрела на мужа. — Только будь с ними поспокойней.

Внизу послышались голоса и топот ног. Бори торопливо пошел к лестнице, ведущей в холл.

Илона вернулась к окну и в прорезь штор стала наблюдать за тем, что происходило в саду.

Она увидела, как солдаты втаскивают и складывают на землю какие-то ящики и бревна. Двое совсем еще молоденьких остановились у ее скульптуры и, о чем-то переговариваясь, весело засмеялись. Потом один из них подошел к скульптуре, обнял ее за плечи и положил руку на грудь. «Мальчишки, — раздраженно подумала Илона. — Воспитанные мальчишки...» И тут она увидела, как второй солдат, расстегнув штаны, подошел к статуе с другой стороны и начал мочиться на пьедестал, на котором, преклонив колени, стояла каменная Илона.

Илона отшатнулась от окна.

Когда в комнату вошел Бори, она резко повернулась к нему:

— Что?

— Завтра мы должны уйти отсюда, — растерянно проговорил муж. — Они так и сказали: «Вы должны уйти отсюда». Им нужна гора, на которой стоит замок, и сам замок. Кажется, отсюда хорошо стрелять или что-то там еще, я не понял. Они сказали, что идут русские... — Он прислушался к шуму, доносившемуся из окна. — Все, Илона, это конец...

В саду гудели моторы машин. Потом грузовики, подвывая и буксуя, начали отъезжать.

...Подступила ночь. Гул и грохот, доносившийся в тишине, усилился, и уже казалось, что эти звуки войны владеют целым миром. Но всякий раз, когда орудийные раскаты приближались новой волной, Илона испуганно смотрела на мужа:

— Ене, это совсем уже близко...

Спать они легли поздно, но сон не шел, и Илона неожиданно для себя, вспомнив слова старой молитвы, беззвучно зашептала ей, повернув голову в сторону окна, за которым, раскачивая сумерки, тяжело бились ветви близких деревьев.

Стук услышали оба.

— Это в окно. — Илона резко поднялась и села на край кровати.

Стук повторился.

Бори торопливо оделся.

— Я открою. Если это солдаты, они все равно войдут,— сказал он.

И вновь снизу донеслись удары.

Бори спустился в гостиную, зажег фонарь и, отодвинув засов, толкнул дверь. В желтоватом свете он разглядел две фигуры в темных длинных плащах-накидках.

Ночные гости всматривались в лицо архитектора. Потом один из них, пожилой, показал на автомат глазами и демонстративно опустил его дулом вниз. «Переведи,— повернулся он к своему молодому спутнику.— Мы не сделаем ему ничего плохого...»

И тут только, услышав незнакомую речь, разглядев вошедших, их одежду, мерцающие на пилотках красные звездочки, Бори отчетливо осознал: «Да это же русские, те самые русские солдаты...»

Мысль эта настолько потрясла архитектора, что он опустил фонарь и проормотал:

— О боже, помоги!..

Молодой солдат чуть отошел от своего спутника и приглушенным голосом по-немецки сказал:

— Не бойтесь. Мы не сделаем вам ничего плохого. Пройдемте в дом.

Бори раскрыл дверь в комнату.

Он подошел к столу и, поставив на него фонарь, остановился, не зная, что делать дальше. Русские подошли к столу с другой стороны и тоже остановились. Пожилой медленно оглянулся и с удовлетворением произнес:

— Слышь, Жорка, да тут рай летают!

Жорка быстро кивнул и тоже прошелся глазами по комнате, заполненной статуями.

— Слышь, хозяин.— Бори увидел, что обращаются к нему.— Переведи ему,— снова повернулся пожилой к своему спутнику.— Скажи, что ты — радист, что останешься здесь по заданию, что так надо, что немцу капут и чтоб он...— солдат кивнул на Бори,— сидел тихо и не мешал, а не то...— И пожилой, шумно вздохнув, придвинул стул и опустился на него, зажав автомат между коленями. Молоденький солдат начал переводить, тщательно подбирая немецкие слова, и Бори, вслушиваясь в его речь, закивал головой, и непонятно было, он соглашался или кивал от страха.

— Ене!..

Пожилой вскочил и замер, глядя на винтовую лестницу, уходящую круто вверх. Бори резко поднял руку и, быстро взглянув на молодого, произнес:

— Жена...
Молодой перевел.

— А... жена...— повторил старый солдат и одобрительно кивнул. Бори крикнул жене, что сейчас поднимется и чтобы Илона не волновалась — все в порядке.

— Я могу подняться наверх, к жене?— спросил он у русских.

— Конечно, конечно,— торопливо ответил радист.

— Волнуется,— усмехнулся пожилой и неожиданно для Бори подмигнул ему.— Иди...
— Что там, Ене, кто там? Я слышала голоса. Солдаты? Немцы? Что им еще от нас надо?— Илона кинулась к мужу, едва он вошел в комнату.

Бори молчал, он думал, стоит ли говорить жене правду. Но, вспомнив, что один из русских останется в замке, произнес:

— Это русские. Пришли русские солдаты... Ведут они себя почтительно. Один из них должен остаться здесь — какое-то у него дело...
— А как же немцы? Ведь завтра придут немцы! Как же он останется здесь? Они же будут стрелять друг в друга! Эта мысль как-то не приходила архитектору в голову, и только сейчас, услышав Илону, он нерешительно сказал:

— Я строил этот замок не для того, чтобы в нем убивали людей...— Бори говорил и как бы прислушивался к собственным словам.— Я пойду к ним, они ждут...
Архитектор остановился на пороге и взглянул на радиста. Только сейчас Бори заметил, как молод тот человек в солдатской форме: «Наверное, ему лет двадцать».

Свет от лампы падал на лицо радиста, подчеркивая его бледность, а глаза, отсвечивая, источали многодневную усталость, и было понятно, что усталость эта уже зачерствела в его теле, сжилась с ним накрепко.

Пожилой солдат что-то тихо сказал радисту, и они, отойдя в сторону, зашептались.

— Ну ладно! — Старшина закинул на плечо автомат.— Отдыхай тут, Жорка, денек у тебя завтра жаркий. А мы тебе поможем, будь спокоен, поможем! — Старшина шагнул к радисту.— Ну, парень... давай! — Он распахнул руки и притянул к себе товарища.

Бори ничего не понял из сказанного старшины, только почувствовал, что эти люди прощаются, и даже стало ему отчего-то неловко.

— Ну... Иди...— радист отодвинулся от старшины.— Скажи там, чтобы стреляли точнее, а уж я постараюсь.

Пожилой солдат повернулся и вышел.

— Хорошо у вас тут, красиво,— с чуть заметной грустью произнес Жорка и вздохнул.

— Да, да... хорошо,— тихо повторил Бори и, подойдя к столу, подкрутил фитиль лампы. Пламя поднялось, затрепетало.

Архитектор думал, как сообщить этому русскому о немцах. Он вдруг понял, что этому юному человеку, который открыто и просто стоял перед ним, грозила опасность. Но сейчас Бори даже не смог бы объяснить себе, почему это его так волнует.

И тогда он спросил:

— Где вы научились говорить по-немецки?

— Еще в школе,— охотно ответил радист.— Потом поступил в университет, но учиться не пришлось, пошел воевать...
— Да, да... воевать,— эхом повторил архитектор.— Молодой человек... А вы не бойтесь, что сюда могут прийти немецкие солдаты? Они здесь были недавно... интересовались замком, он ведь стоит на горе...
Радист ответил равнодушно:

— Немцы? Да вряд ли они появятся. Мы заперли их сегодня в городе, окружили, а завтра и из города вышибем...
— Вы уверены?! — такого ответа Бори не ожидал.— Так, значит... Так, значит, мы с женой можем остаться здесь, в замке?

— А почему нет? Живите. Вас, то есть ваш замок, наверное, даже охранять будут. Это же национальное богатство, культура ваша, так сказать... Мы не разрушаем, как фашисты.— И радист, заметив, с каким вниманием слушает его архитектор, вдруг начал успокаивать его: — Да вы не бойтесь. И жене скажите, чтоб не боялась. Все будет хорошо, нормально будет. Это я вам говорю...— «Я» получилось у него твердым и значительным.— Где бы мне лечь? — нерешительно произнес Жорка, не понимая молчаливого взгляда архитектора и оттого почувствовав некоторую неловкость.

— Лечь? — Бори обшарил пол глазами, еще даже не поняв смысла вопроса.— Лечь?! — чуть не воскликнул он.— Куда лечь? Зачем?!
— Поспать бы чуток,— совсем растерялся радист.

— Нет, нет... Простите, я должен... я обязан представить вас жене,— отчеканил архитектор.— Вы — мой гость! — И он показал Жорке на винтовую лестницу.— Прошу... очень прошу вас...
— Георгий... Жора... Здравствуйте,— представился Илоне радист, и теперь уже переводчиком стал архитектор: Илона немецкого не знала.

Жорка незаметно взглянул на свою грязную телогрейку, заметил мокрые следы, расплывшиеся по чистому полу от его сапог, и стало ему неловко. Он переступил с ноги на ногу и с тоской посмотрел в стоявшее как раз напротив зеркало, увидел всего себя, худого и запыленного.

Имя, которое нужно назвать в ответ на другое имя, рука, которую надо протянуть руке,— все это напомнило о чем-то утраченном. Кажется, он никогда не протягивал вот так запросто руку женщине, с которой нужно познакомиться, будто на вечеринке, из его довоенной жизни...
Бори, заметив смущение радиста, тут же предложил:

— Пройдем в мою мастерскую, там будет уютнее. Выпьем кофе?
Когда Илона принесла чашки и поставила на стол вазочку с аккуратно разложенным печеньем, Жорка с ужасом подумал: сейчас ему придется протянуть

огрубевшие, с въевшейся грязью руки к этим белоснежным чашкам. И чтобы отдалить этот момент, радист с подчеркнутым интересом спросил:

— Вы давно здесь живете?

— Давно... — задумчиво ответил Бори. — Вы пейте кофе, пейте...

— Да я пил уже сегодня, — нашелся солдат.

Архитектор бросил взгляд на жену, а Илона, поняв этот взгляд по-своему, заторопилась: «Я поняла, — сказала она мужу по-венгерски. — Он, наверное, хочет выпить. Я сейчас». И она вышла из комнаты.

— У вас есть родители, дом? — поинтересовался Бори, чтобы как-то скрыть свою неловкость.

— Есть! — тут же ответил Жорка. — Есть! — повторил он радостно, цепляясь за возможность говорить, как за спасительную соломинку, и тут же начал подробно рассказывать о своей матери, об отце, о доме, о том, как поступил в университет. Жорка разговорился настолько, что забыл о своих руках, не обратил внимания, как Илона поставила на стол графинчик, как села рядом и смотрела на него грустно и задумчиво.

— Боже, Ене, как он молод, как молод! — говорила она мужу.

— Войне безразличны возрасты, Илона...

Уже глубокой ночью Жорку, заведенного от собственных разговоров, оставили одного. Постелили ему тут же, в мастерской, на диванчике. Хозяева вежливо пожелали ему спокойной ночи, и снова эти простые слова прозвучали для него отзвуком далекого родного дома.

Радист так и не добрался до постели, источавшей белизну и свежесть. Он уснул, уронив голову на стол. И его руки лежали ладонями вниз на светлой скатерти.

Из башни хорошо было видно, как появлялись из сумерек очертания холмов и городских зданий. Туда и всматривался радист, склонившись к окошку. Чувство настороженности, которое вселяет передовая, сейчас оставило его. Он услышал запахи согретой ранним солнцем земли, увидел парк, неровным пятном окруживший замок, но странно — ничто его не волновало. Это было знакомо многим, кто переходил с ним границы на пути к Берлину. Чужая земля. Она могла настораживать, восхищать, удивлять, но волновать — нет, этого не было.

Вспомнил радист, как шли они в темноте со старшиной, прокладывая тонкий провод по веткам деревьев, и сейчас он подумал, что тянется этот провод к его окопам, к орудийным расчетам, которые ждут его, Жоркиного, голоса. Но мысли эти не успокоили, напротив, насторожили, напрягли его нервы, и радист еще пристальнее начал всматриваться в даль...

Прогредел залп, и он начал накручивать ручку телефона:

— Шестой! Шестой! Я — четвертый! Я — четвертый!

С востока в сторону города и от города на восток ударили орудия, и протянулась сплошная гудящая мощь несущихся друг на друга снарядов.

По далеким дымкам и вспышкам, передвижениям техники радист угадывал расположение немецких огневых точек и кричал в трубку:

— Шестой! Шестой!.. Квадрат двадцать, квадрат двадцать! Шестой! Квадрат восемнадцать! В восемнадцатый поддайте огонька!.. Шестой, шестой!..

Вскрест он потерял ощущение времени, пространство сжалось в одну сплошную полосу, закипавшую белыми разрывами, которые нужно было засечь и тут же передать их координаты.

Когда начался артобстрел, Бори с женой спустились в подвал. Архитектор, поджав губы и привалившись прямой спиной к стене, сосредоточенно смотрел на входную дверь, сквозь щели которой пробивались пыльные солнечные струи. Илона тоже молчала, и, только когда вой пролетевших снарядов становился невыносимо близким, она сжималась всем телом, и ей хотелось лечь на землю вниз лицом.

Сколько продолжался этот грохот, этот обстрел — час? два? три?..

И вдруг все смолкло.

— Кажется, все? — негромко сказал Бори и взглянул на Илону.

— Не знаю, Ене...

Бори медленно поднялся и пошел к двери.

— Подожди. А вдруг снова?..

Бори остановился и так стоял какое-то время, стараясь понять, что же происходит там, наверху. Наконец он не выдержал:

— Я все-таки выйду посмотрю. Может быть, этому мальчику что-нибудь нужно?

— Я хочу пить, Ене...

Бори вернулся через несколько минут с ведром, наполовину наполненным водой.

— Пей, Илона, и я отнесу ему воды в башню...

Бори вышел во двор, решив обогнуть замок и тем самым сократить путь, не кружась по внутренним лестницам и коридорам.

Солнце поднялось высоко и заливало все вокруг сочным ленивым светом, в котором тишина после воя и грохота ощущалась особенно остро. Легкий ветер перебирал молодую листву.

Бори уже подошел к башне, когда со стороны города послышалось несколько хлопков, и вслед за ними нарастающие, пронзительные звуки.

Архитектор нутром почувствовал надвигающуюся опасность, которую несли эти звуки, и, повинаясь окотившему его страху, поставил ведро на землю и кинулся бежать к стене.

Взрыв отшвырнул его.

Когда Бори очнулся, услышал сухое потрескивание, будто где-то горело дерево. Он встал и оглянулся на башню.

Архитектор сразу все понял. Он увидел свое ведро и почему-то снова взял его.

Постепенно он убыстрял и убыстрял шаг...

Радист лежал кверху лицом, вытянув вдоль туловища руки. Из-под спины висел обрывок черного провода. Глаза смотрели в небо открыто, неподвижно и, казалось, застыли в удивлении.

Бори поставил ведро, наклонился и осторожно, словно боясь причинить боль мертвому, стряхнул с груди радиста пыль и каменную крошку, сложил его руки, а сам сел рядом.

На следующий день по дорогам мимо замка заскрежетала техника и двинулись в сторону города войска. Солдаты устало, тяжело тянулись долгой лентой, но нет-нет и врывается в гул моторов и топот ног шальная трель трофейного аккордеона и веселый, хрипловатый голос.

В замок пришел старшина, который ночью привел радиста. Бори как мог рассказал ему о гибели Жорки, но, когда старшина собрался забрать тело, архитектор, жестикулируя, бросился к нему, стал о чем-то говорить на своем языке.

Старшина догадывался, о чем он просил. Он помялся, потом подошел к телу радиста и достал из кармана гимнастерки документы. Раскрыл небольшую помятую книжечку и долго стоял, вглядываясь в ее странички. Тяжело вздохнул и взглянул на притихшего архитектора:

— Ладно, товарищ венгр, хорони нашего Жорку. Ты только вот что... — Он снял с себя пилотку и открыл звездочку. Повертел ее в пальцах и показал Бори. Потом, раскинув руки, прочертил в воздухе очертания звезды. — Это памятник должен быть. Понимаешь, памятник. Ну... скульптура на могиле, понял?

Бори смотрел на звездочку, на старшину и ничего не понимал.

Тогда старшина подошел к статуе Илоны, которая стояла поблизости, показал на звездочку, потом на статую и снова отчертил руками большую звезду, заново объясняя архитектору, что от него хотя.

Бори быстро-быстро закивал старшине.

В тот же вечер он заперся у себя в мастерской и не выходил из нее до утра.

Утром вдвоем с Илоной они хоронили радиста.

Рядом с вырытой могилой стояла на тележке каменная звезда — копия той, маленькой, с потрескавшейся эмалью. И только в самой середине камня, почти незаметный, был выбит небольшой аккуратный крест.

ДЖОН МАККИННОН,
английский биолог

В ЛЕСАХ БОРНЕО

Ровно через год после первой экспедиции я снова плыл по Сегаме. Новый сампан резво бежал вверх по течению, влекомый новеньким мотором.

Дома, в Оксфорде, я получил ученую степень по зоологии и начал подготовку к этой экспедиции. Мне здорово повезло — я получил от Королевского общества стипендию, которая обеспечила мне целый год наблюдений за орангами в Улу Сегаме.

Целый год в джунглях — это совсем

См. «Вокруг света» № 9, 10 за 1984 год.

не то, что первый выезд на три месяца. Я решил, что лагерь должен больше походить на дом, чем на обитель отшельника, изнуряющего себя лишениями. К тому же начинался сезон зимних муссонов, и лагерь должен быть прочным, недоступным тропическим ливням. Я даже подумывал о таких предметах роскоши, как раскладушка, противомоскитная сетка и радиоприемник, чтобы получать вести из внешнего мира. Удалось выделить средства на подвесной мотор — это значительно облегчит и ускорит плавание по рекам, вздувшимся от зимних ливней.

...Лилад и Тулонг не могли меня сопровождать, у меня новые спутники: холостяк Пингас и Бахат, опытный «речной волк» и отец семерых детей.

Я узнал галечную отмель в устье реки Боле, хотя лагерь зарос высокой травой и густым кустарником.

Бахат и Пингас принялись вырубать деревья на опушке леса, расчищая небольшой участок для трех хижин. Бахат собирался перевезти свое семейство. Тогда наш лагерь станет мини-кампом в дебрях Улу. Жена Бахата Шерван займется стиркой, будет готовить пищу, следить за порядком в лагере,

когда мужчины уйдут на рыбалку или на охоту, а я — в лес, к своим орангам. Новые палатки, однако, пропускали воду, а у меня теперь было довольно много дорогих и хрупких приборов. Пришлось послать Бахата обратно в поселок за рифленным железом. Через несколько дней он вернулся вместе со своей женой Шереван и пятью детьми. Они пригнали и свою собственную лодку.

Старший его сын, Дейнал, слепой от рождения, оказался могучим гребцом и мастером на все руки. Он охотно собирал топливо, разводил костер, стирал, плел корзины и вырезал из дерева ручки для ножей. Младшие — Шингит и Латиг — помогли Бахату соорудить крышу. Двое малышей, едва научившиеся ходить, помогали матери на кухне или плескались и резвились в реке.

Как я и ожидал, в первый месяц орангов было маловато. Я обнаружил трех на северном берегу Сегамы и вторую тройку — на другом берегу. Бурная радость охватила меня, когда я узнал старых друзей Маргарет и Миджа! Мидж подрос, но оставался тем же клоуном с пуговичными глазками. Маргарет встретила меня знакомыми ругательствами: «лорк-лорк-лорк...»

Сезон созревания плодов был совсем не похож на прошлогодний. Плодов мангустанов, рамбутанов, лансиума и мата кучинга, — излюбленной пищи орангов в прошлом году, — не было и в помине. Проложенные мной тропы не заросли, надломленные деревца и ветви так и болтались с совершенно зелеными листьями.

От нашего лагеря не осталось никаких следов, но я разглядел почерневшие, еще покрытые листьями остатки гнезд орангов, которые они делали год назад. Больше всего меня поразил толстый ствол сваленного железного дерева, на котором сохранились шрамы в тех местах, откуда дусуны вырубали широкие лопасти для весел.

В начале ноября орангутаны, как по сигналу, возвратились в низины. Предводителем первого отряда был великолепный мощный незнакомец, которого я назвал Королем Людовиком. Я шел следом за ним четыре дня, и оба мы то и дело укрывались от дождя: он — под нагромождениями сучьев, а я — под брезентовым плащом.

Людовик меня явно невзлюбил. В первый день он еще стеснялся, а на второй с шумом и треском направился ко мне, спускаясь ниже по мере того, как я подходил ближе. Я позорно отступил, а он и вовсе обнаглел: слез на землю и пустился за мной в погоню. Теперь он знал, что я его боюсь, и бросался на меня, не раздумывая.

Такие отношения с объектом наблюдений никуда не годились, пора было

что-то предпринимать. Я выбрал момент, когда Людовик устроился на отдых на нижней ветви. Самым устрашающим оружием у меня был телефотообъектив, и, размахивая им, я с максимальным шумом и треском устремился на оранга. Добежав до подножия дерева, я нацелил сверкающий объектив ему в лицо.

Напуганный моей отвагой, Людовик с достоинством вскарабкался повыше, подозрительно озираясь на мой громадный «глаз». Чтобы закрепить полученное преимущество, я сделал вид, что лезу вслед за ним. Людовик, не на

шутку встревоженный, вскарабкался на самый верхний сук. Примерно час после этого Людовик дулся, как школьник, получивший нахлобучку. А я тем временем оглядывался, притворяясь, что мне совершенно неинтересно знать с таким ничтожеством, как струсивший оранг. Таким образом мы пришли к соглашению: если он не будет слезать на землю и пугать меня, я, со своей стороны, перестану докучать ему, карабкаясь на деревья. И мне стало очень обидно, когда я понял, что он — только временный гость в этих местах: на следующий день Людовик отпра-

Джон Маккиннон с сыном в заповеднике Сепилок. Здесь несколько лет идут работы по возвращению орангов к жизни в дождевых лесах Борнео.

вился странствовать. И мне никогда не пришлось больше встретиться с ним.

Наблюдения шли неплохо, хотя сезон муссонных дождей вступил в силу. Вряд ли найдется что-нибудь страшнее грозы в джунглях. Яростные порывы ветра немилосердно раскачивают деревья. С ужасающей частотой, как бомбы при массивном налете, с грохотом ударяются о землю сучья. Подчас целые деревья с оглушительным треском низвергаются на землю. Орангов падающие сучья и деревья приводили в состояние злобной агрессии. И я тихонько

сидел в лесу и ждал, пока рухнет дерево, а, услышав возмущенные вопли, знал, где искать затихших орангов.

Вокальными упражнениями занимаются большие старые самцы, животные самого высокого ранга. Их чины подтверждаются внешними атрибутами — длинной шерстью, бородой, высоким шлемообразным черепом, необъятными раздувающимися горловыми мешками, разросшимися жировыми щечными валиками. Самцы громогласно оповещают и предупреждают соперников. Временами тишину сотрясают воп-

ли самцов, старающихся перекрычать и устроить друг друга.

На северной стороне Сегамы обитал особенно рьяный дуэт — Гарольд и Рыжая Борода. Гарольд выглядел как и в прошлом году: негибнущие пальцы и безволосая спина. Он меня совсем не боялся, и наблюдать за ним было одно удовольствие.

Рыжая Борода оказался орешком potwierже и в первую встречу нагнал на меня страху. Он любил бродить по земле, и мне трижды пришлось от него удирать, прежде чем я тем же тактическим приемом, что применил к Людовику, нагнал и на Рыжую Бороду достаточно страху.

Гарольд властвовал к западу от гребня, а Рыжая Борода к востоку. Узкий хребет стал средоточием неистовых концертов-сражений, но певцы старательно избегали пограничных конфликтов.

Вообще взрослые самцы практически не встречались лицом к лицу. Случайные столкновения сопровождалось сотрясанием сучьев, пока один из противников не обращался в бегство. Громадные размеры, длинная шерсть, раздутые физиономии и жуткие гримасы — кажется, Природа здесь переборщила. Даже самки боятся своих повелителей и предпочитают, насколько я заметил, молодых, полувзрослых самцов. Самки кормились порой неподалеку от Рыжей Бороды, но Гарольд всегда оставался в полном одиночестве. Он, кажется, и не скучал по легкомысленному обществу: однажды, услышав, что к нему приближается самка с подростком-детенышем, он степенно слез на землю и потихоньку улизнул, прежде чем они успели его обнаружить.

Каждое местечко в лесу было полно воспоминаний о прежних событиях. Я чувствовал, что стал частицей джунглей. Теперь-то я знал, что гибкие плети ротана, покрытые острыми шипами, пригодятся для укрепления убежища из коры. Даже непроходимые чащобы подлеска обратил себе на пользу — под их прикрытием можно незаметно подкрадываться к орангам. Лес доставлял мне и пропитание — вкусные фрукты и съедобные грибы. Пивянки и те оказались полезны: если насадить ее на гибкий побег лианы и опустить в заводь, ни одна мелкая рыбешка не устоит перед приманкой. Пока рыбка разберет, что это вовсе не соблазнительное лакомство, поздно: пивянка намертво вопьется в нее своими присосками.

Я привык к уединению, и мне не было скучно или одиноко. Порой я себя баловал, ведя синхронный репортаж собственных достижений или громогласно поносил пивянок, отдирая их с ног. Я шел, когда оранги пускались в путь, ел, когда они кормились, и спал, когда отдыхали они. Мне частенько приходила на память легенда о человеке, который

Чаще всего старые матерые самцы пребывают в одиночестве.

Прибрежные кусты увешаны гнездами ткачиков.

Зеленая древесная змея — неприятный попутчик в зарослях.

слишком долго бродил по джунглям, пока не превратился в орангутана. Уж не превращаюсь ли я сам в полумаваса?

«СВИНОЙ ДОЖДЬ»

Черные тучи гроздились на горизонте, и верхушки деревьев тревожно шумели в предчувствии грозы. В нашем лагере пока только легкая изморось туманом стояла над рекой. Бахат, Пингас и Шингит торопливо тащили весла и копыя с широкими лезвиями. Я спросил Бахата, куда это все собираются. Он вскинул голову, указывая подбородком вверх по течению:

— Гайан-баби — «свиной дождь», туан.

Бросив походный мешок у хижины, я схватил личное весло из железного дерева и помчался за ними на берег. Мы вскочили в самую маленькую лодку и принялись гребсти, с трудом продвигаясь против течения по вздувшейся реке. Две собаки, во что бы то ни стало желавшие сопровождать нас, истерически лая, бежали вдоль берега. Целый час мы гребли без передышки, пока не добрались до Пулау Пин Пин — маленького заросшего острова посередине реки. На галечной отмели заметны были следы диких свиней. Значит, уже не одно стадо переправилось здесь через реку.

Двадцать минут прошли в молчании, как вдруг Шингит качнул борт лодки, все пригнулось и затаялись. Поначалу я ничего не замечал, но вот донеслось басистое похрюкивание. Высокие папоротники зашевелились, и на отмель цепочкой вышло стадо. Вел его большой кабан. Поводя мордой с длинной щетиной, он понюхал воздух, потом подозрительно устоялся сквозь струи дождя на наш берег. Длинные белые клыки блеснули, когда он повернулся и с громким издевательским фырканьем побежал рысцой прочь от реки, ломаясь сквозь папоротники. Стадо последовало за ним. Десять минут спустя они быстро переплыли реку ниже по течению — в полной безопасности. Бахат выругал старого бдительного кабана, и мы снова затихли.

Уже темнело, когда борт лодки снова дернулся. Мы скорчились и застыли, как мертвые, а десяток свиней тихонько, словно на пуантах, прошли по отмели и выстроились в ряд у воды. Вожак бултыхнулся в воду и поплыл. Остальные посыпались следом.

Мы высвободили нос лодки из кустов и накиннулись на весла как сумасшедшие, выбираясь на стремнину. Нас понесло наперерез плывущим свиньям.

Бахат внезапно изменил курс. Свиньи повернули по течению. Мы настигли их, когда первые в цепочке с треском ломались через кустарник. Бахат заколол одну свинью прямо в воде, а я бросил копыя и попал в другую, уже вскарабкавшуюся до середины откоса. Она скатилась обратно в воду, и Пингас, выпрыгнув из лодки, схватил ее за хвост. Животное попыталось обернуться и отделаться от него, но копыя Шингита без промаха поразило свинью. Бахат уже потрошил свою добычу, и, пока я подгонял лодку к берегу, Пингас и Шингит взялись за вторую. В темноте, с громкими шутками, очень довольные добычей, сплавились мы по течению. Бахат весело дымил немного подмокшей самокруткой из пальмового листа.

Никто на свете не знает, почему свиньи мигрируют, откуда они идут, куда направляются. Они путешествуют не каждый год и не всегда в одно и то же время, но предсказание Бахата сбылось: два месяца они шли на север. Мужчины целыми днями пропадали на охоте, а Шереван и дети оставались в лагере — разделывали мясо и жирные шкуры, поджаривали куски в больших круглых котлах. Мясо и жир укладывали в банки из-под галет, перевязывали ротановыми побегами и складывали под хижинами. Мясо, залитое жиром, остается съедобным несколько лет, и за два месяца у нас накопилось внушительная гора этих «консервов». В прежние времена свиное сало стоило на рынке очень дорого, но с распространением мусульманства и посадок масляной пальмы спрос на сало упал. Наши запасы предназначались только для дусунских поселений.

Хозяйство наше расширилось. Ше-

реван привезла с собой пару цыплят. Петушок орал ночью каждые три часа. Орел, гнездившийся на том берегу реки, вступил в странную переключку с глупым крикуном: на его кукареканье он злобно, протестующе клекотал. В один прекрасный день Шереван не могла дозваться петуха. Мы сочли его пропавшим без вести, однако на третье утро нас разбудило кукареканье на противоположном берегу. Еще два дня мы ловили одичавшего бедолагу, а когда поймали, он был потрепан и побит, а в хвосте недоставало множества блестящих перьев.

Как он переправился через реку — непонятно, но я подозреваю, что его «приятель» — орел приложил лапы к этому делу. Петух очень серьезно относился к своим семейным обязанностям, и вскоре курица-супруга отложила несколько кладок яиц. Но стоило только появиться на свет очередной стайке чирикающих комочков пуха, как... Сначала исчезали белые цыплята, а следом за ними — бурые: змеи и ящерицы-мониторы брали свою дань. В конце концов Шереван собрала остатки петушиного семейства и отвезла в деревню.

Снова можно было мирно спать по ночам.

ЗА МЕДОМ

Бахат не пил чай с сахаром — он обожал мед диких пчел.

К медосбору готовились целую неделю. Обнаружив дерево, с которого свисали пчелиные соты, Бахат стал собирать длинные плети ротана. На крепкий канат ушло футов триста лиан. Вдобавок приготовили сотни две бамбуко-

вых колышков, а чтобы выстрогать и заострить каждый из них, требовалось несколько минут. Нужен был молот-колотун из железного дерева, несметное количество веревочек, три десятка острых кольев и пучок растрепанных волокон лианы — для дымокура. Иногда Бахат строил на месте проведения операции специальную хижину.

Переправились через реку, еще двадцать минут хода по тропе, которую Бахат прорубил для этого случая, и мы оказались у подножия громадного дерева: верхушка его была футаж в двухстах тридцати от земли. Бахат возвел у подножия дерева крепкий помост, и началось медленное сооружение лестницы.

Слепой Дейнал ощупью находил на стволе место для опоры и, взмахнув молотом, загонял в ствол дюйма на два бамбуковый колышек. Потом брал шест и накрепко привязывал его к колышку — и все повторялось сызнова. Это было зрелище: слепой человек на се-

редине гладкого ствола, невозмутимо заколачивающий колышки и на ощупь связывающий лестницу! Когда Дейнал добирался до конца длинного шеста, ему снизу подавали следующую. Он соединял их и привязывал к колышкам. Колышки крепились с интервалами в три фута, и каждый отдельно не мог выдерживать веса человека. Только вся конструкция в целом обеспечивала надежную опору.

Взобравшись примерно на сто футов, Дейнал спустился, и Бахат стал продолжать его работу. Наконец он довел лестницу до нижних ветвей кроны. Теперь надо было ждать, пока зайдет луна, а то пчелы его заметят.

За полночь Бахат полез снова, достроил лестницу. Захватив конец каната и тлеющий трут, он приступил к штурму медовой кладовой. Возле первого комка сот он принялся неистово размахивать тлеющим факелом. Трут чертил на фоне неба диковинные узоры. Когда занялся огонь, Бахат ударил факелом по гнезду, брызнули и рассыпались каскады искр. Они летели к земле, кружась вместе с тысячами разозленных пчел.

Мы бросились в темноту, как в укрытие. Пчелы неслись на костер в отчаянной самоубийственной атаке. В высокой кроне вопил и завывал Бахат: пчелы добрались-таки до обидчика. Невзирая на боль, он срезал соты деревянным ножом, сложил их в заготовленную банку и благополучно спустился на землю, где мы приняли драгоценный груз. Бахат атаковал гнезда, устраивая все новые фейерверки и каждый раз не безнаказанно. Наконец часа через два он спустил последнюю банку с медом и слез сам. Мы сбежали к лодкам и благополучно вернулись в лагерь с добычей. Бедняга Бахат так распух от укусов, что почти ничего не видел. Пришлось дать ему перед сном пару сильных антигистаминных таблеток. За завтраком он, однако, наслаждался восковыми сотами в натуральном виде — прямо с расплодом. Мне тоже поднесли миску тошнотворного месива, но я сумел съесть только немного чистого меда. Он оказался очень приторным, но удивительно вкусным.

Не один Бахат рисковал собой ради дикого меда. Баруанг, солнечный медведь, тоже добывал здесь пропитание: стволы деревьев носили шрамы от его острых кривых когтей. Даже апельси не оставались равнодушными к пчелиным гнездам. Однажды я сам видел, как старый самец лакомился на верхушке дерева менгарис. Он сидел выше гнезда и отправлял в рот пригоршню за пригоршней куски, вырванные из сотов. Вокруг него кружились разъяренный рой, но он лишь отмахивался от пчел свободной рукой и жмурился, открывая глаза только за тем, чтобы высмотреть кусочек поаппетитнее.

ЗАКЛИНАНИЕ ЛАБИ-ЛАБИ

Дусуны — истинные анимисты¹, они верят в самых разнообразных духов и сверхъестественные существа. Как-то поздним вечером, когда мы сидели за ужином из курятины с рисом, один из мужчин вдруг вскочил, выбежал наружу, и, вопя во все горло, принялся колотить сковородкой по железной бочке. Деревня подхватила сигнал. На грохот и трезвон откликнулась вся долина. Хозяин объяснил мне, что Лаби-лаби — большая пресноводная черепаха — глотает Луну. Я вышел и увидел, что из полной Луны словно выхвачен солидный ломоть. Но вот она снова стала освобождалась от тени, прозвучал новый пронзительный вопль: «Буах кадилъ» (так называют плоды, которые отпугивают Лаби-лаби). И весь кампонг принялся кричать и распевать, колотая в гонги. Торжества в честь возвращения Луны и посрамления черепахи продолжались до поздней ночи, и я, разумеется, не имел никакого права и желания переубеждать победителей.

Дусунские деревни совсем не похожи на деревни с общинным домом, как в Сараваке. Каждая семья живет в отдельном домике, ярдах в ста от ближайшего соседа. Обильные разливы часто смывают и дома и посевы; тогда дусунам приходится начинать все сначала. Вокруг каждого дома земля очищена от леса, и на ней выращивают тапиоку, батат, кукурузу, ананас, папайю, лайм, жгучий чилийский перец, гуаяву, бетель и ореховые пальмы.

Ряды плодоносящих рамбутанов перемежаются ароматными мангустанами, горьковато-сладкими лансиумами, желтыми и красными бананами, пахучими дурианами. Куры, собаки, козы и свиньи бродят по селению, разыскивая что-нибудь съедобное.

Дальше расположены поля риса — пади, которые возделываются несколькими семьями вместе. Суходольный пади не нуждается в zalитых водой полях да и ухода требует меньше, чем равнинный — сава. В каждом хозяйстве имеется хотя бы одна лодка.

В кампонге четверо оранг-туа, или старост, и один деревенский голова — оти. Эти люди отправляют обряды и разрешают споры между односельчанами. Женщины у дусунов пользуются большой свободой и распоряжаются своей собственностью после вступления в брак.

Разводы здесь не представляют никакой трудности. Для этого женщина должна убедить деревенского оти в том, что муж совершил хотя бы одно из великого множества нарушений деревенской законности. Если его признают виновным, развод разрешается, и муж теряет ванг-казех, то есть «день-

Обезьяна-носач (кахау) с детенышем.

¹ Анимизм (от лат. anima — дух, душа) — представление о существовании духовных (нематериальных) сущностей и существ и вера в возможность общения человека с ними (примеч. пер.).

ги любви», которые он уплатил отцу невесты перед свадьбой. Однако если муж сумеет доказать, что согрешила его жена, он получает обратно почти все ванг-казех. Сумма, выплачиваемая за невесту, уменьшается с ее возрастом и в зависимости от ее предыдущих браков. Из-за частых разводов родственные связи дусунов очень запутаны, но все дети остаются с матерью, даже если она снова выходит замуж. У Бахата и Шереван тоже были другие семьи, они расходились и снова соединились уже четыре раза!

Однажды вечером меня пригласили на деревенскую свадьбу. Невеста и жених, разодетые в пух и прах, восседали в тесной комнатке среди гордых родителей невесты. Прибывали все новые гости — принести свои поздравления перед тем, как присоединиться к общему пиру и веселью. Женщины пели, без умолку болтали, а мужчины сидели на корточках вокруг громадных горшков, попивая тапи и обмениваясь шутками. Тапи приготавливают из перебродивших корней тапиоки, покрытых слоем банановых листьев и залитых водой. Поначалу напиток был весьма крепок. Но пока шла свадьба, его все больше разбавляли, то и дело доливая в горшки воду. Каждый сам заранее решает, сколько он выпьет, и доликает соответствующее количество воды. По мере того как гость высасывает тапи через бамбуковую «соломинку», его приятель доликает в горшок умеренную заранее воду. Не раз возникают азартные состязания, неизменно связанные с беспардонным «водяным мошенничеством».

ОРАНГИ В ОПАСНОСТИ

Через несколько дней, когда по соседству на одном дереве созрели фиги, я побил все рекорды в наблюдениях за орангами. Мои рыжие друзья прознали про богатый урожай раньше меня, и в высоких кронах уже красовались четыре больших свежих гнезда. Был полдень, стояла душная жара, кгда я заметил, что из самого нижнего гнезда торчит пучок ярко-рыжей шерсти. Целый час все было неподвижно, потом показался мощный и характерный подбородок. Не было ни малейшего сомнения в том, что мой старый друг — Рыжая Борода — опять оказался в самом центре событий. Ухватившись за сук одной рукой, он непринужденно раскачался и перемахнул на более тонкую ветку, словно веса в нем не две сотни фунтов. Уверенно продвигаясь вдоль нее, оранг отбирал самые спелые плоды. Потом, сытый и довольный, он возвратился на свое ложе и предался заслуженному отдыху.

Под вечер на угощение пожаловали новые гости — самка орангутана с двумя детенышами и стайка болтливых птиц-носорогов. Полузрелый самец-оранг начал было взбираться по тонкой лиане, но Рыжая Борода встретил его

басистой булькающей руладой, грозно предупреждая, чтобы тот держался дальше. Не дерзнув ослушаться, незадачливый юнец отправился на поиски пропитания. Вечером толпа гостей поредела, и мать с малышом вернулись перекусить.

Я никак не мог поверить своей удаче: вот так сидеть и наблюдать за множеством орангутанов! Целый год я пробирался сквозь адские дебри, чтобы несколько часов понаблюдать в одном месте или мельком увидеть орангов — в другом. Я считал, что мне сказочно повезло.

Но скоро я понял, чем объясняется мое везение. К северу от Сегамы, млях в двадцати от наших мест, покой животных нарушил лесоповал. Обычно здесь обитали несколько оседлых особей, державшихся на почтительном расстоянии друг от друга. А теперь сюда хлынули новоселы, которым пришлось искать новый дом после того, как из прежних владений их выжили люди. Позже я узнал, что Улу Сегамы, где я встретил такое множество рыжих обезьян, предназначен для концессий по заготовке древесины.

К счастью, деревья, дающие самую ценную древесину, — не те, от которых зависит пропитание лесного зверья. Но эти гиганты, падая, тянут за собой массу полезных лиан, эпифитов и фиговых лоз. К тому же дороги и вырубки, остающиеся после лесоповала, делают эти районы более доступными, и животных там гораздо легче наблюдать. При оценке природных заповедников эти соображения заслуживают серьезного внимания.

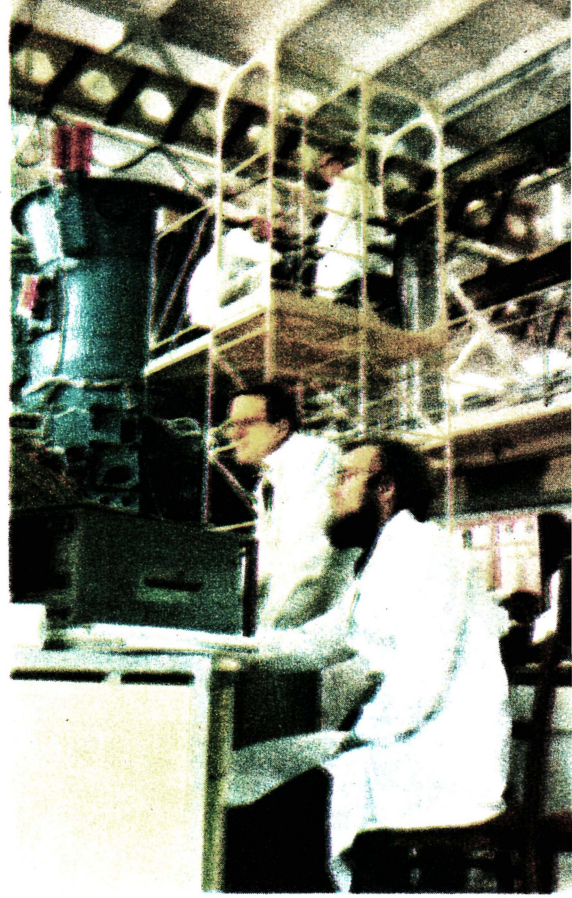
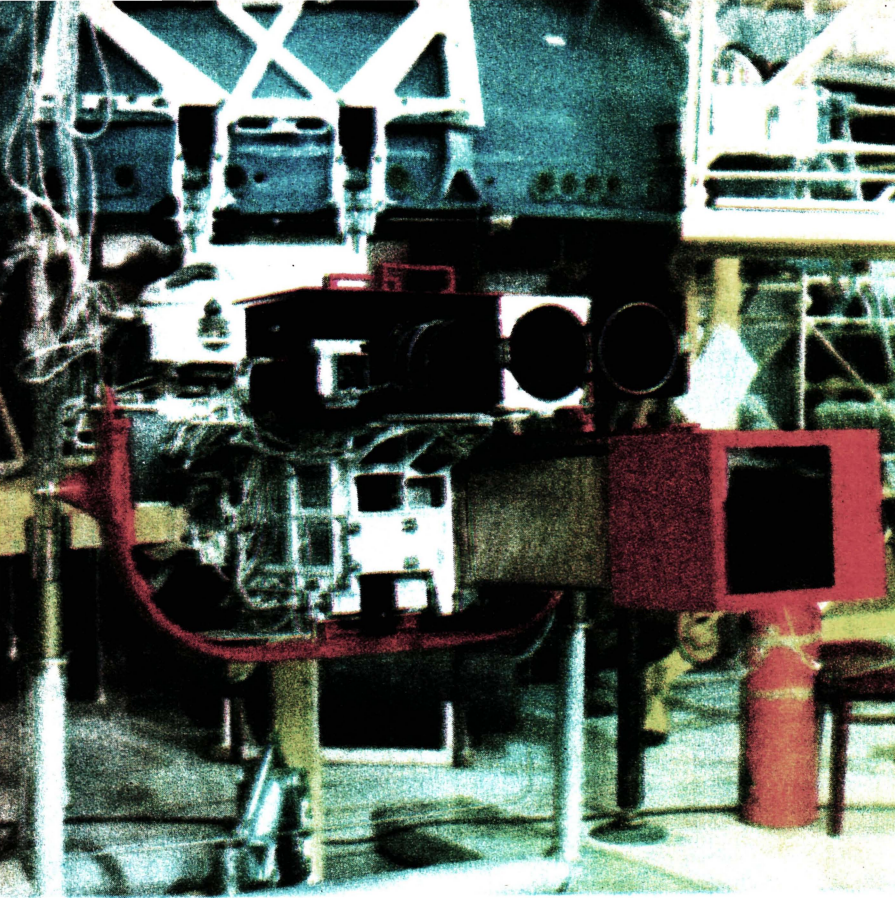
И хотя я заметил, что многие виды животных не потерпели особого ущерба, орангутанам человеческая деятельность ничего хорошего не принесла. Оранги чрезвычайно чувствительны ко всякому нарушению покоя, и хотя некоторые из них ненадолго возвращались и строили гнезда в районах недавнего лесоповала, ни один из них не остался здесь на постоянное жительство.

Все рыжие обезьяны переселились в самую глубь леса, а я уже мог судить по результатам своих наблюдений на Борнео, какое влияние это окажет на воспроизводительную активность популяции. Оранги размножаются медленно, и пройдут долгие годы, прежде чем они оправятся и снова заселят свои прежние места обитания. Честно говоря, я сомневаюсь, дадут ли им для этого достаточный срок.

Эти оранги оказались последними, которых я видел на Борнео. На следующий день мы погрузились в лодки и в последний раз отправились вниз по реке. В последний раз течение несло меня мимо знакомых островков, холмов и ручьев, которые я успел полюбить. Оглянувшись назад, я увидел, как садилось солнце в алom зареве за темным лесом и громоздящимися горами.

Перевела с английского
М. Н. КОВАЛЕВА

ТАМАРА БРЕУС,
кандидат физико-математических наук

РОЖДЕНИЕ «ВЕГИ»

В марте 1986 года в далеком районе космоса сразу четыре автоматические межпланетные станции повстречаются с кометой Галлея. Две из этих станций — советские, одна — западноевропейская, четвертая — японская. Советские аппараты уже начали свою космическую одиссею, стартовав с космодрома Байконур 15 и 21 декабря прошлого года. В нача-

ле этого года для наблюдения за кометой Галлея запущена японская станция «Сакигакэ» («Пионер»). Запуск произведен в рамках международной программы, в которой принимают участие СССР, США и некоторые западноевропейские страны. Таким образом, впервые в истории человечества предпринимается попытка прямого контакта с самым, пожалуй, загадочным и изменчивым объектом звездного неба — кометой. И выбрана для этой цели знаменитейшая из небесных странниц — комета Галлея.

В 66 году слезубый хвост кометы озарил мрачным светом небо Иерусалима. Иосиф Флавий посчитал это знаком, предвещавшим гибель города и храма. И она произошла в 70 году.

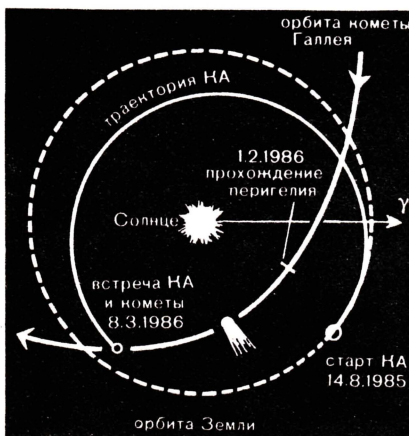
Комета Галлея 912 года «предрекла» смерть вещего Олега.

Затем она «возвестила миру» о крещении Руси, ею был якобы решен исход битвы при Гастингсе, открывшей путь норманскому завоеванию Англии.

Флорентийский художник Джотто ди Бондоне, увидев эту комету в 1301 году, запечатлел ее как звезду Вифлема на своей знаменитой фреске «Поклонение волхвов» в капелле дель Арена в Падуе.

При появлении в 1454 году комета необыкновенно светилась. Огненный хвост ее бушующим пламенем охватил треть небосклона. Папа Каликст III объявил, что форма кометы напоминает турецкий ятаган, и призвал готовиться к войне с турками. А чтобы отвести страшную опасность, повелел ежедневно в полдень во всех костелах звонить в колокола.

Турки, в свою очередь, заявили, что комета напоминает христианский крест,

ПРЕДНАЧЕРТАНО ПОЯВИТЬСЯ

Уже в течение тысячелетий она будоражит воображение землян, регулярно появляясь на небе примерно каждые семьдесят шесть лет. В хрониках зарегистрировано 29 таких визитов, начиная от 240 года до нашей эры. Явление это считалось предвестником крупных событий, дурных или хороших. И если уж комета попадала в летописи, то все авторы без исключения связывали ее появление с самыми важными событиями своей эпохи.

Идут испытания космического аппарата «Вега».

а значит, следует ожидать нападения гяуров.

Весь мир в напряжении ожидал неизбежного, казалось бы, начала кровопролитной войны. Однако вскоре комета исчезла и воцарилось спокойствие.

С точки зрения науки в плотную проблему комет заинтересовались только в XVII веке. И Ньютон доказал, что эти небесные тела двигались почти по параболическим орбитам. Английский математик и астроном Э. Галлей собрал обширный материал по ранее наблюдавшимся кометам и, последовательно применив законы Ньютона, сумел вычислить орбиты многих из них. Так был составлен первый каталог элементов орбит 24 комет. Причем ученый обратил внимание на удивительную закономерность: три кометы, наблюдавшиеся с разницей примерно в 76 лет (1531, 1607 и 1682 годы), двигались по очень схожим орбитам. Его осенила догадка, что это могло быть одно и то же небесное тело, и он рискнул предсказать ее появление в 1758 году.

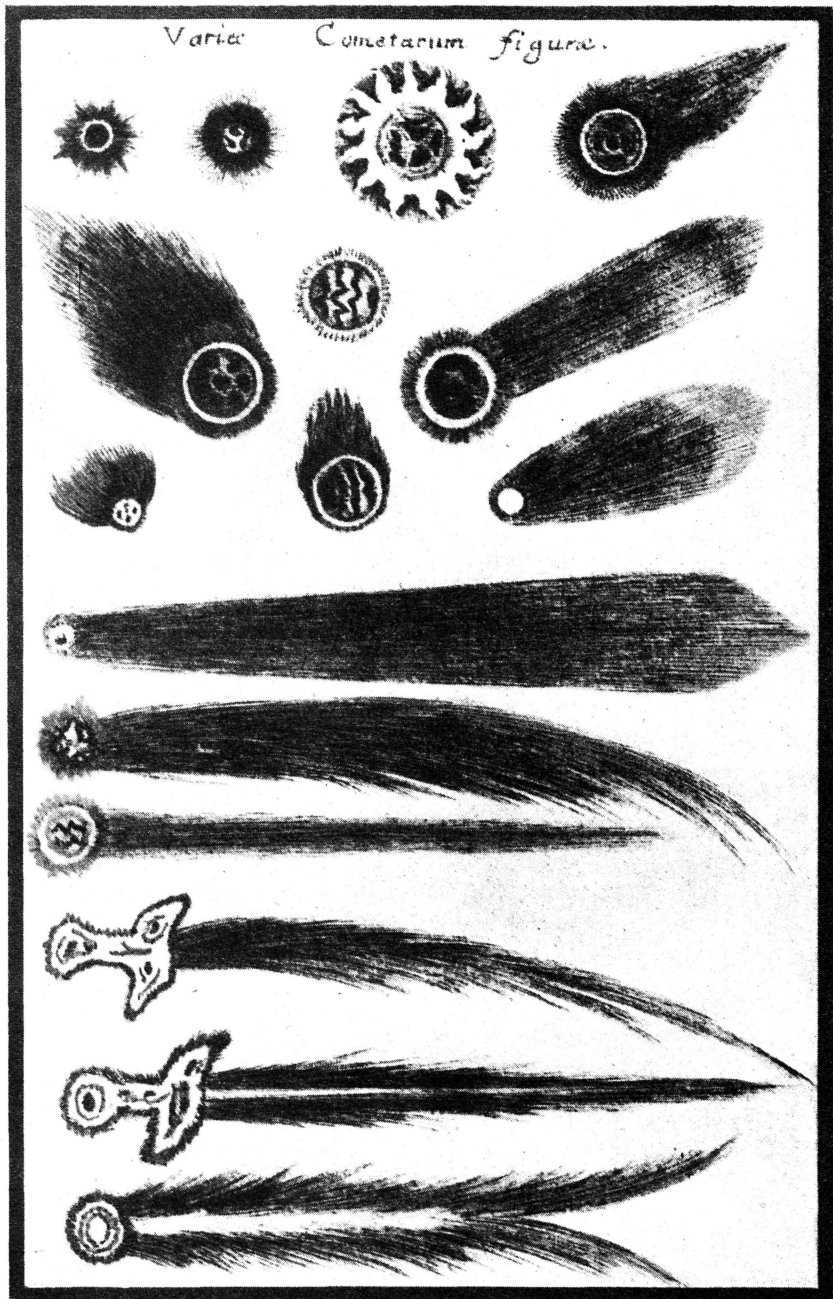
Однако в расчетное время кометы на небосклоне не оказалось. Французский математик А. Клеро предположил, что прибыть комете «по расписанию» могли помешать возмущения ее орбиты большими планетами. Вместе с астрономом Ж. Лаландом и математиком Н. Лепот он провел расчеты, указав точный срок появления кометы — март 1759 года. Прогноз полностью подтвердился. Это был настоящий триумф закона всемирного тяготения, открытого И. Ньютоном, а за кометой после этого прочно закрепилось название кометы Галлея.

НАУЧНЫЙ ПОРТРЕТ КОМЕТЫ

В первом приближении комету можно разделить на голову и хвост. В голове, в свою очередь, различают ядро — центральное усиление яркости, и окружающую его кому — светящийся материал, который непрерывно истекает из ядра.

В настоящее время наиболее распространено мнение, что ядро кометы представляет собой замороженный конгломерат газов сложного химического состава, водяного льда, тугоплавкого вещества в виде пыли и более крупных частиц. Причем слой из замороженных газов чередуется с пылевыми. По мере прогревания солнечным теплом кометные газы прорываются наружу, увлекая за собой твердые частицы. Именно существование частиц газа, образующих кому, является решающим признаком при отнесении небесного тела к кометам.

Так изображали кометы в старину.

Диаметр комы в среднем равен примерно ста тысячам километров, но нередко достигает и значительно больших величин. (Напомним, что диаметр Земли составляет менее 13 тысяч километров.) Правда, разряженность комы поразительна: свет от самых слабых звезд, проходящий через атмосферу кометы, почти совершенно не теряет своей интенсивности.

Но наиболее грандиозным образованием кометы является, конечно же, ее хвост. Причем еще в древние времена было замечено, что он всегда направлен в противоположную от Солнца сторону. Отсюда некоторые ученые делали вывод, что вещество хвоста «отталкивается» от Солнца под влиянием какой-то силы, противоположной силе тяготения. Эту силу стали называть «отталкивательной», но природа ее оставалась для ученых загадочной до тех пор, пока выдающийся русский астроном Федор Александрович Бредихин не разработал теорию, доказывающую, что хвост кометы образуется при ее приближении к Солнцу. Под воздействием солнечных лучей нагревается ядро кометы. Выброшенные же из ядра частицы материи подвергаются действию отталкивающей силы. Если солнечное тяготение притягивает частицу вещества к Солнцу, то давление падающих на эту частицу солнечных лучей отталкивает ее от Солнца. При этом для очень малых частиц сила светового давления превышает силу солнечного тяготения. Таким образом выброшенные частицы «отгоняются» в сторону от Солнца, образуя хвост кометы, вытягивающийся нередко на миллионы, а иногда на десятки и сотни миллионов километров.

Впрочем, наблюдались кометы с несколькими хвостами, как, например, двуххвостые кометы 1807 и 1861 годов. Замечательнейшая из многохвостых — комета 1744 года, которая в ночь

Голова кометы Коджа, какой ее наблюдали 13 июля 1874 года.

Комета Доната была видна невооруженным глазом в октябре 1858 года.

с 7 на 8 марта предстала с шестью веерообразно расположенными хвостами. Как уже говорилось, в ядрах комет присутствуют два типа вещества — замерзшие газы и пыль. Вырываясь наружу, газ образует прямолинейный голубой хвост, а пылевые частицы, сортируясь по размерам, создают изогнутый хвост. Могут наблюдаться одновременно и оба типа хвостов.

Максимальный диаметр комы, который наблюдался у кометы Галлея в 1910 году, был близок к 400 тысячам километров. Хвост начинался у горизонта на западе и простирался через зенит вплоть до восточной стороны неба. Его фактическая длина составляла 140 миллионов километров. Причем он был двойной — пылевой и плазменный.

Земля прошла сквозь хвост на расстоянии всего лишь 22,5 миллиона километров от ядра. Если бы в то время существовали ракеты, достаточно было бы подняться на высоту лишь нескольких десятков километров, чтобы оказаться непосредственно в хвосте и провести прямые измерения его состава. И вот предоставляется новая возможность непосредственно исследовать комету.

ОТ ВЕНЕРЫ К КОМЕТЕ ГАЛЛЕЯ

Директор Института космических исследований АН СССР академик Р. З. Сагдеев предложил использовать для наблюдений кометы Галлея межпланетные автоматические станции экспедиции к Венере. Разумеется, после того как они закончат решение своих задач у этой планеты. Оказалось, что с помощью небольшого гравитационного маневра вблизи Венеры станции можно вывести на траекторию полета к комете Галлея. При этом они пролетят в непосредственной близости от ядра кометы на расстоянии в несколько тысяч километров, что позволит не только сфотографировать его, но и выполнить исследования многих характеристик кометы, знание которых необходимо для понимания ее природы.

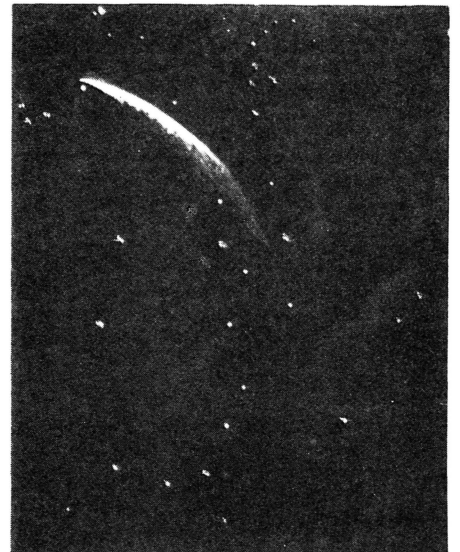
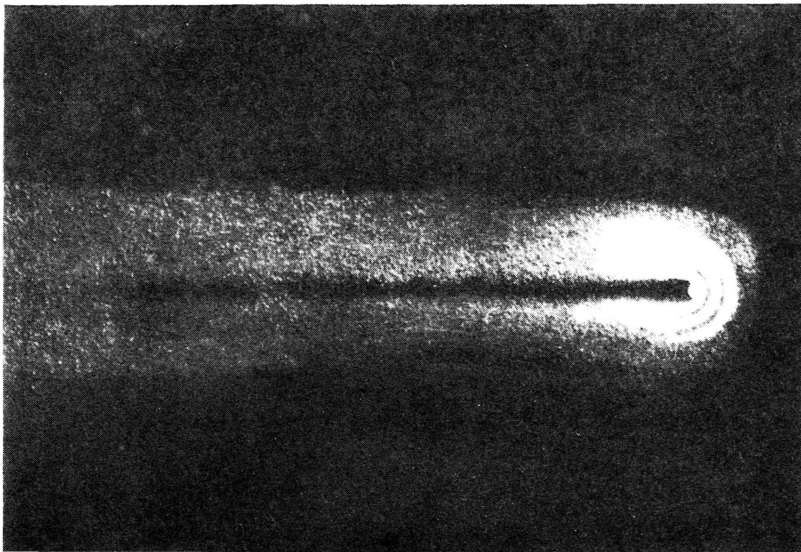
И, что немаловажно, такой зонд и

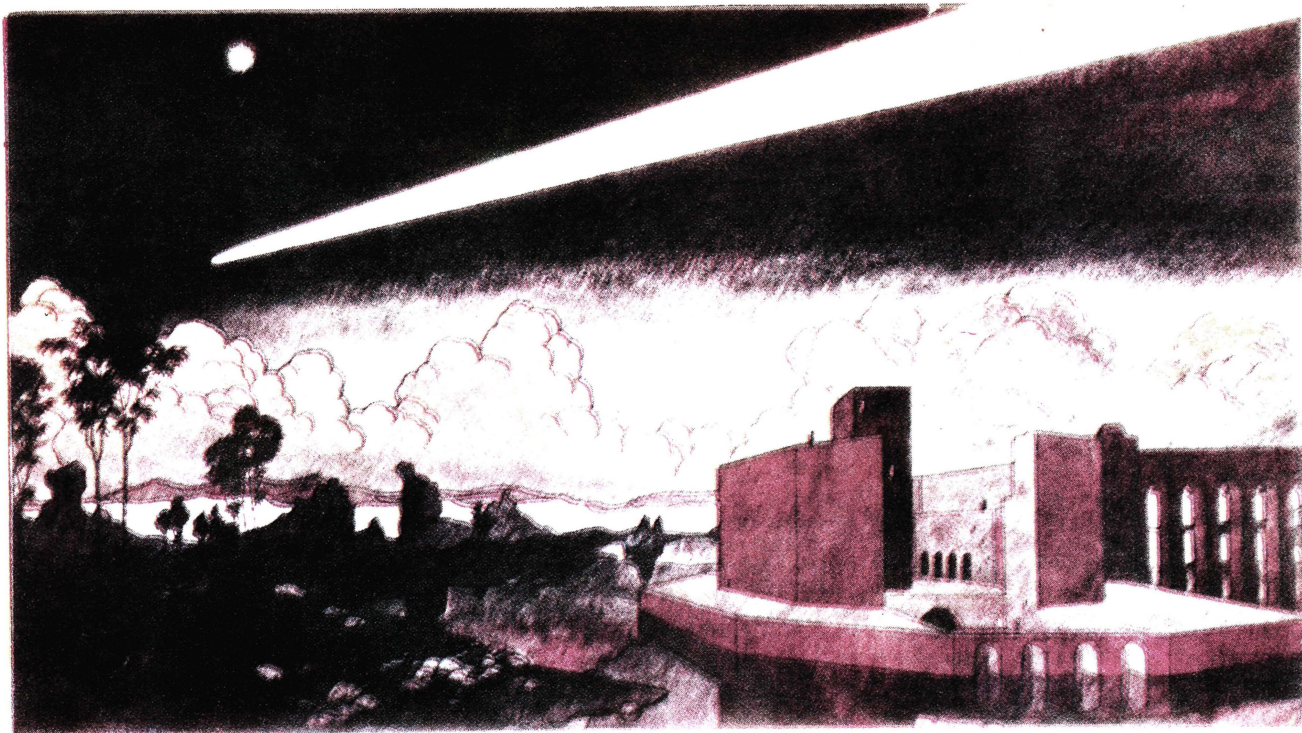

Эдмунд Галлей.

стоит гораздо дешевле, поскольку проект совмещает в себе две экспедиции. Отсюда и само название проекта — «Вега», которое является сокращением двух пунктов назначения космического аппарата — Венеры и кометы Галлея.

В июне 1985 года станции пролетят мимо Венеры, и от них отделятся спускаемые аппараты, которые войдут в атмосферу планеты. На заданной высоте они, в свою очередь, разделятся на посадочный аппарат и аэростатный зонд. Первый мягко опустится на поверхность Венеры, а аэростат будет дрейфовать в ее атмосфере с целью

проведения метеорологических исследований.

Встреча полетных аппаратов с кометой Галлея произойдет спустя девять месяцев примерно на расстоянии 130 миллионов километров от Солнца. В это время комета будет двигаться со скоростью 40 километров в секунду в направлении отдаленных областей Солнечной системы, а космические аппараты — со скоростью 34 километра в секунду навстречу комете¹. Космические аппараты окажутся в десяти тысячах километров от ядра кометы, и оптические оси приборов будут направлены на освещенную Солнцем сторону кометы. Постоянное наведение приборов будет обеспечиваться автоматической стабилизированной поворотной платформой, на которой установлена научная аппаратура.

Почему для встречи выбрано именно такое расстояние? Дело в том, что при скорости сближения почти 80 километров в секунду пылевая среда комы представляет собой серьезную опасность для космического аппарата. При встрече с более близкого расстояния надо увеличивать массу защитного экрана, то есть уменьшить вес научной аппаратуры. Кроме того, при очень близком пролете к ядру кометы станция может промахнуться и пролететь около ядра с теновой, не освещенной Солнцем стороны.

Но для чего же понадобился этот эксперимент?

¹ В отличие от большинства комет комета Галлея имеет так называемое ретроградное движение, то есть она летит по своей орбите в сторону, противоположную вращению Земли и других планет вокруг Солнца.

КОЛЫБЕЛЬ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

Хотя кометы изучаются не одно столетие, многое в их природе так и осталось для нас глубокой тайной.

Аристотель считал эти небесные тела случайными земными испарениями, поднимающимися в «зону огня» и там вспыхивающими гигантскими «огненными факелами». Но и в те далекие времена ряд ученых, как, например, римский философ Сенека, полагали, что комета имеет «собственное место» среди небесных тел, представляя собой одно из «вечных творений природы».

Если же говорить о научно обоснованных гипотезах, то начать следовало бы с 1796 года, когда Лаплас в приложении к книге «Изложение системы мира» предложил теорию межзвездного происхождения комет, которые захватываются планетами-гигантами. И сегодня такое предположение не лишено оснований, поскольку за время своего существования Солнце могло неоднократно пройти через гигантские облака молекулярного водорода, в которых могли быть и пыль, и готовые кометные ядра. Таких облаков довольно много в Галактике.

Диаметрально противоположная гипотеза была предложена в 1812 году Лагранжем, считавшим, что кометы выбрасываются из недр планет-гигантов и их спутников во время вулканических извержений. Когда американские «Вояджеры» обнаружили вулканическую деятельность на Ио, одном из главных спутников Юпитера, это предположение обрело как бы второе дыхание. Тем не менее большинство специалистов весьма скептически относятся к этой гипотезе — слишком много «но».

Комета Галлея 1916 года. Репродукция картины Г. Нарбута.

Например, скорость отрыва кометного ядра от Юпитера, учитывая его гигантскую массу, должна быть порядка 60 километров в секунду. Масса ядра кометы с диаметром 1—2 километра составляет 2—4 миллиарда тонн. Насколько же мощным должно быть вулканическое извержение, чтобы оторвать его от Юпитера или даже от Ио! Кроме того, общая масса комет составляет, по-видимому, не меньше половины массы всех спутников планет.

Общепринятой в настоящее время является гипотеза о происхождении планет из первичного газопылевого облака, имевшего такой же химический состав, что и Солнце. Считается, что Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун сконденсировались в холодной части протопланетного облака. В этой же холодной зоне образовались ядра комет, которые частично пошли на формирование планет-гигантов, а частично были выброшены за пределы планетной области.

Кометные ядра могли сформироваться в протопланетной туманности и прямо там, где они сейчас находятся, то есть в области, занятой облаком Оорта. Вращение планет вокруг Солнца свидетельствует, что изначальное облако, из которого они сформировались, также имело вращение. Образование Солнечной системы происходило вследствие сжатия под действием собственной гравитации протосолнечной туманности. Сжатие в плоскости, перпендикулярной оси вращения, было затруднено из-за центробежных сил.

Вдоль оси вращения оно происходило свободно. В результате первоначальная туманность стала уплотняться и постепенно приобретать форму диска. В центре его сформировалось протосолнце, а далее на разных расстояниях — планеты, еще дальше — кометные ядра.

Если принять полную массу всех тел Солнечной системы за 100 процентов, то на долю Солнца приходится 99,866 процента от этого общего количества, на долю девяти планет — еще около 0,134 процента, остальные же, то есть десятитысячные доли процента, — малые тела Солнечной системы: астероиды и кометы. Число их, однако, чрезвычайно велико. Поэтому малые тела никак нельзя исключать при рассмотрении вопроса о строении и истории развития Солнечной системы.

Эволюция коснулась только Солнца и планет. Малые же тела почти не изменились за время своего существования. Другими словами, их физический и химический состав остался таким же (или почти таким же), как состав первичной газопылевой туманности. Следовательно, в кометах, как предполагается, должна храниться уникальная информация о процессах, протекавших в момент зарождения Солнечной системы.

Более того, ряд ученых связывают с кометами и происхождение... жизни на Земле. Химический состав комет, определенный путем спектрального анализа, показывает, что в них есть органические молекулы, которые при определенных условиях способны к самоорганизации.

Например, в метеоритах, упавших на Землю, были обнаружены радиоактивные изотопы, период полураспада которых показывает, что они оказались в допланетном облаке задолго до того, как началась его конденсация. Их присутствие, возможно, связано со взрывом сверхновой звезды. Но это означает, что эти изотопы имелись и в том материале, из которого возникли кометы. Следовательно, простейшие органические молекулы, входящие в состав кометных ядер, находились под облучением распадающихся из-за своей естественной радиоактивности изотопов. Лабораторные эксперименты показали, что при облучении такие молекулы способны к самоорганизации и образованию аминокислот и оснований нуклеиновых кислот — кирпичиков живой материи, которые могут послужить основой для возникновения простейших микроорганизмов.

Поскольку столкновения комет с нашей планетой не исключительное явление и на ранних стадиях развития планетной системы такое происходило довольно часто, Земля вполне могла «заразиться» от них органической материей.

Проблема здесь, однако, в том, что перепады температур в кометах, поскольку они движутся вокруг Солнца по очень сильно вытянутым орбитам,

огромны. К тому же колоссальная энергия, которая выделяется и при столкновении кометы с препятствием, в данном случае с Землей, скорее всего уничтожила бы всю органику.

Наблюдения комет крайне важны и для диагностики физических условий в межпланетном пространстве. Использование их в качестве естественных зондов в настоящее время — единственная возможность исследовать те участки космического пространства, которые пока труднодоступны для межпланетных станций.

КОМЕТА НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

Установить, откуда кометные ядра приходят во внутренние области Солнечной системы, а заодно решить проблему происхождения короткопериодических комет, вероятно, удалось нидерландскому ученому Я. Оорту. Анализируя распределение девятнадцати известных к 1950 году долгопериодических комет, он обратил внимание, что все они группируются к области, отстоящей от Солнца на расстоянии порядка 50—100 тысяч астрономических единиц (то есть расстояний от Земли до Солнца). Ученый предположил, что Солнечная система окружена гигантским облаком комет. По некоторым расчетам, в этом облаке Оорта находится более 100 миллиардов комет. Под влиянием гравитационных полей близко проходящих звезд некоторые из них покидают это облако и направляются «в экспедицию» во внутренние зоны Солнечной системы. Они-то и регистрируются как новые кометы. Часть из этих комет переходит на так называемую «переходную орбиту», перигелий которой находится далеко за пределами орбит планет-гигантов Юпитера и Сатурна. Затем они постепенно перемещаются на конечные орбиты, проходящие неподалеку от Солнца.

К настоящему времени известно уже около 100 первичных кометных орбит. И все они свидетельствуют в пользу гипотезы Оорта.

До сих пор неясен физический механизм взаимодействия вещества комет с солнечной радиацией, природа резкого изменения свечения и многое другое. Что касается, например, вспышек яркости, то одно время они объяснялись как следствие столкновений ядра с другими небесными телами, например мелкими астероидами. Однако в ряде случаев частота вспышек столь высока, что гипотеза столкновений выглядит маловероятной.

Наземными спектроскопическими исследованиями легко определяются молекулы «дочерние», то есть вторичные. Дело в том, что при переходе кометного льда из твердого фазового состояния непосредственно в газообразное газ вылетает с поверхности кометы почти со скоростью звука и распространяется в межпланетном пространстве в виде кометного ветра. В рай-

оне ядра кометы плотность газа очень велика. Поэтому вследствие столкновений молекул друг с другом в них происходят существенные химические изменения. В ходе этих процессов и образуются вторичные, «дочерние» молекулы. Поэтому поиск «родительских» молекул, то есть определение состава газа в окрестности ядра, является одной из важнейших задач космического эксперимента.

Задачи космических исследований комет обуславливают вполне определенный состав аппаратуры экспедиций. Он, естественно, должен включать в себя телевизионную камеру, кроме того, на борту необходимо иметь масс-спектрометры различных типов для определения видов нейтральных и ионизированных молекул и пылинок кометных атмосфер, магнитометры, электронные анализаторы, радиокomплекс, позволяющий производить радиопросвечивание кометной плазмы, радиолокацию ядра, головы и хвоста кометы, принимать ее собственное радиоизлучение.

Масса научной аппаратуры, которую можно разместить на космических аппаратах, естественно, весьма ограничена. Поэтому, несмотря на единые в принципе научные цели, преследуемые во всех проектах, состав приборов, размещаемый на каждом из космических аппаратов, различен. Так, например, масса полезной нагрузки советского космического аппарата «Вега» — 130 килограммов, что почти в три раза больше, а скорость передачи научной информации на Землю на 50 процентов выше, чем у аппарата Европейского космического агентства «Джотто».

Пожалуй, самой уникальной в составе научного комплекса «Веги» является телевизионная система. Она состоит из двух камер с соответственно различными фокусными расстояниями. Одна камера — узкоугольная высокого разрешения, другая — широкоугольная — будет служить датчиком наведения.

Телевизионная система должна обнаружить комету и ее ядро, обеспечить автоматическое слежение за ним и передачу его изображений с максимальной детальностью на наземные приемные пункты. В состав системы входят бортовая ЭВМ для предварительной обработки изображений и вычисления координат ядра кометы. Поскольку съемка будет выполняться в нескольких спектральных зонах, это даст возможность синтезировать на Земле цветные изображения кометы. Использование при создании телевизионного комплекса «Веги» новейших материалов, технологий и достижений в области микроэлектроники позволило достичь рекордно низкой, всего 31,5 килограмма, массы для столь сложной и обладающей мощной оптикой системы.

Существенной особенностью советских автоматических межпланетных станций проекта «Вега» является и трехосная ориентация космического аппарата, благодаря которой можно обес-

печить наведение оптических приборов на околоядерную часть кометы. Основной поток информации будет передаваться на Землю в режиме непосредственной передачи.

Научные исследования кометы начнутся поэтапно. Первый этап — сеанс включения научной аппаратуры — произойдет за двое суток до сближения с кометой, когда аппарат будет находиться от нее на расстоянии 14 миллионов километров, второй сеанс будет произведен при расстоянии до ядра около 7 миллионов километров. В момент встречи начнется третий сеанс.

ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Когда после появления кометы Галлея в 1759 году стало ясно, что это действительно регулярная комета с периодом около 76 лет, возникла идея международного сотрудничества астрономов разных стран с целью ее изучения. Первая международная программа наблюдений кометы Галлея к ее появлению в 1835 году была предложена великим русским астрономом Василием Яковлевичем Струве, сформировавшим основные научные задачи ее исследований.

Еще более значительные усилия были предприняты перед появлением этой кометы в 1910 году. Астрономы многих стран мира попытались объединиться и создать международную службу кометы Галлея. Это принесло ощутимые результаты. Был получен богатейший материал, который позволил разработать инженерную модель кометы. Эта модель с успехом использовалась при

проектировании нынешних космических аппаратов.

Подготовка к исследованиям кометы Галлея средствами ракетно-космической техники началась давно. Обсуждалось несколько вариантов полетов. Европейское космическое агентство, объединяющее ряд западноевропейских стран, с 1980 года приступило к подготовке проекта «Джотто», названного так в честь итальянского художника, давшего миру первый документальный «портрет» кометы Галлея.

Надо сказать, что первоначально в разработке проекта участвовало и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Но для Соединенных Штатов более важными оказались военные программы в космосе, и проект стал чисто западноевропейским. Запуск космического аппарата планируется осуществить при помощи ракеты «Ариан». Сначала автомат будет выведен на промежуточную орбиту, с которой затем отправится к комете. В пути он будет находиться 247 суток.

По японскому проекту «Планета А» планируется последовательный запуск двух аппаратов. Но только один из них должен встретиться с ядром кометы. По планам, он подлетит к комете не ближе чем на 100 тысяч километров, поэтому скорее всего аппарат сможет наблюдать лишь кому. Второй будет в это время проводить исследования плазмы солнечного ветра вдали от кометы.

Пожалуй, никогда ранее в истории астрономии не планировалось столь широкое международное сотрудни-

чество, как сейчас, в ожидании нынешнего прихода кометы. Решением 18-й Генеральной ассамблеи Международного астрономического союза принята международная программа ее исследований. В рамках этой программы создано два координационных центра: один в Пасадене (США) — для централизации и координации наземных наблюдений всеми возможными способами в западном полушарии Земли, включая Японию, Филиппины, Индонезию, Австралию и Новую Зеландию; второй — в Бамберге (ФРГ) для восточного полушария.

В СССР также создана программа наземных наблюдений кометы Галлея, которая является составной частью международной программы. Трудно переоценить значение одновременных наблюдений кометы Галлея обсерваториями всего земного шара, тем более по единым программам. Но главная цель, конечно, — получить, так сказать, «всеобъемный портрет» кометы, комбинируя данные наземных наблюдений с одновременными пробами, «взятых изнутри», то есть прямыми методами, экспедиционными кораблями.

Следующее возвращение небесной странницы должно состояться в третьем тысячелетии. Поэтому вся информация, полученная как из наблюдений с поверхности Земли, так и космическими аппаратами, независимо от того, под какими флагами они стартовали, будет собрана в Мировом центре данных. Наши потомки смогут ею воспользоваться при подготовке будущих полетов человека к комете Галлея. И это не фантазия.

ШЕЛ КОРАБЛЬ В РИМ...

Подводные археологи, в том числе и итальянские, давно работают в Тирренском море. Но так им еще никогда не везло. В один из октябрьских дней при первом же погружении аквалангисты заметили вытянутое овальное «пятно» на дне. Когда место расчистили, открылся корпус римского парусника.

Специалисты определили, что судно было построено в период правления императора Августа. Скорее всего корабль плыл из Греции и затонул при налетевшем шквале, поскольку был весьма перегружен. А вез он в столицу Римской империи драгоценности и произведения искусства.

За месяц водолазных работ наверх подняли около пятисот предметов. Среди них — статуи из мрамора и статуэтки из слоновой кости, изящные керамические вазы и чернолаковые амфоры с изображениями героев греческих мифов и богов Олимпа, образцы бронзовой посуды и оружия. Но

больше всего было найдено дорогих женских украшений и сосудов с благовониями. Можно предположить, что какой-то полководец отправил все это богатство ко двору императора как подарок женщинам его семьи.

Пролежавшие сотни лет на дне моря диадемы и золотые серьги, кольца и браслеты тончайшей работы после тщательного изучения поступят в итальянские музеи. Находка шедевров античного прикладного искусства на дне Тирренского моря считается пока самой ценной и крупной за всю вторую половину XX века.

НАХОДКА В ТАБАРИНЕ

Совместная американско-кенийская экспедиция, возглавляемая палеоантропологом Эндрю Хиллом из Музея археологии и этнологии при Гарвардском университете, сделала чрезвычайно важную находку.

Во время раскопок в районе Табарина на берегу озера Баринго, которое распо-

ложено в 350 километрах к северо-западу от Найроби (Кения), ею обнаружен кусок нижней челюсти гоминида. Сохранившиеся на ней два коренных зуба оказались по форме и размерам сходными с остатками ранее обнаруженного пращеловека — австралопитека афаренского и существа, получившего имя Люси и жившего примерно три-четыре миллиона лет назад.

Анализ вулканических пород района Табарин, включавших новую находку, позволил предварительно определить ее возраст, близкий к пяти миллионам лет.

До сих пор все еще мало изученной является эволюция предков человека в период, отстоящий от нас на 4—14 миллионов лет, когда «генеалогическая ветвь», ведущая к людям, отделилась от той, что дала впоследствии человекообразных обезьян и родственные им виды.

Если предварительно определенный возраст находки в Табарине подтвердится, это будет означать, что в руки ученых попало свидетельство самого древнего на сегодняшний день из гоминидов, предшествовавших гомо сапиенсу.

ЕЛИЗАВЕТА
СУМЛЕНОВА

ПУЧОК ТРАВЫ ТЯБЬЕЙ

Если спросить, когда и как возник у народа падаун, живущего в горах на северо-востоке Бирмы, обычай удлинять шеи женщинам, здесь расскажут такую легенду. Повалился было в деревню тигр-людоед. По ночам он подкрадывался к хижинам, нападал на спящих девочек и перегрызал им горло. Тогда и стали надевать девочкам на шеи медные обручи.

«Чем длиннее шея, тем красивее женщина», — убеждены падауны. Шея, втрое длиннее обычной, закованная в тяжелый латунный или медный воротник, руки и ноги, охваченные браслетами, — таков идеал падаунской красавицы.

Но ведь и татуировка, и тяжеленные серьги в ушах, ноздре или губе — тоже весьма неудобные и болезнен-

ные приемы украшения — бытовали и бытуют сообразно обычаям у разных народов в различных концах света.

Но вернемся к падаунам. В середине XIX века Дж. Скотт, британский офицер, в своей книге «Среди горных племен Бирмы» отмечал: при том, что «их шеи напоминали лебединые», поразительная тяжесть украшений на шее, запястьях и под коленями, казалось, «не мешала столь хрупким созданиям пропалывать посевы и управляться по дому».

С ним спорил Х. Маршалл: «Эти женщины — чудовищный гротеск. Головы их кажутся неестественно маленькими... Спят они, положив под голову обрубок бамбука...»

Первый шейный обруч девочке надевают лет в пять-шесть. В доме

это событие отмечается как большой праздник. Накануне, чтобы придать коже эластичность, массируют шею, втирая мазь из сока кокосового ореха, меда и жира. В назначенный час собираются гости, приходит знахарка, и начинается процедура. Мать в это время стоит за спиной дочки и придерживает ее голову за подбородок.

Первое время под обруч подкладывают мягкую прокладку, пока кожа не привыкнет. Но часто виновица торжества, польщенная всеобщим вниманием и занятая подарками, отказывается от «подушечки». Если у семьи хватает средств, обручи надевают на запястья и под коленями.

Через двадцать четыре полных луны, то есть спустя два года, надевают второе кольцо. А потом накладывают по обручу каждый год, пока шея не вытянется до тридцати-сорока сантиметров. Нередко вес такого «ожерелья» достигает нескольких килограммов — чего не сделаешь, чтобы быть красивой! И все же не зря медный воротник называют «ожерельем тщеславия». Однажды накинув кольцо на шею, женщины-падауны обречены носить их всю жизнь. Шейные позвонки расходятся, шея теряет опору, и, если снять обручи, голова может повиснуть как сломанная ветка. Раньше, бывало, снимали обручи за измену мужу, тем самым приговаривая женщину к мучительной смерти.

Нижние кольца шире остальных, и опираются они на плечи. А потому кажется, что на шею надет опрокинутый колокол или медная ступка. Спать в таком «ожерелье» неудобно, да и вообще оно доставляет немало

хлопот. Шею протирают тонким влажным жгутом, подсовывая его под обручи.

А ведь падаунские женщины работают в поле, хлопочут по дому — носят на голове кувшины с водой, стирают, стряпают, шелушат рис. Кормящая мать не видит младенца, обручи не дают наклонить голову. Если же она хочет оглянуться, ей приходится поворачиваться всем корпусом.

— Падауны — племя замкнутое, живущее по своим древним законам. Они избегают взгляда посторонних, неохотно вступают в контакт с иноплеменниками. Сфотографировать падаунских женщин непросто, они прячутся от объектива. Но, может быть, вам повезет...

Так напутствовали нас друзья,

когда несколько лет назад мы оказались в Таунджи, столице Национальной области Шан, что находится в центре восточной части Бирмы.

Вот уже часа три едем по Шанско-му нагорью. Апрельский день на исходе, но как жарко! Давно нет дождей. Пересохла реки, иссечена глубокими трещинами земля. И все окутано пылью, окрашено в удручающе-серый цвет.

Кажется, жара и воспламенила крупные алые цветы на фламбойане — «пламени леса». Цветет фламбойан — значит, близка весна, вот вот хлынут обильные теплые дожди, буйно зацветут и другие деревья.

Вдоль дорог тянутся селения шанов. Свайные хижинки в окружении кактусов, рощиц масличных и арековых пальм. В огородах работают мужчины в широких черных штанах и куртках, с ножами-парангами за поясом. Женщины хлопочут у открытых глиняных очагов или стирают белье, выколачивая его о камни.

На шоссе лежит толстая, в руку, темно-серая змея. Шофер-бирманец Ко Дже Тей отчаянно сигналил, но змея, пригравшись на горячем асфальте, не шелохнется. Тогда, крича и ворча, он объезжает ее по самому краю обрыва. Даже если это связано с риском, бирманец-буддист никогда не лишит жизни животное...

Стоп! У въезда в следующую деревню замечаем врытые в землю столбы-пауны. К столбам прикреплены игрушечные домики, похожие на скворечники, — обиталища духов-натов. Не падаунская ли это деревня? Оглядываюсь: ни души. Деревня словно вымерла. В тени акации замечаю девочку пяти лет. Она старательно трет песок медный закопченный казан. Возле суетится маленький зверек с беспокойным розовым носом — мангуста. Девочка то изо всех сил скоблит посуду, то подставляет ладонь мангусте. Зверек мигом взбирается по руке на плечо, щекочет ей ухо. Девочка смеется, стряхивает зверька и снова принимается за работу. Черный пес, внимательно наблюдая за ними, нервно повизгивает. Видно, и ему не терпится ввязаться в игру. Красные пучеглазые стрекозы летят-летят, да и замрут над высокой сухой травой.

И все от земли до неба залито солнцем, готовым уйти за горизонт. Ну можно ли проехать мимо, не достав фотоаппарат?

Девочка и не заметила, как я подошла и навела объектив. Щелкнул затвор камеры. И тут девочка зарыдала, стала бить себя в грудь, глаза ее расширились, лицо исказил страх. С громким воплем кинулась она в хижину. Оттуда послышались возбужденные голоса.

Первым побуждением было — бежать к машине. Но надо все же уладить недоразумение, объяснить, что я не причинила девочке ни малейше-

го вреда. Водитель Ко Дже Тей пошел объясняться с хозяевами. Через несколько минут он вышел из дома вместе с молодым мужчиной, который дружелюбным жестом пригласил войти и меня.

На тощей циновке, свернувшись калачиком, спал ребенок. Женщина в углу кормила младенца, удобно устроившегося в подоле. В полумраке на длинной шее женщины поблескивал медный воротник.

Из-за ее спины выглянула испуганная мной девочка. Она уже успокоилась и с интересом смотрела на протянутую мной яркую матерешку. Я принесла извинения. Хозяин заверил, что все в порядке, и объяснил, почему испугалась девочка. Она слышала не раз, что на деревни нападают чужие и уносят детей. К тому же завтра девочке предстояло надеть первое шейное кольцо, и семь дней до торжества она не должна

выходить из дома. Злые духи не дремлют, вдруг напугают, а то и похитят ее, чтобы сорвать праздник всей семье...

В доме воцарился мир и покой, я могла оглядеться. В комнате, кроме низкого, круглого, грубо оструганного столика, мебели — в нашем понимании — не было, если не считать свернутые в рулоны циновки. Над дверью висел пучок сухой горчишной травы. По бамбуковой стене неудовимо и бесшумно, как струйка, скользнула ящерица-мухоловка. И комара как не бывало. Ящерица дернула плоской змеиной головкой, мстнулась в сторону и замерла, поджидая новую добычу.

Между тем хозяйка дома положила малышня на циновку рядом с братом и пригласила нас к столу. Желтые бананы, начиненные... маринованным табаком, были главным блюдом семейного ужина. Едва мы уселись, как на пороге хижины возникла тоненькая фигурка девушки в длинной юбке-лоунджи и кофе-эйнджи. В ее темных, убранных в пучок волосах белел цветок жасмина.

— Здравствуйте! — улыбаясь, приветствовала нас она. — Я не помещаю вам?.. Меня зовут Ма Кин... Вы давно из Рангуна? Какие там новости? Я целый месяц не была дома.

Ма Кин, студентка Рангунского медицинского института, проходила здесь практику. В последние годы студенты приезжают в глухие уголки страны, чтобы обучить грамоте и счету жителей деревень.

— Дел хватает и мне, медику, — говорит Ма Кин. — Знакомлю крестьян с простейшими правилами гигиены, по мере сил борюсь с пред-рассудками.

— Правда, в этом доме, — продолжает она по-английски, — мне это пока не удалось. Мать хозяйка дома — знахарка-наткадо. Через надкадо люди племени «общаются» с духами, передавая им свои просьбы. Боюсь, что не смогу уберечь эту маленькую девочку от завтрашней процедуры. Зато в соседней семье мне это удалось. Конечно, не без труда...

К счастью, многие традиции отжидают свой век. У нас говорят: «В дереве важен корень, но корень важен, чтобы было дерево». Значит, сохранять надо лишь те традиции, которые не мешают цвести дереву. Но это очень трудно — соединить, сплотить все народности в единый народ и при этом сохранить обычаи, язык, культуру каждой этнической группы...

Весенний вечер уже перешел в ночь, когда мы уезжали из деревни.

— Возьмите! — сказала, прощаясь, хозяйка хижины, сняв со стены пучок сухой травы. — Это табейя. Говорят, он приносит счастье...

**ВЛАДИМИР БЕЛЯКОВ,
ИГОРЬ РОСТОВЦЕВ**

Из года в год старая птица летала над Вади-Джаханнам. Она при-выкла к людям внизу и уже почти не боялась их. Но вот недавно, когда всходы на полях были еще совсем зелеными, произошло событие, растревожившее птицу. Откуда-то приползли чудовищные зеленые жуки с длинными тонкими носами, извергавшие страшный грохот. А вслед за ними возле деревни появилось множество чужих людей. Они громко стучали, что-то таскали и строили. Почуввав опасность, мудрая птица решила убраться подальше. Ей ужасно хотелось посмотреть, что же мастерят люди. Но инстинкт самосохранения оказался сильнее любопытства.

Пролететь над этим местом она отважилась только через несколько дней. Сооружение походило на раскрытую пасть дикого зверя. Только вместо зубов — ряды темно-зеленых палаток, вместо высунутого языка — дорога, а там, где челюсти сходятся, — длинное приземистое строение...

5

— Ну что, полегчало?

В голосе звучало сочувствие. Махмуд уже было открыл рот, чтобы поблагодарить неизвестного за воду, как вспыхнул фонарик и в его луче узник увидел человека в ненавистной форме. Слова благодарности застряли в горле.

Человек, склонившийся над Махмудом, заметил его замешательство.

— Держись... Думаю, долго тебя здесь не продержат, — ободрил солдат.

Дверь камеры захлопнулась. Лязгнув засов. Махмуд опять остался один в крошечной тьме. Он ничего не мог понять. Какое дело израильскому солдату до него, избитого узника, одного из многих? Мыслимо ли это — проявление сродолюбия в таких условиях? Как Махмуд ни ломал голову, найти объяснение случившемуся так и не сумел.

Впрочем, солдат оказался прав. Махмуда действительно больше не допрашивали. На следующий день его отвели обратно в блок. Фадель встретил товарища радостными объятиями. Тут же аккуратно промыл раны водой и как смог перевязал их тряпицами.

Прошло еще несколько тревожных томительных дней.

Каждое утро одно и то же. В шесть часов — выходи строиться. Руки за голову, не шевелись. Непослушания солдаты не прощали. Особенно досаждал всем один охранник, которого звали Ауфир. Что ни день — он зверски избивал кого-нибудь дубинкой. Однажды утром жертвой Ауфира стал старик Абу Зияд. Он был из тех умудренных годами

Рангун — Таунджи —
Москва

Окончание. Начало см. в № 3.

ДОЛЖНА АДА

людей, которые умеют одним добрым словом смягчить чью-то душевную боль.

Абу Зияд молча переносил удары. Ни стоном, ни криком он не показывал боли. А это еще больше бесило Ауфира. Ему хотелось, чтобы старик упал на колени и взмолился о пощаде. Распалившись, охранник ударил со всего размаха. Абу Зияд пошатнулся. Плетью повисла рука, которой он пытался защищать лицо.

Ослепленный бешенством, охранник не замечал, что вокруг все плотнее сжимается кольцо людей. Вдруг старик выпрямился, здоровой рукой рванул на себе рубашку и пошел на Ауфира.

— Убей меня, трус! Что же ты медлишь? Смерть лучше жизни раба!

Охранник хотел было вновь наброситься на Абу Зияда, но чьи-то руки вырвали занесенную для удара дубинку. Ауфир в испуге огляделся. И в этот момент его схватили десятки рук. Охранник в ужасе закричал.

Остальные израильтяне в каком-то оцепенении наблюдали эту сцену. Они так привыкли к покорности узников, что не верили своим глазам. Первым пришел в себя часовой на вышке. Поверх голов громыхнула пулеметная очередь. Люди отпрянули. Ауфир с бледным от страха лицом кинулся к своим.

Это событие стало для всех первым «боевым крещением». До этого дня еще никто в лагере не отваживался открыто выступить против израильтян.

Возбуждение царило во всех палатках лагеря. Охранники, почувствовав, что созревает бунт, приняли меры. Послышался шум мощных двигателей, и на территорию медленно вползли два огромных бульдозера. Настоящие стальные мастодонты! Не доезжая метров двадцати до палаток, они остановились. Водители заглушили моторы.

Остаток дня и ночь заключенных никто не трогал. Но что-то должно было произойти. Это понимал каждый.

— Больше так продолжаться не может, — взволнованно говорил Фадель. — Мы не бессловесный скот. Вы видели, как испугалась охрана, когда мы окружили Ауфира?

— Правильно! — поддержал его Махмуд. — Наши товарищи на оккупированном юге начали партизанскую борьбу. Мне рассказывал один парень из соседней палатки, новенький. А мы тут сидим, повесив носы. Надо выступать всем вместе.

Почти все в палатке поддержали это предложение.

— Я считаю, — вновь заговорил Фадель, — что откладывать нельзя. Надо действовать немедленно, по горячим следам. К тому же завтра праздник — Ид аль-Адха¹. Предлагаю сделать так. Я

¹ Ид аль-Адха — мусульманский праздник. Сопровождается жертвоприношением, посещением больных и могил предков.

нацарапаю на камешке призыв к восстанию. Кто-нибудь из нас незаметно перекинет камешек в соседний блок. Если камешек в конце концов вернется к нам, значит, соседи поддержали нашу идею.

— Я берусь перебросить камешек, — вызвался Махмуд.

На обсуждение подробного плана действий ушел остаток ночи. И вот наступило утро 28 сентября, праздник Ид аль-Адха.

Во время проверки Фадель нашел подходящий камешек — небольшой, плоский. Быстро нацарапал ножичком: «Передай дальше. Выступаем в обед. Революция до победы! 9-й блок» — и сунул камень Махмуду в карман.

Махмуд высунулся из палатки. В соседнем блоке несколько человек еще стояли в очереди за завтраком.

— Можно в туалет? — спросил Махмуд охранника.

— Валяй, — ответил солдат. — Только поживей!

Махмуд выскочил из палатки. Идти в туалет надо было вдоль проволочного ограждения. Он оглянулся на солдата. Тот подошел к палатке, заглянул в нее. Видимо, Фадель специально позвал охранника. Махмуд швырнул камешек к ногам последнего в очереди. Парень нагнулся, поднял его, прочел, сунул в карман и кивнул Махмуду. Кажется, никто этого не заметил.

К обеду камешек вернулся в 9-й блок. Пора было действовать.

Фадель несколько раз ударил об алюминиевую миску. Из соседних блоков раздались ответные удары. Охранники насторожились.

— Мы требуем, — крикнул из толпы Махмуд, — прекратить побои и издевательства, убрать Ауфира, разрешить свободно передвигаться по блоку!

На шум из палатки охранников выскочил офицер.

— Разойтись! — заорал он.

Но толпа не двигалась. Вид у заключенных был угрожающий.

— Заткнись! — крикнул кто-то из толпы и запустил в офицера камнем. Казалось, остальные только и ждали этого. Люди хватили с земли камни и швыряли в офицера и солдат. Один из узников бросился в палатку, где готовили еду, и через мгновение брезент уже горел на ветру.

Восстание охватило весь лагерь. В разных концах Ансара звучала стрельба, шли рукопашные бои, горели палатки, едкий дым застилал небо. Начальник лагеря полковник Дани был взбешен. Пускай в ход пулеметы на вышках рискованно: не ровен час зацепишь своих. Но и не вмешиваться было нельзя. Узники могли захватить оружие, и тогда судьба самого полковника стала бы незавидной, не говоря уже о реальной возможности массового побега. Выход один: просить по рации подкрепления.

Через полчаса над Ансаром закружили вертолеты. Они по очереди садилась на дорожку возле лагеря, и выпрыгивающие из них солдаты тут же вступали в бой. Постепенно они отгнали узников в углы блоков. Стрельба утихла, дым рассеялся. На земле остались лежать те, кому уже не суждено было подняться.

Полковник Дани в сопровождении свиты обходил блоки.

— Вот результат вашего бунта! — кричал он, указывая рукой на трупы. — В этом виноваты те, кто подбил вас на беспорядки. Мы обязательно выявим и примерно накажем зачинщиков!

Узники разошлись по палаткам. Как и ожидал Махмуд, все началось ночью. Люди уже начали засыпать, когда в палатку ворвались два солдата. Еще несколько стояли снаружи. По лицам забегал луч фонарика.

— Ты, ты, ты и ты! — указал солдат дулом автомата. — Встать! Пойдете с нами.

В числе четверых были Фадель и Махмуд.

6

Впереди показалось длинное приземистое сооружение. Подошли ближе. Тусклая лампочка, вмонтированная в козырек над входом, еле освещала узкую дверь. Людей по очереди загоняли внутрь. Человек десять прошли — стоп! Через несколько минут — следующий десяток.

Крошечная комнатка с бетонным

полом, без окон — так выглядела камера, в которую втолкнули Махмуда и Фаделя, а с ними еще восемь человек. Сесть было невозможно. В такой тесноте даже ноги в коленях не согнешь. Попробовали опереться друг на друга — вроде легче. Но чуть один переменял позу или перенес тяжесть тела на другую ногу, сразу теряют равновесие и толкают друг друга остальные. Так и промучились до утра.

Рассвет проник в камеру слабым лучом. Оказалось, под потолком есть небольшая дыра, размером с кирпич.

Щелкнул засов, и дверь резко отворилась.

— Номер 0620 здесь? — спросил охранник. — На выход!

Узники расступились, давая Махмуду дорогу. Фадель похлопал его по плечу.

— Держись, брат! — шепнул он.

Махмуду завязали глаза, связали руки за спиной и вывели из здания. Он почувствовал толчок в спину и, спотыкаясь, пошел в указанном направлении. Прошли метров двести, не больше. Грубые руки схватили за шиворот, потянули вверх.

— Ну-ка, подними ногу. Вот так, давай, давай...

Махмуд почувствовал, как что-то острое содрало кожу со лба. Сзади неожиданно толкнули, и он с размаху ударился головой о металлическую раскаленную стенку.

— Гады! Что вы делаете?! — что есть силы закричал он.

Откуда только силы взялись! Метнулся в сторону. И в то же мгновение в плечо вонзились острые иглы. Махмуд закричал от нестерпимой боли. Инстинктивно отпрянул в другую сторону — опять захлестнула волна боли. Придя в себя, попробовал потихоньку выпрямиться. Но не тут-то было. Макушкой задел обо что-то острое.

— Выпустите меня! — опять закричал Махмуд. — Вы не имеете права!

Сзади заскрипел и лязнул замок. Шаги удалились.

Только сейчас до сознания Махмуда дошло, что он стоит на чем-то неустойчивом. Ощупал одной ногой пол. Он уходил куда-то вверх. Ботинок наткнулся на препятствие. Проверил пол чуть правее. То же самое. Решил наступить на него ботинком, но сразу отдернул ногу. В подошву вонзилось острое. Еще чуть-чуть — и оно пропоролло бы ее.

«Похоже, меня загнали в бочку с шипами внутри», — подумал Махмуд, корчась в полусогнутом положении. В первые минуты он не почувствовал, какая здесь духота. А теперь все тело покрылось липким потом. Непрерывными струйками он стекал по лицу, разедал ссадины и раны. И ведь пот не смахнешь — руки связаны. Страшно ломило спину, болеяла нога. Тут Махмуд вспомнил о неудачном соприкосновении со стенкой. Может быть, удастся на нее опереться? Там вроде бы шипов не было.

Кое-как Махмуд развернулся, стараясь не пораниться, и стал медленно пятиться назад. Уперся, но сразу же с кри-

ком отпрянул. Он словно сел на раскаленную сковороду.

Силы медленно покидали измученное тело. «Вот сейчас упаду. Вот сейчас...» — в отчаянии думал Махмуд. Он понимал, что упасть — значит истечь кровью. В тело сразу же вонзятся острые шипы. Страшная боль, а за ней провал и смерть... Ну, падай же!

— Нет. Я не сдамся, — Махмуд, сам не замечая этого, разговаривал вслух. — Даже если есть один шанс из тысячи, нужно выжить и отомстить!

От этого решения словно прибавилось сил. Махмуд попробовал осторожно усесться на корточки — так, чтобы не задеть шипы. Удалось. Ужасно донимала жара. Теперь-то он понял, почему израильские называли эту пытку «турецкой баней». Раскаленный лучами солнца металл так и пышет жаром. Мучительно хочется пить.

Поистине неисчерпаемы запасы жизненных сил человека! Скажи Махмуду раньше, что ему предстоит такое испытание, он ответил бы, что это выше человеческих возможностей. А теперь — держался. Мучимый жаждой, одурманенный жарой, не в состоянии ни сесть, ни лечь... Держался...

Марьям была в отчаянье. Прошло уже больше месяца с тех пор, как она отправила Махмуду письмо, а ответа все не было. Теперь она бегала в Тир, в приемную Красного Креста, почти каждый день. Но всякий раз ей отвечали: «Ничего нет».

Сердце Марьям разрывалось. Родители в своих письмах все настойчивее звали к себе, в Бадауи. Там были дети. Марьям не видела их с 6 июня, а сейчас уже октябрь на дворе. Но разве можно покинуть Рашидию, не получив вестей от Махмуда?

Как-то раз в приемной Красного Креста ее попросили задержаться.

— Для вас есть важное сообщение, — сказала мадам Хури и вышла из комнаты.

Марьям вся подобралась. Какие могут быть важные сообщения из Ансара?

Мадам Хури протянула листочек с эмблемой Красного Креста. Марьям уставилась в него, еще не видя, что там написано, но уже понимая, что это — не от Махмуда. Наконец, совладав с волнением, стала читать. «Как сообщило израильское военное командование, ваш брат, Махмуд Абу Кифак, 22 лет, интернированный в лагере Ансар, № 0620, скончался 29 сентября 1982 года от сердечного приступа и похоронен на лагерьном кладбище».

Марьям с недоумением посмотрела на мадам Хури.

— Но брат никогда не жаловался на сердце, — сказала она, еще до конца не понимая, что случилось непоправимое.

И вдруг Марьям как током ударило.

— Они убили его! — в иступлении закричала она.

Марьям даже не пыталась смахнуть градом катившиеся по лицу слезы.

Мадам Хури протянула бумажную салфетку:

— Пожалуйста, успокойтесь! В Ливане сейчас кругом одно горе!

Всю дорогу до Рашидии Марьям крепилась, но, увидев лагерь, вновь не выдержала и разрыдалась.

Наутро она сложила в узелок кое-какие вещи, простилась с Салахом и его семьей. По дороге к шоссе не удержалась, зашла в свой дом. Все там было на месте, но пахло пылью и запустением. Марьям горько вздохнула. Опять изгнание!

Старенький «мерседес» притормозил возле Марьям.

— Далеко? — спросил немолодой водитель.

— На север.

— До Сайды довезу, а там как-нибудь доберешься.

— Ладно, — устало махнула рукой Марьям и опустила на заднее сиденье.

Водитель тронул с места и, аккуратно объезжая воронки и выбоины, повез ее прочь от Рашидии.

7

Очнулся Махмуд в палатке. Вокруг никого. Он попытался приподняться. Все тело ломило. На шею, поверх одежды, висел ненавистный жетон с лагерным номером. Махмуд схватил его и уже хотел было заправить за воротник, но вдруг заметил: номер чужой — 5321. «Что за бред!» — подумал Махмуд. Он проковылял к выходу и выглянул наружу. Расположение соседних палаток на площадке было иным, чем прежде.

Махмуд побрел в угол и прилег. Палатка стала наполняться людьми. Последним вошел невысокий худощавый мужчина с проседью в волосах. Он опирался на палку.

— Абу Самир! Ты? — в радостном изумлении воскликнул Махмуд.

— Ну вот ты и пришел в себя! — дружелюбно ответил мужчина. — Как самочувствие?

— Да ничего. Вот уж не думал, что и ты здесь!

— К сожалению, — ответил Абу Самир. — И не я один. Тут немало наших, из Рашидии. Раскиданы по разным блокам.

— Как я попал в твою палатку? Да еще с чужим номером?

— Э, брат, считай, что сегодня ночью ты родился заново, — улыбнулся Абу Самир. — Когда позавчера вечером большую группу заключенных увели в барак для пыток, я заметил в толпе тебя. Ну, думаю, конец, больше не увижу парня в живых. Тем более кто-то разузнал, что тебя загнали в «турецкую баню». Но... Был у нас в палатке ливанец Саид Абдалла. Твоего возраста и комплекции, такой же чернявый. Во время восстания он был тяжело ранен, а вчера вечером скончался. И вот какой-то неизвестный нам израильский солдат оттащил ночью тело бедняги к бараку для пыток и положил в «баньку», а тебя приволок к нам в палатку. Почему он захотел спасти

именно тебя, понятия не имею. Впрочем, что тут рассуждать — слава аллаху, хоть какой-то выход нашелся и ты жив. Запомни: теперь ты Саид Абдалла, № 5321. Кстати, знаешь, чем кончилось восстание?

— Нет! Откуда?

— Израильцы согласились удовлетворить часть наших требований. Во-первых, разрешили днем свободно передвигаться по блоку. Во-вторых, в лагере теперь будет постоянный представитель Международного Красного Креста...

— Завтракать! — донеслось снаружи.

Узники, достав миски и ложки, потянулись к выходу.

— Оставайся, — сказал Абу Самир. — Ребята принесут тебе еду. Береги силы.

Вскоре в палатку вернулся один из заключенных — судя по всему, ливанец.

— Держи свою порцию!

Махмуд набросился на похлебку из фасоли, в мгновение ока проглотил ломоть хлеба. Еще бы! Ведь он не ел с позавчерашнего дня.

Вошел, прихрамывая, Абу Самир. Опираясь на палку, сел на тюфяк рядом с Махмудом.

— Знаешь, а ведь это я подал сигнал к восстанию, — вдруг признался Махмуд. — Ты?

— Ну да. Правда, идея не моя, а моего товарища, Фаделя.

— Слышишь, Юсеф? — обратился Абу Самир к парню, который принес Махмуду завтрак. — Вот тебе и Рашидия! Знай наших!

Махмуд подробно рассказал, как было дело. Про мерзавца Ауфира, про бунт старика, про камешек, на котором Фадей нацарапал призыв к восстанию.

— Молодцы! — похвалил Абу Самир. — Теперь я вижу, что и ты парень не промах! Честно говоря, когда ты пропал и мы остались без гранат, я не раз корил себя, что доверил такое дело неострелянному мальчишке.

Махмуд смутился.

— Откуда мне было знать, что на ипподроме была засада? Там ведь всегда был наш дозор.

— Война, брат, дело не шуточное...

Махмуд молчал.

— Ладно, — сказал Абу Самир. — Это тебе урок на будущее. Давай лучше о деле. В нашем блоке председателем комитета сопротивления избрали меня. Теперь задача — связаться со всеми остальными блоками. Так что с камешком вы это ловко придумали!

Махмуд воспрянул духом: услышать похвалу от Абу Самира — большая честь.

После обеда в палатку заглянули два охранника. Одного из них Махмуд узнал сразу: это был тот самый солдат, который напоил его водой после избияния.

— Эй, Саид, жив еще? — довольно грубо бросил солдат.

Махмуд непонимающе посмотрел на него.

— Я тебя, Саид, спрашиваю, — повторил охранник, глядя в упор на Махмуда.

Палестинец наконец понял, в чем

дело. Это же, очевидно, тот самый человек, который спас его от смерти в «турецкой бане».

— Вроде жив, — ответил Махмуд, стараясь произнести эту фразу на ливанский манер.

— То-то же! — сказал солдат и, как показалось Махмуду, улыбнулся уголками губ.

Тут второй охранник вышел, и Махмуд остался один на один с израильским солдатом.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Неважно. Мое имя пусть останется при мне.

— Ты один раз облегчил мне страдания и один раз спас от верной смерти. Почему?

— Ты спрашиваешь — почему? Не по доброй воле надел я эту форму. Было только два пути — или тюрьма за отказ от военной службы, или Ливан. Я выбрал последнее. А увидел, что здесь творится — кровь, насилие, избияние невинных... — солдат махнул рукой. — На всех сострадания не хватит, но хоть кого-то можно ведь избавить от страшной доли?

Солдата окликнули снаружи, он ушел, а Махмуд долго еще обдумывал услышанное.

Прошло еще несколько минут, и все обитатели палатки были в сборе. Кое-кто лег спать, другие тихо переговаривались. Махмуд подсел к Абу Самиру.

— Давай подумаем вот о чем, — сказал Абу Самир. — Как бы поскорее вырваться и продолжить борьбу.

— А если напасть на палатку охранников и захватить оружие? Несколько человек прикроют, а остальные выломают ворота, — предложил Махмуд.

— Нет, это не годится. Я уже думал об этом. На вышках — пулеметы, в бараках — солдаты. Силой нам их не взять. Но можно взять хитростью. Пошли, покажу кое-что.

Абу Самир поднялся и направился к противоположному углу палатки, где было место Юсефа.

— Слезь-ка, — попросил он ливанца.

Юсеф поднялся. Абу Самир откинул тюфяк. Под ним три дощечки прикрывали узкий лаз.

— Вот, — сказал Абу Самир. — Это наша главная надежда. — Он положил тюфяк на прежнее место.

— И вы думаете таким способом бежать отсюда? — удивленно спросил Махмуд.

— Конечно! Мы все рассчитали. От палатки до ограды — восемь шагов. Еще шагов пять между рядами колючей проволоки. Добавь десять, ну от силы двенадцать шагов — и выход с другой стороны окажется во рву, за земляным валом.

— Сколько же надо времени, чтобы выкопать этот подземный ход?

— Думаю, к концу октября управимся. Почва тут в общем податливая, только камней много.

— Так ведь инструмент нужен!

— Ничего, обходимся. Приспособили колышки от палатки. Проблема в дру-

гом — куда девать грунт. Работаем по очереди, по четверти часа каждый. За ночь можно продвигаться чуть не на целый метр. Но с грунтом возни много. Приходится рассыпать сначала по палатке, а потом, днем, таскать потихоньку в карманах в туалет. Хорошо, хоть людей много...

— Я тоже хочу копать, прямо сегодня, — решительно заявил Махмуд. — Отлежался уже, довольно.

— Нет, — возразил Абу Самир. — Не спеши. На твою долю хватит.

После ужина Абу Самир и Юсеф вернулись радостные.

— Вот это здорово! — сказал Махмуду диванец. — Только что получил назад свой камешек. Во всех блоках созданы комитеты сопротивления. Так как инициатива исходила от нас, соседи предложили, чтобы именно наш блок возглавил лагерный комитет. Остальные согласились. Так что можешь поздравить Абу Самира!

Махмуд крепко пожал Абу Самиру руку.

8

Обитатели палатки Абу Самира были встревожены: охранники стали наведываться к ним каждый день, а солдата, спасшего Махмуду жизнь, давно уже никто не видел.

— Видимо, начальство что-то почуяло, — заявил помрачневший Абу Самир. — Не приведи аллах — начнут обыскивать палатки. Тогда плакала наша затея.

— Что же делать? — спросил Махмуд.

— Не знаю. Надо подумать.

— А что, если бежать сегодня же? — предложил Юсеф.

— Авантюра! — замолтал головой Абу Самир. — Подземный ход едва вышел за проволоку, да и то, если мы правильно рассчитали. Тут же сцапают. Или того

хуже: откроют с вышки пальбу. Перестреляют всех — и дело с концом.

— Но ведь ты сам говорил, что могут начаться обыски! — возразил Юсеф. — Нет, медлить нельзя! Если мы навалимся сегодня ночью на работу изо всех сил, — не унимался Юсеф, — то сможем продвинуться метра на два. А если еще и грунт не прятать, а просто сваливать в кучу, то и на все три метра. Тогда выход будет у самого вала. Уже какой-то шанс...

— Не забывай, что нас хватятся на рассвете, во время проверки. Так что в нашем распоряжении будет час, не больше. За это время далеко не уйдешь, да еще после бессонной ночи и тяжелой работы. Нет, это не годится, — решительно заявил Абу Самир.

— Что же ты предлагаешь?

— Надо максимально ускорить работу и обязательно довести ее до конца. Это единственный шанс. Предлагаю копать и днем. Значит, сможем каждый день продвигаться вперед втрое быстрее обычного. Абу Лейла, сколько еще нам предстоит выкопать?

— Метров восемь, — ответил инженер — главный «маркшейдер» туннеля.

— За три дня непрерывной работы осилим?

— Должны.

— Тогда побег назначаем на субботу в полночь. И еще: хорошо бы как-то дать сигнал на волю, чтобы нам помогли спрятаться. А то голубые пижамы видно за версту.

— Правильно! — согласился Юсеф. — Ты у нас, Махмуд, специалист по сигналам. — Он улыбнулся, слегка хлопнул палестинца по плечу. — Подумай, как это сделать. А у меня есть еще одна идея. Надо будет отвлечь внимание охраны на вышках. Я берусь договориться с ребятами из соседнего блока, чтобы в момент побега они устроили шум. Народ там сообразительный, придумает что-нибудь.

Махмуд вышел из палатки. Легко сказать — установить связь!

Он присел на камень у палатки. На склоне холма в соседней деревне Ансар мальчишки гоняли мяч. «Счастливые», — подумал он. Время от времени из домов выходили женщины — кто с кастрюлей, кто с корзиной белья. У ворот лагеря заурчали моторы, и на территорию въехали грузовик с погрузчиком. Обычная для этого времени процедура: очистка лагерной свалки. Махмуд рассеянно наблюдал, как погрузчик загребал широким ковшом мусор и сыпал в кузов грузовика. Среди всякого хлама мелькнуло сложное в тюк старое прохудившееся одеяло. Махмуд силялся придумать, как же все-таки установить связь с волей. И не просто с волей, а с надежными людьми, которые помогли бы большой группе беглецов скрыться.

— Эй, Махмуд, — высунулся из палатки Юсеф, — твоя очередь копать.

Махмуд нырнул в палатку, разделся до пояса. Аккуратно, чтобы не осыпались края, спустился в яму и пополз.

Туннель был извилистым: обходили крупные камни. В темноте Махмуд несколько раз наткнулся на них, пока не уперся в неровную стенку. Нащупал колышек и что есть силы загнал его в землю. Слежавшаяся почва ссыпалась к его коленям. Когда набралось достаточно много, он наполнил пластиковый пакет, к которому была привязана веревка, и легонько дернул. Пакет пополз по туннелю.

В подземелье было нечем дышать. Махмуд жадно хватал ртом воздух. Вот наконец и второй пакет полон. Силы покидали юношу. Перед глазами завертелись желтые круги. Махмуд механически загонял колышек в землю. Вперед, только вперед!.

Из ямы помогли выбраться товарищи. Махмуд рухнул на тюфяк и закрыл глаза. А когда открыл их, в палатку уже пробивался утренний свет.

После завтрака Махмуд опять присел возле палатки. Посмотрел в сторону деревни. Вчерашних мальчишек видно не было. «Ну, конечно, — подумал он, — ведь с утра они в школе. Что-то еще я видел вчера... Ах да, тюк из одеяла на свалке. Тюк... А что, если...»

Махмуд пулей влетел в палатку.

— Абу Самир, есть идея! Можно переправить на волю надежного человека, чтобы он установил связь с партизанами.

— Переправить на волю? — голос Абу Самира был полон сомнения. — Каким образом?

— Надо завернуть его в одеяло и положить на свалку. Одеяло сверху немного порвать, прожечь, чтобы выглядело как негодное. Мусор, ты знаешь, вывозится из лагеря. Я вчера видел все в деталях. Никакой охраны. Занимаются этим ливанцы. Разгружают машину на свалке в Набати. Ну как?

— Так в одеяле же задохнешься!

— Ну, это уже дело техники. Можно упаковать человека так, чтобы оставить щелочку для дыхания.

— А если ковшем ребра переломают?

— Не переломают! Возьмем второе одеяло. И вообще, ради такого дела можно рискнуть.

Обитатели палатки, улышав разговор Махмуда с Абу Самиром, стали подсаживаться поближе. Не было лишь двоих — того, кто работал в туннеле, и того, кто вытягивал оттуда пакеты с землей.

— Слышали? — Абу Самир обвел всех взглядом.

— Слышали.

— Ну и как?

— Конечно, риск есть, — ответил за всех Абу Лейла. — Но думаю, шансы на успех неплохие. Я поручил бы это Юсефу. У него много надежных друзей-ливанцев, которые наверняка выведут на нужных людей.

— Как, Юсеф? — спросил Абу Самир.

— Ну, если надо для общего дела...

— Надо!

— Тогда я согласен.

Паковали Юсефа не торопясь, тщательно. Завернули в два одеяла, притом так, чтобы руки были на груди. Оставили его в одном белье, а пижаму разорвали на полосы и скрутили из нее веревки. Накрепко замотали ими тюк, чтобы случайно не развернулся. Кокон получился увесистый, но догадаться по внешнему виду, что там внутри, было трудно. Двое узников осторожно подняли его и понесли на свалку.

Грузовик и погрузчик прибыли как обычно. Наблюдать хотелось всем, но, чтобы не вызывать подозрений, Абу Самир разрешил выйти из палатки лишь Махмуду и Абу Лейле. Ковш погрузчика подцепил тюк и перенес его в кузов. Машина тронулась и без помех выехала за ворота лагеря.

— Ну, Юсеф, да поможет тебе аллах! — тихонько сказал Махмуд.

Последние часы перед побегом... Туннель уже вышел на поверхность. Абу Лейла аккуратно расширил дырку — ровно настолько, чтобы можно было вылезти. Волнующую весть молниеносно передали по цепочке в палатку. Абу Лейла тем временем осторожно высунул голову наружу. Сначала он ничего не увидел: кругом стояла темнота. А потом чуть не закричал от радости: выход из туннеля был с внешней стороны вала прямо над рвом. Вот это здорово! Значит, он все рассчитал правильно.

— Давай в палатку, — толкнули Абу Лейлу сзади. — Абу Самир просит всех собраться.

— Давайте поклонемся, — сказал Абу Самир, — что, когда выйдем — где бы ни оказались, — будем продолжать борьбу. Революция до победы!

— Революция до победы! — отозвался тихий хор голосов.

Фото В. БЕЛЯКОВА

Узники стали спускаться в туннель. И в эту минуту в соседнем блоке слышались голоса — сначала разрозненные, неясные, а затем все более отчетливые, сливающиеся в громкое пение. «Куллиона — ли-ль-ватан»¹, — пели узники, и ночное эхо разносило слова национального гимна Ливана по Долине ада. Как бы в ответ на это пение неподалеку от лагеря раздались автоматные очереди, громыхнули взрывы гранат. «Молодец, Юсеф!» — подумал Махмуд.

— Пора! — пронеслось по цепочке в туннеле. Узники скатывались в ров и исчезали в ночи.

9

До Бадауи Марьям добиралась два дня. Сначала ее довезли до Сайды, потом на другой машине — до Бейрута. Там и заночевала у знакомых. К полудню следующего дня доехала до Шторы, а отсюда — в Триполи. Последние несколько километров шла пешком. В лагерь вошла вечером — усталая, голодная. По дороге все думала: как сообщить родителям горестную весть? Может, не сразу, чтобы не омрачить радость встречи?

У дома Умм Сулейман царил необычное оживление. Люди сидели и стояли вокруг юноши, который что-то громко рассказывал. Лица его не было видно, но голос показался Марьям знакомым. «О аллах, — подумала она, — прямо как у Махмуда!» И вдруг обмерла: юноша вскочил и, расталкивая толпу, бросился к ней.

— Марьям, сестричка моя дорогая, вот мы и снова вместе! — Махмуд крепко сжал в объятиях ошеломленную сестру, закружив ее. — Как ты похудела! Бедняжка!

И тут Марьям не выдержала. Она плакала, не стесняясь незнакомых людей.

— Что же ты реवेशь? — сказал подошедший отец. — Радоваться надо! Наш Махмуд — молодец! Шутка ли — сбежать из Ансара!

Марьям, не переставая плакать, протянула отцу листок, полученный в бюро Красного Креста в Тире. Тот подошел к окну, из которого пробивался неяркий свет, долго шевелил губами.

— Гляди-ка, Махмуд, тут написано, что ты умер от сердечного приступа.

— Значит, все-таки послали письмо. Как видишь, отец, это не так. Потом когда-нибудь я все объясню. А сейчас давайте спать. Мне завтра вставать чуть свет.

— Зачем? — спросила Марьям.

— Я уезжаю.

— Далеко?

— Не очень. На юг.

— Опять к израильтянам хочешь попасть?

— Нет, я теперь устный! Хочу побывать на лагерном кладбище, возложить венок на собственную могилу. — Махмуд засмеялся. — А заодно повещу друзей-ливанцев, с которыми вместе бежали из Ансара. Нам с ними есть о чем поговорить.

¹ «Все мы — дети родины» (арабск.)

ОТЧАЯННО ВКУСНЫЙ ИГЛОБРЮХ

Я никогда не ел суп из фугу. Суп из акульих плавников доводилось есть. Он действительно вкусен. Вьетнамский суп «фо» очень вкусен тоже. Пробовал суп из хвостов кенгуру, черепаховый суп, даже томатный суп с бананами (этот, вообще говоря, на любителя). А вот суп из фугу не ел никогда. И знаю наверняка: даже если мне его когда-нибудь предложат, твердо откажусь.

Для того чтобы есть фугу, надо быть, во-первых, отважным человеком. Во-вторых, хладнокровным человеком. В-третьих, надо быть убежденным гурманом. Наконец, надо быть хоть немножко японцем. Потому что фугу едят только в Японии.

А за пределами Страны восходящего солнца фугу, наоборот, не едят. И даже выкидывают из сетей.

Дело в том, что фугу, строго говоря, ядовитая рыба. И даже очень. Ее внутренности содержат вещество, которое в 25 раз превосходит по силе действия известный всем кураре и в 275 раз токсичнее цианидов. Если хоть малейшая доза яда попадет в организм человека — последует сильное отравление, скорее всего с летальным исходом. Шестьдесят процентов всех случаев отравления мясом фугу в Японии заканчиваются смертью.

Больше всего яда скапливается в печени рыбы, а методика обезвреживания ее весьма ненадежна. Между тем именно печень фугу считается наивысшим деликатесом. Японским рестораторам строго-настрого запрещено подавать эту печень на стол, но, бывает, шеф-повар уступит просьбе клиента, и тогда... Нет, необязательно драма. Клиент вполне может встать из-за стола бодрый и веселый. Тысячи, миллионы японцев едят фугу, приготовленных руками опытных поваров, потребляя около полутора тысяч тонн этой рыбы в год. Но случается и такое: при полной ясности мысли вдруг немеют руки и ноги. Человек теряет координацию движений. Голова работает четко, но язык не слушается: человек не может говорить, не может даже порой внятно сообщить о беде окружающим. Потом — паралич двигательного аппарата. И — как трагический финал — остановка дыхания.

Мы не будем здесь разбирать вопрос: почему японцы столь почитают

В Японии немало мастерских, где делают воздушных змеев в образе фугу.

Иглобрюха голыми руками не возьмешь: даже в ненадутом виде он колется.

фугу и отваживаются вкушать ее столь коварное мясо? Это дело психологов. Нам более интересна сама рыба и все, что с ней связано.

Трудно установить, когда именно на Японских островах стали употреблять в пищу ядовитую фугу. Но зато документально зафиксирован случай знакомства с ней европейцев.

Это произошло во время второго кругосветного плавания знаменитого Джеймса Кука. В 1774 году судно «Резольюшен» бросило якорь около только что открытого острова, которому Кук дал название Новая Каледония. Клерк, заботившийся о провианте, выменял у туземцев странную рыбу, которую никто из европейцев до сих пор не видел. Находившиеся на борту «Резольюшен» натуралисты Дж. Рейнхольд Форстер и его сын Джордж зарисовали рыбу, потом повар унес ее разделывать в камбуз.

«К счастью для нас,— записал впоследствии в дневнике капитан Кук,— процедура рисования и описывания рыбы отняла столько времени..., что на стол подали лишь печень и икру, к коим оба господина Форстера и я лично едва притронулись. Около трех или четырех часов пополудни нас охватила необыкновенная слабость во всех членах, сопровождавшаяся онемением и ощущением, подобным тому, как если бы руку или ногу, ужаленную морозом, вдруг подставили к открытому огню. Я почти полностью потерял ощущение чувств, так же не мог я отличить легкое тело от тяжелого, горшок с квартой воды и перо были равны в моей руке. Каждый из нас предался рвоте, и после этого выступил обильный пот, который принес великое облегчение.

На подводном снимке не фугу, а ее близкий родственник из семейства двузубых — еж-рыба.

Поутру одну из свиней, которая пожрала внутренности рыбы, нашли мертвой...»

Что же это за рыба такая, которая несет смерть и которую тем не менее на Японских островах с наслаждением поедают?

Фугу — японское название иглобрюхов. Это семейство рыб из отряда сросточелюстных имеет много названий. Иглобрюхие, четырехзубые, скалозубые, рыбы-собаки... Родственные семейства из того же отряда именуются так: кузовки, двузубые (они же — ежи-рыбы)... Иглобрюх, который водится у Гавайских островов, известен под названием «рыба-смерть». Его желчь употреблялась для смазывания наконечников стрел: яд нес врагу верную гибель.

У иглобрюхов сросшиеся челюстные кости образуют четыре пластинки (отсюда и одно из названий), а весь зубной аппарат напоминает клюв попугая. Кожа рыбы снабжена шипами.

Иглобрюхи — одно из наиболее загадочных морских созданий. Возможно, это самые ядовитые рыбы в Мировом океане. Наиболее отличительный признак их — способность раздувать свое тело, превращая его в шар, ошестиненный колючками. Будучи испуган или возбужден, иглобрюх вбирает воду (или воздух — ему все едино) в мешки, расположенные в брюшной полости, — объем рыбы при этом увеличивается раза в три, — и остается «надутым», пока причина стресса не ис-

чезнет. Содержимое мешков четырехзуб держит очень крепко и не сдается, даже если его вытащат на сушу. Взрослый мужчина может встать на раздувшуюся рыбу — иглобрюх и не подумает выпустить воду.

Кстати, прочность кожи иглобрюха подметили еще древние египтяне: выпотрошив рыбу и набив ее водорослями, они использовали получившийся «мяч» при игре в шары. По этой ли причине или по какой другой, но четырехзубы были увековечены египтянами. Изображения рыб-собак встречаются на гробницах V династии — а это очень глубокая история: двадцать седьмой век до нашей эры.

Наиболее крупные экземпляры иглобрюхов достигают метра в длину, весят до четырнадцати килограммов. О жизни этих рыб под водой известно не очень много. Предположительно, они — хищники и клюв свой используют как боевое оружие: разрывают на части крабов, вскрывают двусторчатых моллюсков, взламывают кораллы, нападают на морских ежей и морских звезд. Используя брюшные мешки как водоструйный аппарат, они ведут на дне «вскрышные работы», ища добычу под слоем песка. Известны случаи, когда иглобрюхи перекусывали проволоку и проржавевшие рыболовные крючки. Наконец, зафиксирован и такой факт: в одном из ресторанов Токио фугу, попавшая на стол для разделки, не смирилась с печальной участью и отчекорила шеф-повару палец.

У иглобрюхов очень подвижные, радужные глаза, отливающие зеленым и голубым. Некоторым видам свойственна фотохромия: хрусталики их глаз меняют прозрачность в зависимости от интенсивности освещения.

Особенности четырехзубов можно перечислять долго. Например, такая деталь: под глазами у них расположены крохотные щупальца с... ноздрями. Это действительно органы обоняния. Рыбы-собаки (вот, пожалуй, единственный мотив, оправдывающий это название) способны различать в воде запахи примерно так же, как собаки-ищейки различают их в воздухе.

Наконец, еще один момент, который нельзя упустить при описании наших героев, — их способ плавания. Они не плывут, а шествуют в воде. Вот почему при описании их повадок был использован такой оборот — «предположительно — хищники». Не очень понятно, как при такой неповоротливости четырехзубы могут нападать на быстро передвигающуюся добычу — например, на крабов.

По сравнению с большинством рыб в теле четырехзуба очень мало костей. Скажем, ребра и брюшные кости отсутствуют вовсе — их роль выполняют мощные брюшные мускулы. В вялых плавниках нет лучевых костей. Четырехзубы томно дрейфуют в толще океанских вод, волнообразно шевеля спинным и задним плавниками. Два грудных плавника слегка трепещут,

удерживая рыбу «на курсе». А хвост, который у подавляющего большинства морских обитателей служит главным движителем, выполняет у иглобрюхов всего лишь функцию руля...

Почитание фугу в Японии за века развилось в подлинный культ. В одном из парков Токио стоит памятник этой рыбе. Близ Осаки существует известный храм, где лежит надгробный камень, специально высеченный в честь фугу. Из иглобрюхов делают светильники и подсвечники, есть множество мастерских, которые специализируются на изготовлении воздушных змеев, изображающих — конечно, стилизованно — фугу.

Но главная встреча человека с фугу происходит в ресторане. Здесь гурман буквально веряет свою судьбу в руки повара. Все повара, желающие готовить фугу, должны иметь специальную лицензию, а ее не получить без длительной — до двух лет — стажировки в качестве ученика и строгих письменных и практических экзаменов. Испытание практикой выглядит так. Кандидату дается двадцать минут, в течение которых он должен разделить фугу и приготовить из нее сасими (так называется блюдо из сырой рыбы, которое подается с острым соусом из сои, хрена и прочих специй). Если кандидат допустит хоть одну ошибку — не выдать ему лицензии до следующего экзамена, срок которого подойдет только через два года.

И тем не менее повара, бывает, допускают оплошность. И тогда дело принимает драматический оборот. По данным статистики, за последние десять лет в Японии более двухсот человек умерли, отравившись фугу. Правда, отмечают защитники национального деликатеса, в большинстве эти люди погибли дома — они сами пытались приготовить фугу, но не справились с задачей.

Сложное искусство приготовления фугу предписывает повару произвести тридцать операций, и даже у самых опытных кулинаров на это уходит не меньше двадцати минут. Особой популярностью у гурманов пользуется не суп из фугу, а сырое мясо иглобрюха — сасими.

Быстрыми ударами «хочо» — острого и тонкого ножа — повар отделяет плавники, отсекает ротовой аппарат и вскрывает брюхо фугу. Затем он осторожно изымает ядовитые части — печень, яичники, почки, глаза, снимает кожу — она не менее ядовита, — и принимается нарезать филе тончайшими кусками. Далее все мясо надо тщательно промыть проточной водой, чтобы удалить малейшие следы крови и яда. И наконец, наступает завершающая стадия. Мелко-мелко нарезав мясо — пластинки должны быть не толще бумаги, — повар располагает полупрозрачные, матовые, «алмазные» кусочки филе на блюде, создавая картину. Картину в буквальном смысле сло-

ва. Это может быть пейзаж, или изображение бабочки, или образ летящего журавля с распластанными крыльями и вытянутой шеей. (Журавль в Японии, между прочим, символ долголетия.)

Все... Теперь, если есть желающие, можно отведать сасими. Вот как смелчак неяпонец описывает впечатление от обеда, за которым он отважился вкушать несравненное мясо фугу.

«Я полагаю, что совершу преступление, разрушив «картину» в моей тарелке. Но, подбадриваемый владельцем ресторана, я ухватил палочками одно из алмазных перышек журавля и окунул его в приправу, смешанную из соевого соуса, редьки и красного перца. Странно — я не ощущал опасности, но с каждым глотком во мне нарастало возбуждение. У мяса совсем не ощущается волокнистая структура, оно более всего похоже по консистенции на желатин. Очень легкий вкус. Скорее цыпленок, чем рыба, лишь отдаленный намек указывает на то, что это продукт моря. Кто-то в высшей степени тонко подметил, что вкус фугу напоминает японскую живопись: нечто утонченное и ускользающее. И к тому же очень гладкое, как японский шелк...»

Яд, который содержится в различных органах фугу, называется тетродотоксин. В сухом виде это белый порошок. Из одного иглобрюха средних размеров его получают совсем немного — всего несколько десятков миллиграммов. И тем не менее этого количества достаточно, чтобы убить тридцать человек. Кстати, почему тетродотоксин не действует на самого иглобрюха — тоже загадка для ученых. В растворенной форме это вещество служит обезболивающим препаратом и применяется как анальгетик при невралгиях, артритах и ревматизме.

Разумеется, пользоваться этим средством нужно с большой осторожностью. Смертельная доза для человека — один миллиграмм. Антidot против тетродотоксина неизвестен...

И все-таки, несмотря на угрозу жизни, японские гурманы поедают иглобрюхов в таких количествах, что в последнее время со всей остротой встала проблема истощения популяций фугу. Причем это в равной степени относится ко всем видам рыб-собак, идущим в пищу, — опасность нависла и над тигровыми фугу (самыми почитаемыми), и над макрелевыми... Все больше и больше иглобрюхов разводятся в искусственных условиях, достижения марикультуры проникли и в эту область. И все зачем? Чтобы подвергнуть риску новых гурманов?

Нет, лучше оставить эти вопросы без ответа. Не будем погружаться в глубины национальной психологии. Противоречивость культа фугу давно зафиксирована в японском фольклоре.

Сколько веков японцы с риском для жизни едят фугу — столько же веков бытует поговорка: «Те, кто ест суп из фугу, — глупые люди. Но и те, кто не ест суп из фугу, — тоже глупые люди».

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

День клонился к вечеру. Сидя за рулем машины, Ундина Раух спрашивала себя, как ей быть дальше. Это ее последний рабочий день. Совершенно неожиданно шеф объявил, что заказов больше нет и перед Новым годом фирма работу свою прекращает. Его слова ошеломили всех, ее же просто потрясли. Как это легко — снять табличку с двери кабинета и вычеркнуть название фирмы из торгового регистра. Рекламная студия «Мозайка», где она проработала двенадцать лет, приказала долго жить. С отцовской щедростью — поскольку Ундина ему нравилась — шеф заплатил ей содержание по март. Хватит, дескать, времени подыскать себе что-нибудь другое. Но дела в кинопромышленности шли на спад, и уверенности в завтрашнем дне Ундина не ощущала. И вообще, реклама ей бог знает как надоела.

Ундина включила приемник, искала музыку. В Вольфратсгаузене уже зажглись уличные фонари, и не успела она еще добраться по федеральному шоссе № 11 до Форстенридерского парка, как началась метель. Свет фар встречных машин, словно заштрихованный падающим снегом, ломался на забрызганном грязью ветровом стекле. Ундина вдруг подумала: «Лутц Бернсдорф!» И решила отправиться к нему, тем более что ей все равно проезжать мимо Терезиенвизе, где он живет. А вдруг у Лутца найдется работа для нее, что-нибудь в художественном кино. Попасть туда было ее давнейшей мечтой.

Внезапно слева от лесной опушки, между шоссе и железнодорожной насыпью, она увидела лежавшую колеса.

Журнальный вариант.

ми вверх плоскую спортивную машину. Ундине показалось, будто рядом с машиной она заметила чьи-то следы. Но впечатление это было столь же смутным, как и желание помочь. Тем не менее ногу с педали газа сняла, ход машины замедлила.

Там, где шоссе плавно сворачивало, стоял мужчина и махал руками. Ундина потянулась к ручке тормоза, хотя подбирать людей на дороге противоречило ее привычкам. Тем более одиноких мужчин. Но раз уж она едет так медленно... Да, но почему все-таки она остановилась? Уж не потому ли, что увидела какую-то связь между разбитой машиной и этим человеком, хотя скорее всего никакой такой связи не было? Катастрофа произошла, надо думать, сравнительно давно.

Мужчина сел в машину. Без лишних слов, без улыбки. «На вид ему около тридцати, — подумала Ундина. — Вид неухоженный, и чем-то он обеспокоен. Как забавно заиндевели кончики его курчавой бороды!»

— На автобус опоздали? — спросила она.

— Да. То есть нет, на поезд.

Она достала сигарету из перчаточного ящика, и он сразу же шелкнул дорогой зажигалкой, которая как-то не вязалась с его внешностью. Кисть у него тонкая, изящная, а рукав пиджака в грязи. Упал, наверное...

— Вы до центра едете?

— Почти. До выставки. Вам куда нужно?

— К Центральному вокзалу.

Ундина выключила радио, но тишина подействовала на нее угнетающе. Молчаливый попутчик тоже начал ее нервировать. Около Пуллаха пришлось остановиться перед шлагбаумом; через несколько долгих минут появился пригородный поезд. На него он вроде бы мог

и успеть... Молчание становилось тягостным. Наконец оно ей надоело:

— Вы работаете здесь, за городом?

— Нет... Я пока учусь.

— И что же вы изучаете?

— Социологию. Вы возвращаетесь с работы?

— Заметно?

Он пожал плечами. Огни хвостового вагона исчезли в лесу, шлагбаум поднялся.

— И чем же вы занимаетесь?

— Рекламой. Маленькие рекламные ролики для телевидения.

— Натурные съемки? В такую погоду?

— В Альпах она подходящая. Однажды ради рекламы туалетной воды пришлось лететь в Ирландию. Сегодня оказалось достаточно Вендельштейна.

На его лице не появилось обычной в подобных обстоятельствах понимающей улыбки. Рекламу все считали делом увлекательным, серьезным и доходным: кто ею занимается, тот в чести. Профессия уважаемая. Он сказал лишь:

— Я тоже снимаю.

— Развлекаетесь?

— Более или менее. Но я не любитель, снимать меня учили. Был оператором в бундесвере, делал, знаете ли, учебные фильмы...

Справа появились неясные очертания домов, и он попросил остановиться у первой телефонной кабины. Ундина видела, как он открыл дверь кабины, снял трубку, бросил монету, набрал номер — и все одной рукой. Милый молодой человек, но что-то с ним стряслось...

Когда Хассо фон Кремп снова сел в машину, он чувствовал себя лучше, потому что хоть что-то да сделал. И что из того? Что изменилось, если разобраться? Бенно мертв, машина разбита вдребезги, сам он черт знает в какую исто-

рию влип — спасается бегством. В катастрофе он неповинен. Он лежал на опущенном сиденье рядом с местом водителя, когда Бенно на полном ходу влетел в кювет. Но когда дорожные полицейские вытаскивают Бенно из-под обломков и устанавливают личность погибшего, то поймут, что перед ними труп человека, чей розыск объявлен политической полицией. Кремп не сумел заставить себя вытаскивать из карманов Бенно фальшивый паспорт и пистолет. Прошло не меньше пяти минут, пока он понял, что Бенно мертв, а он — жив и невредим, если не считать порезов на левой руке.

— Выходит, мы с вами коллеги,— проговорила Ундина.— Ну, и что же такого снимают в бундесвере? Танковые атаки, учебные стрельбы?

— Наши короткометражки в техническом отношении не хуже ваших. Тоже смесь из «рекламы продукции и завоевания симпатий потребителя», как это называете вы.

— А сейчас вы что снимаете?

— Нечто совершенно противоположное: забастовки, захват домов, демонстрации и акции протеста... Я часто езжу туда, где что-то в этом роде назревает.

— Захват домов? Разве это вам по душе?

— Безусловно. Но больше всего по душе мне фильм на целый вечер. Документальный, но столь высокого качества, чтобы он мог завоевать широкую публику.

— «Некоммерческий и антисистемный», не так ли? — улыбнулась она.— И как же вы намерены прорваться с вашей критикой капитализма в капиталистический прокат, к «широкой публике»?

— Копии некоторых моих фильмов уже показывали молодежи. В разных местах, даже в тюрьмах. Но необходимо создать фильм, который не стыдно было бы повезти в Западный Берлин, Лейпциг, Локарно или Сорренто¹. Ленты с этих фестивалей часто покупает телевидение.

— Аппетиты у вас немалые.

— Кто согласен на малое, не достигнет ничего.

— Отчего же? Среднего уровня он достигнет и на хлеб насущный зарабатывает. Но вам, я вижу, это не по вкусу? То, к чему вы стремитесь, лучше начинать не в Германии. Начинать всегда имеет смысл с тем острого звучания. Их легче найти за границей.

— Да, это ваш рецепт: рекламу туалетной воды снимают в Ирландии, рекламу овощей и фруктов в Марокко, а ленты с критикой капиталистической системы в Индии или Чили?

Но она не так уж не права, подобные мысли приходили в голову ему самому. Он владел испанским и французским языками, долгие годы прожил в Лиме в семье своего дядюшки, который был там

¹ Города, в которых проводятся фестивали документальных и короткометражных фильмов.

послом. Эксплуатация слабых сильными — чем не тема, пусть и вечная?

Ундина свернула на улицу Герцога Генриха, притормозила, дала задний ход и вырулила на стоянку.

— Я на месте. Но, может быть, никого не застану дома. Если вы немного подождете, я вас с удовольствием довезу до вокзала.

Ундина вышла из машины и исчезла в подьезде.

Кремп погладил начавшую вспухать тыльную сторону левой руки. Странная женщина. Захват домов заставляет ее поморщиться, а разговор продолжить хочет... Ундина все не возвращалась, и Хассо фон Кремп решил пройтись немного, размять ноги.

Аптека. Булочная. Маленький книжный магазин. Он пуст, скоро закроют. Кремп вошел вовнутрь, влекомый теплом и тем запахом книг, который он так любил сызмальства. На бестселлере не обратил, как всегда, никакого внимания, подошел к стеллажам. Лишь теперь до него окончательно дошло, что он, как ни странно, жив. Пробежал глазами по корешкам изданий карманного формата, уже ни о чем, кроме покупки книг, не думая. Новых поступлений мало, все названия книг «левого» толка ему известны. Кроме двух. Удивительно, но у них уже есть брошюра о контрреволюции в Чили с анализом политических событий и документами о терроре. Рядом с ней — книжка в ядовито-зеленой обложке «Южная Америка: нищета и пытки». Он с любопытством взглянул на выходные данные — книжка вышла буквально на днях. Прочел несколько абзацев, и внезапно у него появилось чувство, что он держит в руках первый вариант сценария фильма, который с радостью снял бы сам.

Купил книжку и вышел из магазина. Увы, такой фильм ему снять не суждено. Для этого необходимо найти мцената, рискнувшего бы по самым скромным подсчетам двумястами тысячами. У кого столько лишних денег, тот миром доволен и в обновлении его не заинтересован...

Лутц Бернсдорф, блестящий режиссер и счастливый отец семейства, сорока шести лет от роду, искренне старался вникнуть в суть того, что говорила Ундина. Она никогда не была для него просто кошечкой: когда он приехал в Мюнхен восемь лет назад без имени и положения, Ундина приняла его без всяких условий, стала ему другом. Сейчас Бернсдорф ей от души сочувствовал, будучи глубоко разочарован в том, чем занимался сам.

Слов нет, еще немного, и он бесславно пойдет ко дну. Что из задуманного ему удалось осуществить? Ну, снял с дюжину боевиков, которые киношники в своем кругу называли «стреловидными»: они как бы впились в кожу зрителя. Сентиментальные детективы и изящные мелодрамы, свидетельствовывавшие о тонком вкусе режиссера. О да, продюсеры считали Бернсдорфа че-

ловеком, способным спасти сырой сценарий, вдохнуть в него жизнь, обогатить. А посему позволяли ему дорогостоящие натурные съемки, массовки и сцены погони в лондонском порту или даже в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди. Тем самым фильмы Бернсдорфа как бы претендовали на жизненное правдоподобие. Увы, оно ни разу не было достигнуто. Жизнь была иной, чем в его фильмах.

Какая между ними с Ундиной разница? Оба они верой и правдой служат одному божку, одному идолу — тому, что не дает людям думать. И разве так уж важно, что тебя отупляет: дурацкая реклама или бессмысленный фильм... Но сейчас Ундина говорила о чем-то другом, она, кажется, осталась без работы?..

— Фишер решил уйти на покой, представь себе, в пятьдесят с небольшим,— объясняла она.— Собирается слетать в Африку, на сафари. Но не через «Бюро путешествий», независимость для него превыше всего.

— С кем же он полетит?

— Он предпочел бы со мной. Спросил, согласна ли я сопроводить его. В Кению, «по следам Хемингуэя».

— А ты? Согласилась?

— Лутц! Мне нужна работа. Нет ли у тебя чего для меня? Может быть, в твоей съемочной группе?

Ему было неприятно огорчать ее, но свою съемочную группу он как раз распустил. Он сказал об этом Ундине и добавил:

— Я постараюсь разузнать что-нибудь. Было бы курам на смех, если бы мы тебя не пристроили... Не горюй, все уладится.

Ундина кивнула.

— Да, а сам я финишировал. Осталось еще кое-что по мелочам: перемонтировать, перезаписать звук, но тут они и без меня справятся. Знаешь, я сыт по горло... Хочу вырваться из этой клеточки. Попытаюсь поставить настоящий фильм... Если я на это еще способен. Знаешь, чего мне не хватает? Другого климата!

— Тебе тоже? В моей машине внизу сидит еще один такой сумасшедший. Хочет снять большой фильм, с левых позиций, и по возможности за океаном.

Бернсдорф навострил уши.

— Кто он такой?

— А-а, студент. Но оператор профессиональный, научился этому в бундесвере. А теперь, представь себе, снимает акции протеста.

— Снять политический фильм на документальном материале за океаном? — Эта идея сразу понравилась ему.— Чудесно! Только... кто даст нам деньги? Впрочем, скорее всего твой Фишер. Ему все равно, охотиться на словов или финансировать немецкое кино...

— Ты способен говорить со мной серьезно?

Ундина уставилась на него своими светлыми, несколько асимметрично расположенными глазами, из-за которых он некогда и обратил на нее внимание.

— Ты, Ундина, себя недооцениваешь, — сказал он. — Разве не с тобой он собирался лететь в Кению? Потом ты сказала, тем он любит независимость, любит командовать. Если он станет нашим продюсером, мы ему это предоставим.

— Знаешь, кто ты, Лутц? Совратитель, Мефистофель!..

— «Дорога в ад устлана долларовой купюрами». Вставай! Пойдем получать аванс на дорогу в ад!

Ундина дозвонилась до Фишера, тот согласился принять ее около десяти вечера. А потом они решили заехать к Ундине, тем более что это по дороге. Подойдя к машине, засыпанной снегом, Ундина сразу заметила, что попутчик ее дожидается. Молодой человек вышел им навстречу. Ростом он на голову выше Бернсдорфа, но не столь плечист.

— Кремп, — представился он.

— Я рада, что вы дождались меня, — сказала Ундина. — Это Лутц Бернсдорф, режиссер. У нас неожиданно родился серьезный план: снять за границей фильм. «Левый», конечно. И оператором мы видим вас. Кстати, у вас есть желание прогуляться в Африку?

— Почему в Африку?

— А что вы имеете против Африки?

— Латинская Америка мне как-то ближе.

— В чем вы видите разницу? Все страны одинаковы, как на экране телевизора.

— Если вы намерены снять фильм, который заинтересует нашего зрителя, вы должны выбрать страну, где капитализм не в зародыше, а уже достаточно развит.

Ундина почувствовала, что, если так пойдет дальше, им не договориться.

— Я бы все-таки посоветовал вам взять Гватемалу, — стоял на своем Кремп, который, подобно всем уроженцам севера Германии, был упрямым.

— Где убили нашего посла? — спросил Бернсдорф.

— К самой стране это отношения не имеет.

— Дипломаты у вас не в почете, я угадал?

— Нет. Мой дядя дипломат. Я жил у него в Лиме.

— Понимаю. Значит, вы знаете испанский... Как ты считаешь, Ундина, сможем мы уломать Фишера? В силах он отказаться от сафари?

— Вы, наверное, задумали сделать игровой фильм? — спросил Кремп. — Тогда я для вас неподходящий человек. Я чистой воды документалист.

— Научиться можно всему, — сказала Ундина.

Вырулив в боковую улицу, полого ведущую вверх, Ундина подумала о том, каким непрочным оказался их план. Как легко все может рухнуть, причем даже не из-за Фишера, а из-за упрямства этих двоих.

Квартира в новостройке конца шестидесятых годов, маленькая, удобная, две комнаты с балконом. Кремп снял

пальто, помассировал вспухшую руку и положил свою ядовито-зеленую книжку перед большим, в метр длиной, аквариумом.

— Только не сюда, — попросила Ундина. — Спугнете еще рыбок.

— Ты перед аквариумом отдыхаешь? — спросил Бернсдорф.

— Я получила его в наследство от предыдущего жильца, — принялась защищаться она. — «Левый» писатель, но сейчас ничего не пишет, переводит детективные романы.

— А раньше он что писал?

Ундина сняла с полки книгу, она называлась «Банановая война» и, судя по выходным данным, была с разрешения гамбургского издательства «Ровольт» издана в ГДР.

— Мистика, — сказал Бернсдорф. — Это книга о Гватемале. По-моему, вы вступили в заговор.

— Можно, мне взять ее? — спросил Кремп. — Я такие собираю.

— Эта тоже из вашей коллекции? — Бернсдорф постучал пальцем по книжке в зеленой обложке.

— Да, это последняя новинка. — Кремп открыл книгу на заложенной странице. — Прочтите, и вы поймете, почему я за Гватемалу, а не за Перу или Боливию.

— Я-то подумал, что вы хотите быть поближе к дядюшке.

— В Гватемале у власти так называемая Революционная партия. Программа у нее социально-либеральная, и фасад она пытается соорудить демократический. А за этим фасадом — двадцать местных семейств, которые фактически хозяйничают в стране. С помощью террора... Потрясающая модель. Здесь вы найдете все закономерности классовой борьбы, пусть и не в совсем привычной для нас форме; и ничего выдумывать не надо, события достаточно драматичны сами по себе. — Кремп говорил с жаром, размахивая рукой над аквариумом, чем напугал рыбок. Заметив это, он отошел от аквариума.

— Пива выпьете? — крикнула из кухни Ундина.

Она готовила яичницу; запахло жареным салом.

— Само название правящей партии звучит классически: «Партидо революсионарио», сокращенно ПР, как «Паблик релейшн», обработка общественного мнения, или, если расшифровать: меры монополий по манипуляции общественным мнением. Именно в этом и состоит задача ПР — обманывать людей, не подвергая угрозе привилегии двадцати семейств.

— ПР, очень хорошо. Это добавит нашей ленте «левого» перца.

Кремп испытующе поглядел на Бернсдорфа, сясь понять, уловил ли тот ход его мысли. От человека, снимавшего фильмы на потребу широкой публики, нельзя требовать слишком многого.

— Если вы согласны с моей идеей, я подберу завтра дополнительный материал.

— Государственная библиотека на Людвигштрассе. Сделайте нужные вам фотокопии за мой счет.

Кремп удивился: поддержки он никак не ожидал. Ундина принесла на тарелочках дымящийся «крестьянский завтрак». Безо всякой видимой связи Кремп сказал:

— Мне нужно еще в полицию, у меня украли машину. Заявить я уже заявил, теперь надо подписать протокол.

— Кто ваш отец? — спросил Бернсдорф без оличностей.

— Предприниматель. Фабрикант текстиля.

— Не горюйте! Сын за отца не отвечает.

Кремп почувствовал, что оба они с любопытством за ним наблюдают.

— Чтобы покончить с этим раз и навсегда: в армии я был фенрихом¹, муж моей сестры генерал-майор, среди нашей родни есть даже епископ.

Хозяйка дома удивленно приподняла брови.

— Что же, это вполне объясняет ваши «левые» убеждения. А вас случайно не лишат наследства?

— На большее, чем они обязаны выплачивать по закону — в случае смерти отца, — мне рассчитывать не приходится. А сейчас у меня не хватит денег даже на постановку трехчастевки.

— Выходит, вся надежда на Фишера. — Бернсдорф собрал с тарелки шкварки. — Да, а что мы ему предложим? Нищету, пытки и банановую войну вместо сафари?

— Нет. Острый сюжет. Настоящих противников режима. Вы найдете в этой книге пять имен легендарных герильерос. Трое или четверо из них погибли. Но имя Кампано упоминается постоянно, на протяжении многих лет. Никто не знает, где он скрывается. Появляется, наносит удар по правительственным войскам — и словно растворяется в пространстве... Разве он не герой для нашего фильма?

Бернсдорф поднял руку, прерывая Кремп. У него было такое чувство, что идея, которую он уже схватил за хвост, вот-вот ускользнет.

— Вы — документалист, я — из игрового кино, и обращать друг друга в свою веру мы не будем. И все-таки... Почему бы нам не слетать туда и не разыскать этого Кампано? Разузнаем о нем все: откуда он взялся, как складывалась его жизнь, где он сейчас, а вы будете документально снимать все этапы нашего «следствия». И с божьей помощью в один прекрасный день он предстанет перед нами где-то в джунглях.

Кремп пощипывал свою бородку.

— Кроме того, мы снимем там несколько драматических сцен из его жизни. Пригласим не профессионалов, а любителей, чтобы все было как в жизни. И обе линии свяжем, чтобы они сошлись по времени.

¹ Ф е н р и х — младшее офицерское звание в бундесвере.

«Самое тяжелое как будто позади»,— думалось Бернсдорфу. Согласие Фишера представлялось ему пустой формальностью. Кто сможет устоять перед такой киноидеей, кого она не подкупит?

Когда они собирались ехать, Ундина сказала:

— Его вилла в Вальдтудеринге. Ждет он меня одну, так что вам лучше подождать немного в машине.

— Покори его своей красотой! — пошутил Бернсдорф.

А Кремп спросил:

— Думаєте, мы можем рассчитывать?..

— Ну, разумеется! Он только и мечтает, чтобы его покорили и завоевали.

...Им никогда не суждено было испытать большего единодушия, чем в это мгновение.

Обитую кованым железом дверь виллы открыл сам Фишер, грузный мужчина с пышной седой шевелюрой. «Значит, передумала, поэтому и приехала»,— сказал себе он, объясняя причину визита Ундины. Помогая ей снять пальто, он ощущал себя помолодевшим. Ему нравилось это хрупкое создание, украшение его фирмы, но сблизиться с ней он никогда не пытался. Здоровые принципы не должны знать исключений.

Проводив Ундину в гостиную, предложил выпить. Ундина отпила шерри.

— Вас очень огорчило бы, если бы вместо Кении мы отправились... например, в Гватемалу?

Не ответив на вопрос, Фишер взял из шкафа толстый справочник, нашел нужную страницу и прочел вслух:

— «Теплоходом из Генуи двадцать дней, самолетом из Франкфурта через Канаду — пятнадцать часов до Мехико, оттуда ежедневные рейсы местных авиалиний... Сервис, включая билеты туда и обратно, в первом классе пять тысяч марок». Полетим? Или поплывем?

— И вы согласны отказаться от сафари?

— Зачем нам сафари? Ты права. Гватемала — это то, что нужно. Руины майя, вечная весна, лучший кофе в мире. Как ты додумалась?

— Там можно снять фильм. — Сердце Ундины забилось. — Игровой фильм... Маленькая съемочная группа: мы с вами и еще двое.

Он захлопнул справочник.

— Ах, вот оно что...

Все пропало, Фишер отказал, это ясно. Провал своего плана она восприняла с острой болью, когда услышала вдруг голос Фишера:

— Если эти люди ждут в машине, пригласи их.

Эрвин Фишер был профессиональным военным, в двадцать пять лет входил в состав десантно-диверсионной группы, потом отбивал атаки новозеландской пехоты в Монте-Кассино, где и оставил ногу. После войны учился в торговой школе, служил мелким страховым агентом, торговал подержанными автомо-

билями. И однажды ему повезло: принадлежавший ему участок земли, на котором стояли жалкие развалины, понадобился муниципалитету под застройку. На полученные в виде возмещения деньги он основал акционерное общество «Мозаика» и, не обладая для начала даже скудными профессиональными познаниями, начал медленно, но верно подниматься на гребень волны кинорежиссуры. Он «сам себя сделал».

И вот сейчас, на вершине успеха, Фишер решил уйти на покой. Вот-вот всю громыхнет кризис, так что о каких дивидендах может идти речь? «И никто не скажет, зацветет ли яблонька опять»,— как поется в песне. Во всяком случае, былого не вернешь... А эти пришли к нему с идеей фильма.

— Мы рассчитываем обойтись весьма скромной суммой,— сказал Бернсдорф.— Наличными тысяч двести, не больше.

— Я знаю, господа, район Карибского моря входит в моду. Итальянцы повторно снимают на Гаити историю с «Баунти», с сотней голеньких негритяночек... Но Гватемала? Самая дорогая страна в том районе! Ее валютная единица приравнивается к доллару.

— Курс доллара падает,— заметила Ундина.

Приход этой троицы и предложение Ундины расстрожили его, в нем ожила и затрепетала предпринимательская жилка. Что ж, они вполне могут оказаться серьезными партнерами. Людей

Рисунок В. ПЛЕВИНА

типа Кремпа он поначалу всегда инстинктивно сторонился, зато у Бернсдорфа большое имя в мире кино, и ему лучше знать, кого взять в операторы.

Пришлось еще выслушать рассказ Кремпа о народном сопротивлении, неокOLONIALИЗМЕ, режиме ПР и прогрессивном кино. Фишер сухо улыбнулся.

— Подобные планы обычно терпят провал. С чего вы вообще взяли, что в Гватемале вам разрешат снимать такой фильм?

— Правительство Гватемалы заинтересовано в том, чтобы мир знал о его демократичности.

— Что вы и намерены опровергнуть?

— Господин Фишер, давайте говорить откровенно, — сказал Бернсдорф. — Представим себе, что нас ждет неудача. Но вы лично ничего не теряете. Судите сами. Мы еще первого кадра не снимем, а уже так раздеем в ведомостях сумму затрат, что небу жарко станет. Выпишем, к примеру, сорок тысяч за сценарий, который между делом настроит господин Кремп совершенно бесплатно. А кто сможет проверить, какой гонорар мы платили тамошним актерам, масовке и техперсоналу?

Такие речи и слышать приятно; Фишер знал, что Бернсдорф дело говорит.

— Денежные расчеты будут по вашей части, — сказал Кремп. — Нам безразлично, сколько вы будете нам платить. Для нас главное — снять фильм.

Фишер промолчал. Последние слова Кремпа вызвали в нем явную неприязнь. Он терпеть не мог людей, подчеркивавших свое бескорыстие. От таких только и жди подвоха.

— Не сердитесь, шеф, — тихо проговорила ему на ухо севшая рядом Унди-на.

В продолжение разговора она несколько раз не соглашалась с Кремпом, поправляла его, вот и теперь тоже. Фишер чувствовал, что она на его стороне, а не на их... Нет, не хочет он больше встречать Новый год в одиночестве! Лучше уж с ними, пусть их пока и заносит на поворотах. А он-то на что? Что-бы они не натворили глупостей!

— Хорошо, я согласен. Мы можем лететь через три дня.

Из бортовых динамиков, вмонтированных в верхние панели, доносился голос стюардессы — мягкий, успокаивающий, чуть хриловатый из-за по-мех: «...Мы подлетаем к острову Ньюфаундленд. Летим на высоте одна-дцать тысяч метров со скоростью девятьсот километров в час».

Бернсдорф закрыл глаза. Как бы там ни было, он ощущал прилив сил. Наконец опять в пути, идет по следам человека, которого зовут Кампано и о котором известно лишь то, что он остался верен своим убеждениям до самого последнего часа. А почему, собственно, «последнего»? Кто сказал, что Кампано убит? Таких данных нет, а значит...

Эрвин Фишер попросил стюардессу принести рюмку коньяка. От некоторых фраз в зеленой книжке, которые отчек-

нул Кремп, ему становилось не по себе. «Двадцать восемь арестованных «левых» подверглись неслыханно жестокому обращению; так, например, Карлос Соса Варильяс был сначала распят, а затем кастрирован». Фишер перелистал несколько страниц. «Трупы были выброшены из самолета над Тихим океаном». Читать дальше нет никакого желания, голова его от всего этого разболелась.

В сетках кресел торчали свежие газеты, и Фишер достал одну из них. «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт». В глаза бросился заголовок: «Избирательная кампания в Гватемале происходит в атмосфере насилия. Жертвами ежедневно становятся три-четыре человека». Перегнувшись через кресло, он протянул газету Кремпу.

— Как-никак выборы, — сказал тот. — А не военный режим! Военные выборы не проводят.

Четыре часа утра. А по местному времени десять вечера. «Через пятнадцать минут мы будем над Мексиканским заливом в районе Нового Орлеана», — негромко проговорила стюардесса. Фишер мелкими глотками отхлебывал горячий кофе из чашки. Не в состоянии сосредоточиться на чем-то определенном, он опять раскрыл зеленую книжку.

Красный карандаш Кремпа заставил его прочесть следующие строки: «Революционные вооруженные силы (ФАР) усилились с притоком студентов университетов. Постепенно ФАР становится военной организацией коммунистической партии, хотя формально ей и не подчиняются. Герильерос похитили целый ряд видных лиц, чтобы обменять их на политических узников. Отдельные уголовные элементы, воспользовавшись неразберихой, в свою очередь, провели ряд похищений, выдавая их за акции ФАР и требуя выкупа. В 1967 году выяснилось, что глава этой банды похитителей и шеф уголовной полиции — одно и то же лицо». Последнее предложение не было подчеркнуто, но крепко засело в голове Фишера. В его воображении начали возникать одна картина за другой. Шеф полиции — похититель! Классический гангстерский сюжет с серьезной политической подоплекой... А если это решить в комедийном, гротесковом плане? Он так и слышал взрывы хохота в зале. Люди ходят в кино либо для того, чтобы отгадывать загадки, либо чтобы посмеяться. Жизнь и без того достаточно сложна...

Хассо фон Кремп проснулся в номере отеля «Майя Эксельсор» от какого-то шороха. Наверное, коридорная прибирает в соседней комнате. Он заморгал от яркого зеленоватого света, проникавшего в спальню сквозь прорези жалюзи, ощутил дыхание совершенно бесшумного кондиционера, излишней росы на высоте 1400 метров над уровнем моря, где воздух и без того свеж и приятен...

Самолет компании КЛМ приземлился в аэропорту «Ла Аурора» с восходом

солнца. Под предлогом, будто Кремп снимал военные самолеты, таможня наложила арест на всю съемочную аппаратуру. Обычный трюк таможенников, вымогают взятку...

Вот снова этот шорох. Неужели он забыл повесить на двери номера табличку «Но молесте» — «Не беспокоить»?

Кремп поднялся на постели. Нет, он точно помнит, что табличку на дверь он все-таки повесил. Значит, в передней комнате непрошенный гость. Прошел туда. Навстречу ему поднялся господин лет сорока, в светлом, сшитом на заказ костюме, брнет с карими миндалевидными глазами.

— В мои планы отнюдь не входило разбудить вас, — сказал он, предъявляя полицейское удостоверение. — Полет утомил вас, понимаю... Вот я и решил дожидаться вашего пробуждения здесь.

— Надеюсь, вам не пришлось скучать.

— Нет. Полистал вот эту книжонку. — Гость указал на брошюру в зеленой обложке.

— Вы читаете по-немецки?

— Я хорошо знаком с испанским оригиналом, господин фон Кремп. Я — майор Понсе. Мне требуются некоторые сведения. У вас вышли неприятности на таможене?

Кремп рассеянно кивнул.

— Что ж, охотно верю вам, что самолеты наших ВВС вас несколько не интересуют... Таможенники часто преувеличивают. Но без специального разрешения нельзя, кажется, снимать ни в одном аэропорту?

— Майор, я всего лишь хотел запечатлеть на пленке момент нашего прибытия в Гватемалу. Вы можете убедиться, что на пленке есть кадры, снятые в двух других аэропортах. Впрочем, мы уже отправили в министерство внутренних дел необходимые документы с просьбой разрешить нам съемки фильма.

— Именно по этой причине я здесь. Что вы намерены снимать у нас? Путевые впечатления?

— Можно сказать и так. — Снотворное еще действовало, но, несмотря на заторможенную реакцию, Кремп был настроенно. — Я документалист...

«Лучше говорить поменьше», — подумалось ему.

— Таможенники сообщили, что вы привезли много осветительной техники.

— Да, сколько положено...

— А как вы считаете, мне не положено задать вам несколько вопросов? —

тон Понсе оставался по-прежнему любезным, но улыбка... — Едва успев приземлиться, вы уже неоднократно наводили справки о повстанцах. И о так называемых городских герильерос, и о партизанах в горах. Поймите, пожалуйста, что это наводит на некоторые раздумья о цели вашего приезда. Согласитесь, любое правительство встревожится, если кто-то будет настойчиво интересоваться его противниками.

— Причина моих расспросов — некоторое наше беспокойство, — ответил

Кремп, полностью овладев собой.— Снимать фильм можно только там, где съемочная группа будет в безопасности. Вам, очевидно, знакомы статьи из зарубежной печати о положении в вашей стране? Насколько они правдивы, я не знаю. Однако, будучи переводчиком нашей группы, я считаю своей обязанностью разузнать, спокойно ли в том или ином районе.

— У нас везде спокойно.— Майор направился к двери. Ростом он был ниже Кремпа.— Благодарю вас. Ваши сведения меня удовлетворили. Извините, что побеспокоил.

Едва оставшись один, Кремп схватился за телефон, чтобы предупредить Фишера и Ундину Раух. Но в номерах их не оказалось, придется спуститься в ресторан. Хотя он и считал, что вел разговор умно и осторожно, майор Понсе — человек, которого следует остерегаться.

Переодеваясь, он бросил взгляд на раскрытую книжку. Вот что было подчеркнуто: «Положение обострилось в 67-м году в связи с катастрофическим сокращением экспорта кофе, а также после убийства правыми экстремистами в январе 1968 года бывшей «мисс Гватемалы». Двадцатипятилетняя девушка, подруга герильеро Хуана Кампано, была найдена на шоссе в восьмидесяти километрах от столицы — раздетая, изнасилованная, со следами зверских пыток».

Фишер и Ундина заказали в ресторане на обед блюда китайской кухни. К ним за столик подсел господин со сплюснутым носом, в спортивном костюме строгого английского покроя, с виду мулат, и предложил свои услуги. Он, дескать, знает страну как свои пять пальцев и, что не менее важно, является одновременно хозяином и пилотом самолета. Самолет очень удобный, и за все про все — за обслуживание, услуги стюарда и горючее — он просит каких-то двести долларов. Приключения и развлечения гарантируются.

— И куда бы вы с нами полетели? — спросила Ундина.

— Куда угодно, леди. Если пожелаете, даже к руинам Копана. Они, правда, в Гондурасе, но если вы хотите...

— А в горы, к герильерос?

— Каким еще герильерос? — Он всплеснул руками.— Все они убиты, леди. Никого не осталось.

Фишеру он надоел. Хотя ему нравилось говорить по-английски с людьми, владевшими языком еще хуже его, он решил от мулата избавиться. И знал как: есть один трюк, срабатывающий в банановых республиках безошибочно.

— Почему вы все время повторяете, что ваш президент болван? — спросил он, повысив голос.

Мулат от удивления потерял дар речи.

Фишер снова повторил свои слова. Громче.

Летчик испуганно вскочил со стула, беспомощно взмахнул руками.

— Вы меня неправильно поняли. Я сдаю наем самолет, политика меня не интересует... Прощайте.

А несколько минут спустя к ним подошел элегантно одетый мужчина.

— Простите, вас потревожили?

— Пустяки. Вы детектив отеля?

— Не совсем, сэр. Я майор Понсе из уголовной полиции. Позвольте сесть за ваш стол?

Фишер вытер салфеткой губы, аппетит окончательно пропал. В том, что они прилетели в полицейское государство, сомневаться больше не приходилось.

— Господин Фишер, вы возглавляете немецкую киностудию, которая собирается снимать у нас фильм,— сказал майор по-английски.— Разрешите осведомиться, что это будет за фильм? — произношение у него было безупречным.

— Веселый игровой фильм.

— Не затруднит ли вас рассказать о нем поподробнее?

Фишера так и подмывало подсунуть майору свою историю с похищением; однако он вовремя сообразил, что острие ее направлено против полицейского ведомства.

— Готового варианта сценария у нас нет, майор. Мы хотим оглядеться на месте. Такой путь представляется мне более продуктивным.

— И все же какова тема фильма? Главная его линия, так сказать? — Понсе перевел взгляд на Ундину.— Да, я знаю, это госпожа Раух, ваша помощница... Чего вы хотели бы добиться в итоге?

— Полных сборов, майор. К этому ведут два пути: надо людей заставить либо плакать, либо смеяться.

— Либо ужасаться. Увы. В зарубежной печати нередко появляются сенсационные сообщения о жизни в нашей стране. Смесь из экзотики и ужасов хорошо продается. Мы же особых восторгов по поводу появления такой «рекламы» не испытываем.

— В современном кино судьбе женщины уделяется мало внимания,— сказала Ундина.— Нет и серьезных ролей для женщин. А мы хотели бы рассказать о судьбе женщин вашей страны, майор. Их проблемах. Об эмансипации, например.

— Благодарю, на сегодня я удовлетворен.— Понсе поднялся и учтиво поклонился.— Я не стану вас более беспокоить. Другие, надеюсь, тоже. Пожелаю больших успехов. А сценарий — пусть зреет.

Такси здесь стоит дешево. Водитель, который вез Бернсдорфа из аэропорта в отель, сказал:

— Два доллара в час, сэр. Все равно ехать будем или стоять.

В аэропорту Бернсдорф ничего не добился ни с помощью денег, ни увещеваниями. Аппаратуры ему не вернули. Не получил он и вразумительного ответа на свои вопросы. Кто советовал обратиться в главное таможенное управление, кто в полицию, кто не то в мини-

стерство внутренних дел, не то в министерство просвещения. Во всех комнатах, в которые он заходил, на стене висел один и тот же портрет — улыбающегося во весь рот президента Араны, красавца мужчины в генеральском мундире. Правительство ПР бесславно ушло в отставку, и политика социального либерализма и терпимости предана забвению. Офицеры, принимавшие Бернсдорфа, ссылались на какое-то высокопоставленное начальство, до которого рукой не достанешь. Положение вещей отнюдь не соответствовало картине, нарисованной «шеф-идеологом» Кремпом.

Белые бунгало, пышная зелень. Листы этого континента проявляли чудеса выдумки и изворотливости, чтобы отсталость и нищета не бросались в глаза хотя бы по пути из аэропорта в центр.

«Авенида де ла Америкас», — прочел Бернсдорф на табличке одного из домов. Что-то знакомое... Не тут ли похитили графа Спреди, посла ФРГ? Нет, до того места они еще не доехали, это на перекрестке с 16-й улицей, объяснил шофер.

— А вот тут, сэр, застрелили шефа американской военной миссии. Он ехал с военно-морским атташе в «Форде-67», а убийцы стреляли из «шевроле», который их обогнал.

У этой улицы, как видно, богатая история; водитель объяснял все происшествие с точки зрения профессионального автомеханика: скорость, марки машин, кто откуда выезжал...

— Когда это произошло?

— После убийства подружки Хуана Кампано. Отомстили...

Бернсдорф насторожился:

— Разве ее убили американцы?

— Нет, это были другие люди... Гватемальцы.

— А что это за люди? Не из «Белой руки»?

Водитель сразу скис.

— Нет, другие. А кто, не знаю.

— Почему же застрелили янки, если они ни при чем?..

Водитель нажал на тормоза.

— «Майя Эксельсюр», сэр. С вас один доллар двадцать центов.

В холле отеля Бернсдорф сел на табурет перед полукруглой стойкой бара. Все как-то безрадостно. Почему водитель ни с того ни с сего испугался? Режиссер сделал несколько глотков из запотевшего стакана, когда на соседний табурет села молодая женщина с гавельными глазами. Нежная смуглая кожа, глаза искусно подведены, ногти тонких длинных пальцев отливают перламутром — светская дама.

— Простите, вы не из немецкой киностудии? Вы не шеф, не господин Фишер?

Начало обнадеживающее. Он покачал головой.

— Нет, не шеф.

Она достала из сумочки листок бумаги.

— Тогда вы, господин Бернсдорф,

режиссер. А я Виола Санчес из «Ла Оры», это столичная вечерняя газета. Не согласитесь ли вы дать нам интервью?

— А редакционное удостоверение у вас есть? — спросил Берндорф и сразу поймал себя на том, что вопрос его невежлив. Запоздалая реакция на поведение таможенных чиновников. Взглянув на визитную карточку, поторопился заказать даме «дайкири», словно желая искупить свою вину. — Вы из отдела местной хроники? Какого направления ваша газета?

— Умеренно-либерального. И еще мы немножко националисты, то есть поругиваем США. Наш издатель — Клементе Маррокин, бывший вице-президент. — Во время правления ПР?

— Вы хорошо информированы. Можно ли из этого заключить, что вы предполагаете снимать политический фильм?

— «Нет искусства вне политики», — вспомнил Берндорфу афоризм из далекого студенческого прошлого.

— Вот и мы так считаем, — по губам Виолы Санчес скользнула улыбка.

Осторожно! Она ничего не записывает, но все запоминает и впоследствии использует.

— О чем ваш фильм? — спросила журналистка.

— Знаете, с той минуты, когда мы в Европе сели в самолет, я не сомкнул глаз. Боюсь нагородить всякой ерунды. Если хотите, приходите завтра.

— Почитать сценарий дадите?

— Пока у нас нет сценария, мисс Санчес. В настоящий момент мы думаем и гадаем, как вызволить нашу аппаратуру.

— Хотите, я помогу вам? Мы, правда, в оппозиции, но кое-какими возможностями обладаем. Министр просвещения — из нашей партии.

— К этому разговору мы вернемся. Большое спасибо, спокойной ночи!

В справочном бюро сидела женщина; ее густые черные волосы с прямым пробором на испанский манер перехвачены на спине лентой... Кого она ему напоминает?

— Майор Понсе, — прервал ход его мысли подошедший мужчина. — На два слова, господин Берндорф.

— Я собирался вздремнуть, но... Чем могу служить?

Берндорф устало улыбнулся: все его знают, прямо как в мюнхенском «Доме кино». Итак, полиция. Будь этот человек из службы безопасности, то дождался бы его, Берндорфа, возвращения наверх, в номере, чтобы продемонстрировать власть. А подойти у лифта? Где расчет на элемент неожиданности, эффект испуга? Даже полиция обычно работает с большей выдумкой. Поставлено, как говорится, без чувств стилия.

— Майор, вы чем-то встревожены?

— Совсе нет. Однако меня несколько беспокоят разноречивые слухи о задуманном вами фильме.

— И кто же эти слухи распространяет?

— В этом-то вся соль: ваши друзья. Мне были изложены три версии фильма; согласитесь, многовато. Господин фон Кремп хочет снять фильм-репортаж, господин Фишер веселый игровой фильм, а мадам Раух — фильм о судьбе современной женщины. Как вы это объясните?

— Возможно, причина в вашем умении вести беседу в непринужденном тоне, майор. Мои сотрудники сочли, что с ними просто мило беседуют, а не спрашивают по долгу службы. Вот они и ответили каждый на свой лад. Кремпу ближе человеческий документ, Фишер — жизнелюб, а мадам Раух — женщина до мозга костей.

— Согласен с вами. Тем не менее их расхождение не могут не удивить, — усмехнулся недоверчиво Понсе.

— Довольно давно, побывав на Кубе, я носился с мыслью снять пиратский фильм. Но то, с чем я там столкнулся, перекркнуло все мои планы, и получилась чисто лирическая картина, все действие которой происходит на суше, моря нет и в помине. Вот и говори тут о планах.

— Когда вы были на Кубе?

— До Кастро. Я, знаете ли, давно в кинобизнесе.

Берндорфу всегда доставляло наслаждение играть роль человека зрелого, умудренного опытом, изворотливого.

— Допустим, что людям кино присуще мечтать, — сказал, подумав, Понсе. — Пусть это часть вашей деятельности; только мечты у ваших партнеров чересчур воинственные. Например, у вашего оператора в номере лежит маленькая зеленая книжка. В ней много подчеркнуто. Особенно часто — имя Кампано.

— Книжка... сомнительная?

— У нас книг не запрещают. С виду это книжка новая, но это перевод, оригинал вышел три года назад в Париже. Того, о чем в ней говорится, давно нет в помине: например, в Гватемале нет герильерос.

— Куда же они девались?

— Прекратили сопротивление, сдались.

— Сдались? Такие люди, как Кампано?

— Спросите на сей счет даму, которую угостили коктейлем. Как я понимаю, она обещала вам помочь... — Майор кивнул на прощанье. — И пожалуйста, перешлите нам подробную заявку на фильм, если вы хотите получить обратно свою аппаратуру.

Они сидели в ресторане «Алтуна», и отнюдь не итальянская кухня их соблазнила, сюда их привели опасения, что в «Мая Эксельсоре» их подслушают. Ундина открыла записную книжку.

— Нам поможет посольство! Завтра же поеду туда! Апартадо, 1252. Это скорее всего рядом.

— «Апартадо» — значит «почтовое отделение», — сказал Кремп. — Лучше поеду я.

— Бессмысленно! Посольство вмешиваться не станет.

— Трубите сигнал к отступлению, шеф? — спросил Берндорф. — После первого соприкосновения с противником? Не думаю, чтобы в Италии, будучи десантником...

— Едем в посольство, — перебил его Кремп. — Помогут — не помогут. А пока и без аппаратуры будем искать Кампано, где бы он ни был. Не могли все герильерос сложить оружие!

— Почему вы так думаете? — спросил Фишер.

— Чувствую инстинктивно. Слишком некоторые на этом настаивают...

— Разве вы не поняли, что «левые» раздавлены?

— Если это правда, — сказал Кремп, — благодаря нашему фильму мир узнает, что здесь к власти пришли фашисты.

— Поттише, дорогой друг. У меня такое впечатление, что вам с вашими взглядами здесь несдобровать, — вмешалась Ундина.

— Вот что, — начал Берндорф. — Я, по-моему, придумал название. Итак, «левые» разгромлены... Кампано нам не найти... У нас самих дела не ахти... Не назвать ли нам все это «Черный декабрь»? И снимать все по порядку: как мы к нашей идее пришли, как ищем Кампано — и что из этого выйдет.

Фишер допил бокал красного вина. Всё. Они от своего намерения не отступят. Во избежание худшего он вынужден пойти с ними. Черт знает на что они его толкают! Как это поется в песенке: «Необходима осторожность, добра не жди...»

Фишер ощущал прилив сил. Когда Берндорф, побывавший с Кремпом в посольстве ФРГ, сказал, что дипломаты и палец не пошевелит, чтобы им помочь, он воспринял это как вызов. Вот теперь поглядим, кто способен сдвинуть воз с места! Он постучал в дверь смежного номера Ундине.

— Захвати план города!

Берндорф с Кремпом сели на мель, теперь его очередь показать, на что он способен. «Почетный» консул Гватемалы¹, представитель фирм, сбывавших в ФРГ карибский ром, снабдил его рекомендательными письмами. Самое важное из них адресовано Харри Ридмюллеру Алехо, гватемальцу немецкого происхождения, хозяину горнорудных предприятий.

Лимузин, взятый напрокат в отеле, катил по авениде де ла Реформа. Ее еще называли Пассо, местом для прогулок. Полдень, пропитанный солнцем. Пальмы покачивали своими опухшими

¹ «Почетный» консул — должностное лицо или представитель деловых кругов, выполняющий по совместительству обязанности консула страны.

над всем этим лакированным пестрым потоком автомобилей, словно благословляя атрибуты прогресса и процветания. Фишер вел машину с таким спокойствием, будто ехал по Мюнхену или Вене, и приглядывался к номерным табличкам на домах. Уверенно свернул в тихую боковую улицу, бунгало которой до смешного походило одно на другое. Фишер осторожно погладил ладонь Ундины и бросил на нее быстрый победоносный взгляд. С какой-то особенной остротой она ощутила, что все это он делает ради нее. Не будь ее, он еще вчера заказал бы обратные билеты. Вот какими глупыми бывают мужчины! И все-таки ей было приятно...

Они притормозили перед единственными на всю улицу металлическими решетчатыми воротами с кипарисами по бокам и кирпичным столбиком с полноразмерной табличкой фирмы БОА.

— Приехали, Ундина.

Действительно, уголок Германии. За кустами жасмина и можжевельника — рошица хвойных деревьев; карликовые пинии, серебристые ели и цветущий дрок испускали родные сердцу запахи. Миловидная девушка-метиска проводила их в гостиную, своей обстановкой как две капли воды напоминающую отлакированные снимки из рекламных проспектов.

Харри Ридмюллер велел принести прохладительные напитки. Высокорослый толстый блондин с вывернутыми губами, в светлых брюках и клубном пиджаке цвета морской волны. Внешность внушительная, хотя и неприятная. Бросая кубики льда в стаканы и отвечая на приветствия Фишера, он несколько раз прошелся придирчивым взглядом по фигуре Ундины. Она чувствовала себя неловко. Ридмюллер достал из бокового кармана очки и пробежал глазами рекомендательное письмо. «Глаза у него рыбы, — подумала Ундина. — Серые, навывкате. Взгляд неприятный, липкий какой-то. Сразу видно, сластолюбец».

Мужчины обсуждали интересующий их вопрос, как бы его не касаясь. Так два мясника, знающие все цены на телятину, баранину и свинину и обо всем заранее договорившиеся, говорят во время торгов у верховых лошадей.

— ...Моя группа хочет снять фильм реалистический, хотя я и не понимаю, что это значит. Мадам Раух у нас директор фильма, она объяснит вам все подробнее.

— Это будет что-то о герильерос, — неопределенно сказала Ундина.

Ридмюллер задержал взгляд своих рыбьих глаз на Ундине дольше, чем того требовали приличия.

— Понятно. Вопрос в том, как вы к ним относитесь.

— Ход событий мы думаем показать с точки зрения жертв этих событий, — осторожно выразилась Ундина.

Ридмюллер кивнул. Заподозрить человека вроде Фишера в сочувствии революционным реформам ему, естественно, и в голову не пришло бы.

— Получение разрешения на съемки — формальность, — проговорил он наконец. — Полиция пыжится перед выборами, набивает себе цену. Все пойдет своим чередом, кто бы на выборах ни победил. Кстати говоря, эти вопросы в компетенции министра просвещения, а не внутренних дел. А министр просвещения сеньор Толедо — человек с чувством собственного достоинства... Никто не любит, когда в дела его ведомства вмешиваются посторонние.

— И поэтому, вы считаете, он нам поможет?

— Этой причины за глаза хватит, милостивая госпожа. Но есть другая, более важная: как кандидат от оппозиционной ПР на президентских выборах, он в положении незавидном и очень нуждается в поддержке общественности. Реклама ему необходима как воздух... А в-третьих, он мой друг, нас связывают общие интересы.

— Понимаю, — кивнул Фишер.

— Наши участки граничат между собой. Видите вон тот дом за высокой елью? Там вам завтра Толедо подпишет все необходимые бумаги.

Бернсдорф попивал манговый сок, сидя с Кремпом в холле, где они договорились встретиться с Виолой Санчес из «Ла Оры». Автобус за автобусом выезжали из авениды дела Реформа и останавливались перед зданием Культурного центра, а ее все нет. Вулканов Агуа, Акатенанго, «огней», уничтоживших не так давно город, отсюда не видно. А вообще они в городе видны с любой точки: желтоватые силуэты на фоне зеленого плоскогорья.

Если она не приедет, отправимся в редакцию. Там якобы спят и видят, как бы кого-нибудь пропесочить. Странно. Полицейское государство и...

— Это руины его прежнего демократического фасада, — сказал Кремп. — Если ПР победит на выборах, она фасад отстроит заново. А пока за ним ничего не меняется, герильерос здесь есть и будут.

— Допустим. Но где?

— Неподалеку отсюда живет адвокат по фамилии Зонгтеймер. Он возглавляет «Комитет родственников исчезнувших лиц». Может быть, он нам что-нибудь посоветует.

— Главное — не упускать инициативы, — сказал Бернсдорф. — А то Фишер еще даст задний ход...

— А вы нет? — спросил Кремп.

— С какой стати?

— Потому что вы впервые будете делать фильм, который скорее всего трудно будет продать.

Запершило в горле, что-то мешало высказать откровенно, о чем он сейчас думает: что этот фильм может изменить всю его дальнейшую жизнь, стать поворотным моментом в ней, кульминацией, как выражаются драматурги. Наконец-то его работа обретет смысл! Никогда

прежде он не ощущал этого настолько отчетливо, как в эти секунды. Кто сумеет донести до зрителя живой образ революционера, тот сам действует как революционер. Может быть, все отпущенные ему годы он применит к тому, чтобы искупить ошибки лет прошедших... Нет, пока еще не поздно, после этого фильма он станет другим человеком! Но сейчас дело не в нем, дело в Кампано. Хуан Кампано! Сведения о нем на редкость разноречивы. Кто говорит, что ему двадцать с небольшим, а кто, будто он родился в 1940 году и, значит, ему тридцать три года, одни утверждают, будто он метис, другие, что он чистокровный белый, третьи, что в нем есть примесь азиатской крови. Кто говорит, что он был в отряде Че Гевары на Кубе, а кто, будто американские инструкторы школили его в своей зоне в Панаме и он дослужился до лейтенанта! Поди разберись...

Действительно ли Кампано совершил то, что ему приписывают? Какие смелые вылазки, какая предприимчивость!.. А сейчас в городе внешне царит спокойствие. Их погоня за легендарным мстителем напоминает погоню за привидением...

— Сеньор! Сеньор! — официант что-то быстро говорил по-испански.

— Вас просят к телефону, — перевел Кремп.

Взяв трубку, Бернсдорф услышал, как женский голос торопливо проговорил:

— Больше ждать не надо, я не могу кое от кого избавиться. Прошу вас, не называйте сейчас меня по имени. Если хотите, встретимся после вечернего сеанса у кинотеатра «Лус».

— Хорошо, я буду.

И тут же трубку повесил, как и полагается в боевике.

Когда они вернулись в отель, в справочном бюро сидела та женщина, что и вчера. «Кого-то она мне мучительно напоминает», — подумал Бернсдорф. Лицо из прошлого, но из какого?

Фишеру настолько понравилось у Ридмюллера, что он не торопился уйти, пока не появился новый гость, молодой американец по фамилии Вилан. Красавец, по-спортивному подтянутый, с густыми, слегка вьющимися темными волосами и светло-голубыми глазами. Все на месте, даже ямочка на подбородке. Нет, слишком уж он красив, чтобы мириться с его присутствием. Ундина... Тем более что разговор пошел по-английски, а тут он не силен.

— Жаль, что вы нас покидаете, — сказал Ридмюллер. — Мистер Вилан прекрасно знает страну, он шеф отдела информации американской миссии экономической помощи Гватемале. Их штаб в Сакапе, в самом центре бывшего повстанческого района.

— Приглашаю вас на выходные дни, — сказал Вилан. — На машине всего полтора часа езды! Если вы решили сделать кино о Гватемале, вам обяза-

тельно стоит почаще выбираться из столицы. Я показал вам, как действует «План Пилото».

— «Пилото»?

— Так называется наша программа помощи, окончившая с терроризмом мирным путем.

Ридмюллер проводил их до ворот.

— А я был бы рад принять вас в субботу в Лаго-де-Атитлан, на моей «приморской» вилле, — говорил он, не сводя глаз с Ундины и обращаясь как бы к ней одной. — Это ближе, чем Сакапа, и там нет такой удушающей жары.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Фишер. — Но тогда группе придется разделиться.

Бернсдорф сидел у Виолы Санчес, в кресле-качалке ее отца, который, по ее словам, в отъезде; прозвучало это так, будто ее родители эмигранты.

— За мной следят, — шепнула она Бернсдорфу при встрече у кинотеатра. — Пойдемте быстрее ко мне. Я живу одна. Мои родители в Мексике.

После такого предложения он не заставил упрашивать себя дважды. Она сидела у стены под распятием и рассказывала все, что знала о Кампано. Родился он неподалеку отсюда. Дом сохранился, обветшавшее здание в стиле колониального барокко. Родители — врачи, в настоящий момент в эмиграции. Уже в школе Кампано, худенький мальчишка невысокого роста, отличался необузданным нравом, часто был агрессивен. Поступил в университет, участвовал в революционных выступлениях. Перед неминуемым арестом бежал на Кубу, потом вернулся. И наконец ушел в горы. Где он сейчас, никому не известно...

Он неожиданно разоткровенничался:

— У себя дома я хочу, например, бороться за человека вроде вашего Кампано. Показать, что значит быть революционером в стране, где стремление к социализму считается преступлением, а все люди левых убеждений — опасными элементами и негодяями! Вам нравится моя профессия? Согласен, интересы у нас многообразные, фантазия постоянно возбуждена, ты постоянно в движении; а что остается после заполненного заботами дня? Где смысл сделанного?

Бернсдорф заметил вдруг, что говорит совершенно серьезно, искренне. Такое в разговорах с женщинами случилось с ним редко, и он понял, почему сидит как пай-мальчик в кресле-качалке, а не пересядет к Виоле и не обнимет ее. Потому что между ними как-то сразу установились отношения взаимного доверия, а это дорогого стоит.

Когда зазвонил телефон, майор Понсе как раз просматривал годовой отчет уголовной полиции органам безопасности — третий вариант, составленный на сей раз им лично. Как всегда, он не мог нарадоваться на филигранность собственных формулировок. Кто проработал в государственном аппарате двадцать лет, знал, что от него требовалось:

составить отчет короткий и подробный одновременно. Этот отчет удовлетворит полковника Матарассо.

К его удивлению, полковник ни словом о документе не упомянул, зато сразу набросился на него:

— Камило, это ты наложил арест на два ящика с киноаппаратурой немецких репортеров? Зачем? С какой целью?

— Они хотят раздуть историю насчет наших террористов, полковник. Кстати, они не репортеры, а просто киношники...

— Почувствовав, что Матарассо не видит в этом никакой разницы, добавил:

— У них нет поддержки ни прессы, ни даже собственного посольства. Действуют на собственный страх и риск.

— Это ты так думаешь! Почему тогда мне пришлось отчитываться перед Толедо?

— Считает, наверное, что мы вмешиваемся в дела его ведомства.

— Нет, у немцев здесь есть высокие покровители! Они, между прочим, не из Восточной Германии.

— Полковник, я полностью отдаю себе в этом отчет.

— Значит, так, Камило, отдай им ящик! Или ты хочешь дать Толедо козыри против нас? А за немцами наблюдай сколько твоей душе угодно. Если у них действительно есть контакты с «левыми», это будет нам только на руку — Толедо не отвертится и козыри будут у нас.

Понсе отдал необходимые распоряжения. Хитрый ход. При всей своей ограниченности Матарассо обладал нюхом ищейки. Ничего удивительного: кто выше сидит, у того обзор больше.

Но выговор остается выговором. Понсе отодвинул годовой отчет в сторону, настроение было испорчено. Разве так разговаривают с верным помощником? А он-то все свои надежды связывал с Матарассо. Его выставили кандидатом в президенты две правые партии, чтобы он последовательно продолжил политику Араны, демонстрируя непримиримость в борьбе против подрывных элементов. Только его победа давала Понсе наконец возможность выдвинуться, сделать карьеру.

А есть ли в самом деле у Матарассо шанс победить? Конечно, оратор он никудышный, в этом отношении ему с Тони Толедо или с генералом Риосом Монттом, красноречивым кандидатом христианских демократов, не тягаться. Вот единственное сравнительно удачное место из последней речи Матарассо по телевидению: «Закон и винтовки показали, как нам справиться с террором, экономическими и такими социальными проблемами, как нищета, болезни и безграмотность, которые и служили питательной почвой для террористов!» Правда, не только личное красноречие решает, кому стать президентом. Но чтобы Матарассо оказался на коне, правым придется хорошенько постараться.

Главное — как воздух нужны успехи! Перед выборами всегда придается особое значение внутренней стабильности в стране, она предмет ожесточенных спо-

ров. И вот ему, майору Камило Понсе, удалось обнаружить нечто чрезвычайно важное! У него стало правилом проверять все, что говорят о себе люди, которые кажутся ему подозрительными. Поэтому он поручил одному из своих людей проверить, действительно ли Бернсдорф снимал фильм на Кубе до прихода к власти Кастро. В кубинской прессе должно было найтись сообщение об этом.

И вот перед ним лежала вырезка из гаванской газеты «Ой» от 28 мая 1961 года, заметка на две колонки. Под заголовком «Нас посетили два кинорежиссера коммунистическая газета писала, что на Кубу приехал известный немецкий режиссер и его «ассистент Бернесдорфф», чтобы воспеть революцию и ее последнюю вдохновляющую победу в произведении киноискусства... Фото исправляло неправильно написанную фамилию: на нем, вне всяких сомнений, Лутц Бернсдорф!

А «вдохновляющая победа» — это, конечно же, победа у залива Кохинос. Понсе глубоко вздохнул. Неужели он случайно обнаружил коммунистических агентов, которые явились сюда под видом киногруппы и намерены восстановить утерянные связи и помочь герильерос? Два обстоятельства говорят против этого: профессионалы нашли бы новых людей, а не только выдали новые паспорта.

Когда же ему принесли отчет наружной охраны, следившей за четырьмя немцами, он споткнулся на имени Ридмюллера. Фишер приехал к Ридмюллеру. Это во многом объясняет поведение Толедо, его интимного приятеля, но еще больше запутывает все дело, потому что Ридмюллер, безусловно, правый.

Понсе приказал принести ему дело Кампано; возможно, что-нибудь проявится. Любопытство возросло, но преобладало все-таки беспокойство. Игра в «сыщики — разбойники», сопоставление фактов, по логике вещей противоречащих друг другу, — все это привлекало его раньше. Но то, о чем вспоминалось с удовольствием, в настоящий момент ничего, кроме неприятностей и осложнений, принести не могло. Он решил обратиться в гватемальское посольство в Бонне: пусть выяснят в официальных инстанциях, кто такие Бернсдорф, Фишер, Раух и Кремп.

Дочитав дневной отчет до конца, узнал еще, что Виола Санчес встретила с Бернсдорфом после вечернего сеанса перед кинотеатром на 6-й авеню, неподалеку от своего дома. Тот провел у Виолы два часа и вернулся в отель лишь после полуночи.

Фантазия Понсе разыгралась. Позвонил домой, сказал жене, что задерживается. Потом дал журналистке знать, что ждет ее к ужину в китайском кафе... Ее связь с киношниками, или хотя бы с одним из них, приобрела такой характер, что было бы ошибкой ее не использовать.

Продолжение следует

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

БАНАНОВЫЙ МАКИНТОШ

Муссоны — дело серьезное. Особенно летом, когда эти ветры приносят обильные, непрекращающиеся дожди. Конечно, лучшая защита — надежный зонт, но если его нет под рукой, тоже можно найти выход из положения. Мальчишки, живущие в столице Непала Катманду, вовсе не считают дождь ненастьем. Наоборот — по их мнению, стоит отличная погода, можно сколько угодно шлепать по лужам. Тем более если нацепить на себя широкий банановый лист. Это уже не зонт получается, а самый настоящий непромокаемый плащ.

ЭКСПРЕСС-КАНОЭ

Если аборигены Австралии берутся за какое-нибудь ремесло, можно быть уверенным: работу они исполнят споро, мастерски, в кратчайшие сроки. И дело здесь не в каких-то феноменальных особенностях коренных жителей Австралии (аборигены — люди как люди), а в том, что техника традиционных ремесел отработывалась тысячами лет.

Вот, например, как делается каноэ. С эвкалипта в считанные минуты снимается волокнистая кора, затем она обрабатывается над огнем (и таким образом приобретает необходимую крепость), после чего кору можно сшивать, придавая ей форму лодки. Такие каноэ — незаменимое плавательное средство при охоте на крокодилов в опасных болотах полуострова Арнемленд.

ЭКЗАМЕН ПО ИГЛУСТРОЕНИЮ

Ученый, зимующий в Антарктиде, должен уметь многое. В том числе и такое, что впрямую не относится к его научной работе. Например, он должен уметь строить иглу. Тренировки такого рода входят в программу подготовки специалистов зарубежных стран, которые планируют провести зимний сезон в тяжелых условиях шестого континента. Всякое может произойти полярной ночью при страшном морозе и сильных метелях: бывает, человек и заблудится в двух шагах от станции. Вот почему он должен уметь выстроить себе временное пристанище. Тренировки идут следующим образом: будущий зимовщик вырубает из снега кирпичи, складывает из них иглу, а потом он обязан провести в снежном доме ночь, испытывая таким образом его теплоизоляционные свойства.

СТОЛБ ВЕРСТОВОЙ, ПРЕЦИЗИОННЫЙ...

Недалеко от польского города Конин на обочине дороги стоит высокий верстовой столб, сложенный из песчаника. Высота его от основания до верхушки — 252 сантиметра. На столбе имеется старинная, но все еще хорошо читаемая надпись на латинском языке. Она гласит, что столб поставлен в 1152 году на дороге, соединяющей торговые города Калиш и Крушица. Между прочим, этот древний дорожный знак стоит точнехонько на полпути между двумя городами. До Калиша — 104 километра, и до Крушицы — ровно столько же. Любопытные туристы решили проверить точность установки столба и определили, что древние строители ошиблись всего на 250 метров...

СТРАШНЕЙ ОСКАРА ЗВЕРЯ НЕТ

Флетчер Хейнс владеет свалкой металлического лома в городе Ламберте (штат Миссисипи, США). Казалось бы, свалка есть свалка, какая может быть здесь пожива? И тем не менее едва ли не каждую ночь владения Хейнса подвергались налетам грабителей. Воры тащили все — старые колеса, ржавые радиаторы, искореженные бамперы... Хейнс купил свору доберманпинчеров — впустую. Грабители начисто игнорировали сторожевых собак.

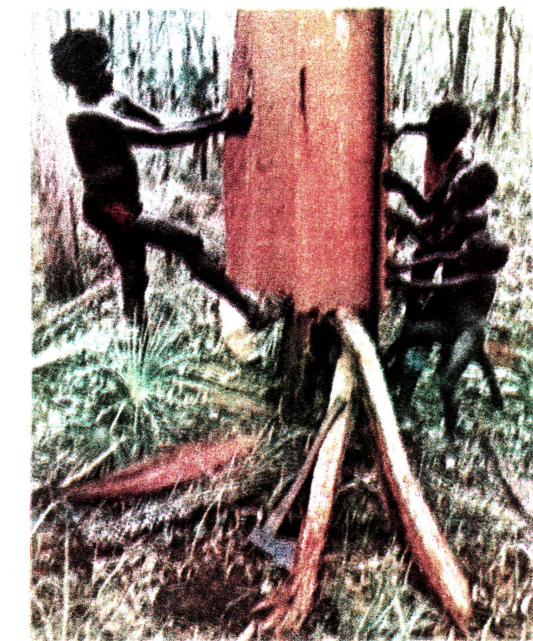
Что делать? Обнести свалку электронной сигнализацией? Никаких денег не хватит. Ответ пришел с неожиданной стороны. На одной из распродаж домашних и экзотических животных Хейнс увидел страуса Оскара. Птица с такой яростью накидывалась на публику, что решение сложилось сразу. Владелец свалки продал всех доберманов и купил одного Оскара. Этого оказалось достаточно. Агрессивности страуса хватило бы и на десятерых. Теперь Флетчер Хейнс спит спокойно: он знает, что на свалке несет службу злой Оскар, за короткое время ставший притчей во языцех у всей округи. Отныне воры не то что колесо — винтик от «дворника» не смеют унести со свалки.

ШИШКИ-ГИГАНТЫ НА СОСНЕ-ВЕЛИКАНЕ

Какой величины может быть сосновая шишка: десять, пятнадцать, двадцать сантиметров? Оказывается, есть сосны, у которых шишки достигают в длину более полуметра. Речь идет о сосне Ламберта, которая произрастает в Северной Америке вдоль горной цепи Сьерра-Невада в штатах Орегон и Калифорния. Это толстое дерево с диаметром ствола больше метра, а его могучая крона уходит вверх на высоту пятидесяти с лишним метров.

ОЧЕНЬ МНОГО ПУДОВ СОЛИ

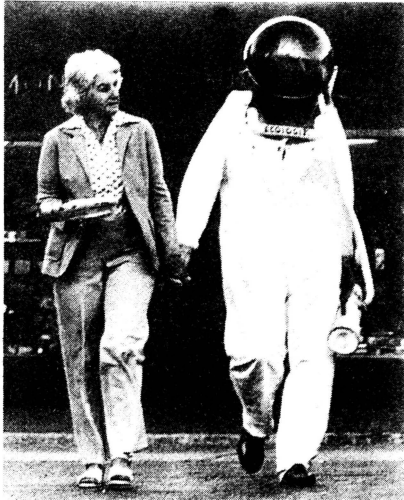
Представим невозможное: вода всех морей и океанов Земли мгновенно испаряется, и остается одна соль. Сколько же ее растворено в Мировом океане? Немало. Из нее можно было бы выстроить стену, которая опоясала бы всю планету по экватору. Несложные арифметические расчеты позволяют определить размеры этой гипотетической стены: при толщине в километр ее высота составила бы 280 метров.

В бразильском штате Сан-Паулу вот уже много лет наблюдаются нашествия птиц: здесь периодически скапливаются миллионы ласточек. Появления птиц в неисчислимых количествах, разумеется, вызывают серьезные заботы властей. Как правило, ласточки прилетают в ноябре, когда начинается бразильское лето. А в конце марта — начале апреля птичье нашествие прекращается. Стаи ласточек быстро снимаются с места и исчезают в небе.

Долгое время орнитологи не могли выяснить причину ежегодных вторжений ласточек. Наконец ученые установили, что речь идет о так называемых пурпурных ласточках, родина которых — Соединенные Штаты и Канада. Здесь они гнездятся, однако где находится их зимнее пристанище — до сих пор не было известно. Только теперь выяснилось, что зимовьем птиц служили определенные районы бразильского штата Сан-Паулу.

Ученые обратили внимание и на то, что птичьи стаи истребляют насекомых, наносящих вред местным плантациям сахарного тростника и соевых бобов. Стало быть, несмотря на шум и загрязнение, налеты ласточек, в сущности, полезны жителям. И это, если не говорить об иностранном туризме, который в последние годы благодаря сообщениям о красочных птичьих нашествиях заметно оживился.

«ЧУЖАЯ» ПЛАНЕТА

Наша планета стала чужой для Глена Восса. Пятидесятилетний австралиец, бывший фермер-овцевод, страдает тяжелой формой аллергии — он не выносит практически никаких запахов химических веществ.

Восс до такой степени чувствителен к аллергенам, что стоит ему четверть часа провести в супермаркете, как болезнь выводит его из строя на много недель. А запахи пестицидов и гербицидов приводит к временному параличу. Восс уехал с побережья, где родился и прожил всю жизнь, сменил несколько городов и селений, но везде его настигали запахи современной химии. Наконец жертва аллергии обосновалась со всей семьей в лесах Нового Южного Уэльса. Но когда Восс собирается навестить соседний городок, ему приходится надевать поистине «инопланетный» костюм — скафандр, шлем, перчатки, в руках — специальный угольный фильтр, формой напоминающий большой фонарь.

В одном из горных районов Бирмы есть пагода, которая покоится на огромном — величиной с трехэтажное здание — монолите, нависшем над пропастью. Достаточно надавить на монолит рукой, чтобы он пришел в движение, — вершина пагоды при этом раскачивается как маятник. Создается впечатление, что и камень и пагода каждую минуту могут рухнуть в бездну, однако это уникальное творение природы и человека существует уже десять веков. Феномен объясняется следующим образом. В нижней части монолита находится небольшой выступ, расположенный всего в нескольких миллиметрах от его центра тяжести. Вот почему достаточно небольшого усилия, чтобы стала раскачиваться громада, весящая тысячи тонн.

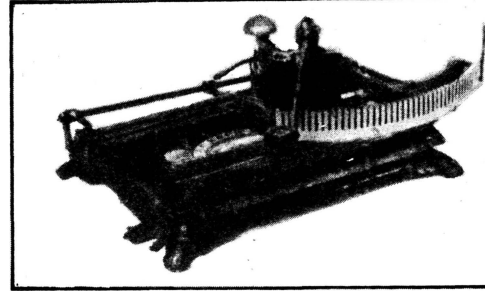
БАМБУК ДЛЯ БОЛЬШОЙ ПАНДЫ

Многие знают, что большая панда, или бамбуковый медведь, — вовсе не медведь. Хотя и те и другие животные входят в отряд хищных, но медведи образуют семейство медвежьих, а панды — это уже енотовые. В отличие от косолапов, не особенно разборчивых в пище, у большой панды никогда не возникает вопроса: «А что бы сегодня съесть на обед?» И на завтрак, и на обед, и на ужин у нее всегда одно и то же блюдо — бамбук, главным образом молодые побеги.

Обитает этот интересный, красивый и крайне редкий зверь на ограниченной территории — в горных лесах всего трех провинций Китая. На земле произрастает 600 видов бамбука, но далеко не всякий из них годится для стола панды.

Бамбук цветет раз в десять лет и, дав семена, погибает. Цветение и последующая гибель бамбука одновременно на больших площадях влечет за собой и гибель панд: их косит голод. По этой причине в середине семидесятых годов нашего столетия погибло около 130 панд — более десяти процентов их современной популяции. Можно ли помочь зверю?

Международный фонд любителей диких животных и правительством КНР приступили к осуществлению программы по спасению панд. Ученые попытаются найти другие виды бамбука, пригодные для питания панд, и попробуют переселить часть животных в те места, где необходимыми им бамбук еще не зацвел.

МАШИНИСТЫ ПЕЧАТНОЙ РЕЧИ

Пути новых изобретений неисповедимы. Иногда новшество завоевывает себе признание с большим трудом. Пример — столь обыденные в наше время пишущие машинки. Первые образцы пишущих машинок — правильнее сказать, прототипы — были сконструированы еще в двадцатых годах прошлого века. И... цель их десятилетиями они не вызвали практического интереса у публики. Их считали курьезными новинками — не более того. Лишь в 1882 году дело, наконец, пошло — была устроена первая большая распродажа машинок.

Как выглядели пишущие механизмы того времени? На современный взгляд, странно и неуклюже. Вот одна из машинок выпуска 1888 года — марки «Космополит». Непонятно даже, с какого конца к ней подходить, ясно лишь, что для работы на «Космополите» требовался человек с недюжинной физической силой. Неудивительно, что долгое время печатание на машинке считалось сугубо мужским ремеслом. И так, если бросить взгляд в прошлое, то на заре машинописного дела мы увидим фигуру не изящной барышни-машинистки, а мускулистого машиниста.

ЛИСТЯ
СТАРЫЕ СТРАНИЦЫКРУГОСВЕТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ В 20 ДНЕЙ

Все новые рекорды скорости кругосветных путешествий, достигаемые в наше время, не имеют, однако, непосредственного практического значения, так как рекордсмены пользуются для своих целей специально построенными автомобилями и аэропланами.

Главной же целью Леона Кирана, репортера американской газеты «Нью-Йорк таймс», было не столько достигнуть мирового рекорда, сколько конкретным и убедительным образом доказать громадный прогресс в усовершенствовании современных путей сообщения.

Пользуясь исключительно общедоступными средствами передвижения, находящимися в распоряжении каждого путешественника, он перелетел из Нью-Йорка во Франкфурт-на-Майне на борту обыкновенного пассажирского дирижабля.

Отсюда на пассажирских же самолетах пролетел города Рим, Александрию, Багдад, пересек Индию и, пролетев над Малайскими островами, очутился в Гонконге. Дальше все так же на пассажирских аэропланах он перелетел Тихий океан через Филиппинские острова и достиг Сан-Франциско.

Несмотря на то что все путешествие было проделано без пользования экстремными поездами или другими специально заказанными средствами транспорта, оно все же является самым быстрым из тех, которые проделывались по обычным путям сообщения. Леон Киран закончил его в 20 дней.

«Вокруг света», 1937 год

ОНИ НЕ ПРИЛЕТЯТ

Фантастический рассказ

Нарон был представителем четвертого поколения галактических летописцев. На его столе лежали две книги. В одну, широкую и пухлую, заносились расы разумных существ, в другую, значительно меньшего размера, — лишь те, что уже достигли поры зрелости и мастерства и могли быть приняты в Галактическую Федерацию. Ряд записей в большой книге был вычеркнут: в силу разных причин некоторым расам так и не довелось выжить, развиться. Несчастья, биохимические и биофизические несовершенства, социальные антагонизмы — все это порой губило нарождающуюся цивилизацию. Зато в меньшей книге не был вычеркнут ни один номер.

Немыслимо древний Нарон поднял глаза на подошедшего гонца.

— О, Единственный Великий... — начал тот.

— Ну, ну, поменьше церемоний. Что там такое?

— Еще одна группа организмов вступила в пору зрелости!

— Прекрасно, прекрасно... Нынче они растут не по дням, а по часам. Годы не проходят без новичков. Кто на сей раз?

Гонец назвал код галактики и внутригалактический номер планеты.

— Я ее знаю, — проговорил Нарон и округлым почерком занес название планеты сначала в первую, а потом и во вторую книгу. По традиции он воспользовался тем именем планеты, под которым она была известна большинству аборигенов. Он написал: «Эрона».

— Эти создания побили все рекор-

ды, — сказал Нарон. — Ни одна другая цивилизация не проходила путь от зарождения разума до возмужания так быстро. Если верить твоим данным, эронцы обгоняют многие расы. Надеюсь, сведения точные?

— Да, Единственный, — отвечал гонец.

— Они овладели термоядерной энергией, не так ли?

— Овладели.

— Что ж, это серьезный критерий... — Нарон усмехнулся. — Скоро их корабли пробьются к нам и установят связь с Федерацией.

— Но дело в том, — неохотно сказал гонец, — что, по словам наблюдателей, они еще не проникли в космическое пространство.

— Как, совсем? — изумился Нарон. — Даже межпланетной станции не завели?

— Пока нет, Единственный.

— Но если у них есть термоядерная энергия, как же они ее используют?

— Проводят испытательные взрывы...

Нарон выпрямился во весь свой семиметровый рост и загремел:

— Как? На собственной планете?!

— О да, Великий...

Нарон медленно вытащил свой стилос и перечеркнул последнюю запись в обеих книгах. Такое случилось впервые, но Нарон был мудр, очень мудр и в отличие от иных обитателей Галактической Федерации мог предвидеть неизбежное.

— Глушцы, — пробормотал он.

Перевел с английского
А. ШАРОВ

АРАУКАРИИ ПОМНЯТ

Где-то в центре моря Фиджи лежит этот клочок суши — остров Норфолк. Удаленный на тысячи морских миль от берегов Австралии, Новой Зеландии и Новой Каледонии, Норфолк снискал в XVIII веке славу «самой суровой каторги, по сравнению с которой и смерть — милосердие». Каторжники, привезенные из Англии, под суровым надзором сводили на корабельную древесину гигантские араукарии — норфолкскую ель. На месте сведенных лесов разбивали плантации тропических растений.

Трудно сейчас сказать, какого возраста были те великаны, что извели здесь два столетия назад. Зато хорошо известно, что растет это могучее дерево не торопясь — за полвека оно только выходит из возраста юности, сбрасывая игловидные листья и меняя их на чешуевидные. И лишь к тремстам годам древесина его становится зрелой, готовой к хозяйственному использованию.

Со временем каторгу держать стало нерентабельно, и в 1856 году остров был предоставлен другим новоселам — переселенцам с Питкэрна. Оттого-то островитяне Норфолка и сейчас называют себя питкэрнцами и хранят свой языковой диалект. Диалект так и называется «норфолк». Он сложился из соленого простонародного языка английских матросов — бунтовщиков с «Баунти» — и певучего наследия тайтянских прапрабабок.

Сегодня, когда внуки слишком разбалуются, бабушки останавливают их словами: «Ииюлла!» Это значит на норфолке — «тот, кто воображает себя большим, а на самом деле таковым не является»... Кто проверит, так ли это звучало в свое время?

Может быть, араукарии? Самые молодые деревья видели питкэрнцев, когда прибыли они сюда с «первой родины», с перенаселенного острова Питкэрн. Его, как и Норфолк, не сразу отыщешь на карте Великого Тихого океана. Хотя — всего-то печали — если взять с Питкэрна на запад, то через три тысячи семьсот морских миль в бескрайности океана наткнется судно на базальтовую шапочку Норфолка.

Кое-где, на самых кручах его, уцелели величавые араукарии. Деревья, которые могут прожить тысячу и даже больше лет, которые помнят, как плыли сюда потомки мятежников с «Баунти»...

М. МАКСИМОВА

В номере использованы иллюстрации из журналов: «Гранд репортаж» (Франция), «Нэшнл джиографик» (США).

Наш адрес: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; науки — 285-89-38; литературы — 285-80-58; писем — 285-88-69; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Искатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1985 г.

Сдано в набор 29.01.85. Подп. к печ. 22.03.85. А00700. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отг. 28,6. Учетно-изд. л. 11,4. Тираж 2 700 000 экз. Заказ 50. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушеская, 21.

«Вокруг света», 1985, № 4, 1—64, Издательство «Молодая гвардия». 70142

ВЕНГРИЯ

БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО

МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Цена 80 коп.

Индекс 70142

ISSN 0321 — 0669